

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ №5 «ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ»****Исследование взаимосвязей между особенностями родительско-детских отношений
и когнитивным развитием детей в двухдетных семьях***Алексеева Ольга Сергеевна**молодой ученый**Психологический институт Российской Академии образования, Москва, Россия**E-mail: olga_alexeeva@mail.ru*

Наличие сиблинга в семье является важным фактором, влияющим на психическое развитие ребенка. Исследования показывают, что дети, имеющие 50% общих генов и живущие в одной и той же семье, могут существенно различаться по индивидуальным характеристикам (Plomin, 2001).

Раньше акцент в исследованиях был сосредоточен на таких статических переменных, как различия в возрасте между сиблингами или порядок их рождения. Однако, в последнее время, исследователи, занимающиеся вопросами сиблинговых отношений, основное внимание уделяют семье. (Brody, 1998) Изучается характер детско-родительских отношений, стилевые особенности воспитания и отношения между сиблингами.

Целями нашего исследования были: 1. сравнить внутрисемейное сходство сиблингов в когнитивной сфере. 2. проанализировать корреляции между матерями и детьми по показателям интеллекта и когнитивным стилям 3) проанализировать влияние родительско-детских отношений на когнитивное развитие ребенка.

Выборка

Выборка на данный момент включает в себя 70 полных семей, имеющих двух детей в возрасте от 8 до 22 лет. Разница между сиблингами не превышает 5-ти лет. Средний возраст старшего сиблинга – 17,7; младшего – 14,5; матери – 43,5; отца – 45,9.

Методы

Для определения уровня когнитивного развития использовался тест Д. Векслера (детский и взрослый варианты). Для диагностики когнитивных стилей использовались методика «Тест включенных фигур» (Witkin, 1974).

Родительско-детские отношения исследовались с помощью опросника «Взаимодействие родителя с ребенком» (Марковская, 1998).

Результаты

Внутрипарное сходство сиблингов в когнитивной сфере.

В результате проведенного исследования было получено, что внутрисемейные корреляции между сиблингами по невербальному (PIQ) и общему интеллекту (IQ) значимые (0,39 и 0,25). Корреляций по вербальному интеллекту (VIQ) обнаружено не было.

При анализе результатов теста включенных фигур была получено, что корреляция между результатами теста старшего и младшего сиблинга составляет 0,41.

Корреляции между показателями когнитивного развития сиблингов и их матерей.

Статистический подсчет выявил, что существуют значимые взаимосвязи между показателями интеллекта обоих сиблингов и их матерей. Корреляции старших сиблингов с матерями по показателям интеллекта (VIQ, PIQ, IQ) выше, чем корреляции младших сиблингов с матерями. (Корреляции старших сиблингов с матерями по VIQ

0.58, по PIQ 0.61, по IQ 0.68; корреляции младших сиблингов с матерями по VIQ 0.39, по IQ 0.36, по PIQ незначимая).

Влияние родительско-детских отношений на когнитивное развитие детей.

Была выявлена отрицательная корреляция между показателем VIQ старшего, а также показателями VIQ, PIQ и IQ младшего сиблинга и шкалой Контроль-Автономность материнской версии опросника (с VIQ старшего сиблинга - -0,26; с VIQ младшего сиблинга -0,53; с PIQ младшего сиблинга -0,34; с IQ младшего сиблинга -0,46). То есть более выраженное контролирующее материнское поведение соответствует более низкому интеллекту детей.

Существует положительная корреляция между шкалой Сотрудничество - Отсутствие Сотрудничества в отцовской версии опросника с показателем PIQ старшего сиблинга (0,25) и показателем IQ младшего сиблинга (0,26).

Показатели общего и вербального интеллекта младшего сиблинга еще связаны со шкалой Отвержение-Принятие ребенка как материнской, так и отцовской версии опросника. Показатель IQ младшего сиблинга коррелирует с этой шкалой в отцовской версии опросника (0,25), а показатель VIQ младшего сиблинга – в материнской версии опросника (0,26).

Следует отметить, что корреляций показателей интеллекта старшего сиблинга со шкалами опросника родительско-детских отношений было выявлено намного меньше, чем корреляций показателей интеллекта младшего сиблинга со шкалами этого опросника.

При исследовании взаимосвязей между шкалами опросника родительско-детских отношений с показателями полнезависимости/полезависимости детей было выявлено, что стиль родительского отношения практически никак не влияет на тип когнитивного стиля сиблингов. Только со шкалой Автономность-Контроль отцовской версии опросника и когнитивным стилем младшего сиблинга была обнаружена значимая отрицательная корреляция (-0,43).

Литература

1. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. - СПб.: Речь, 2006.
2. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. – Л.: Медицина, 1990.
3. Brody Gene H. Sibling relationship quality: Its causes and consequences// Annual reviews psychology, 1998. v.49, p. 1-24.
4. Dunn J., Deater-Deckard K., Pickering K. Siblings, parents and partners: family relationships within longitudinal community study// Journal of child psychology and psychiatry, 1999. v 40, N 7, p. 1025-1037.
5. Plomin R, Asbury K, Dunn J Why Are Children in the Same Family So Different? Nonshared Environment a Decade Later // Canadian Journal of Psychiatry, 2001. v. 46, p. 225-233.

Дефицит доверия к миру и к себе как причина криминального поведения подростков

Астанина Надежда Борисовна

аспирантка

Московский городской психолого-педагогический университет, Воронеж, Россия

E-mail: narcissus@bk.ru

Проблема противоправного поведения несовершеннолетних вот уже на протяжении многих лет не теряет своей актуальности. Изучению особенностей личности

подростка, находящих свое выражение в противоправном поведении, исследователи уделяют особое внимание. Мы считаем, что в качестве причины криминального поведения подростков может выступать дефицит доверия к миру и к себе.

Доверие как отдельное явление в психологии изучено крайне слабо, в большинстве случаев доверие рассматривается как необходимое условие возникновения какого-либо другого явления и не является предметом специального анализа. Как самостоятельное явление доверие описано в трудах Э. Эриксона (Эриксон, 1996; Эриксон, 2000); Т. Говира (Govier, 1992), а также в работах отечественного психолога Т.П. Скрипкиной (Скрипкина, 2000). Э. Эриксон и Т. Говир описывают доверие как качество мировоззрения, при котором мир является дружественным, управляемым, предсказуемым, стабильным, иными словами, безопасным. Т.П. Скрипкина определяет доверие как установку-отношение, которая является механизмом, объединяющим субъекта и объекта в единую систему. Можно предположить, что доверие невозможно свести к какой-либо единой психологической категории в виду сложности, многоаспектности системного характера явления.

Можно говорить о доверии как о мироотношении и о доверии к части мира в отдельной ситуации; о доверии к другому и о доверии к себе.

Мы определяем доверие как тип мироотношения субъекта, при котором мир наделяется качествами справедливости, стабильности, предсказуемости, в целом, безопасности, и при котором каждая отдельная ситуация априорно оценивается как полезная для него. Это двуполосное явление, один полюс которого – доверие к миру, другой – доверие к себе. Доверие к себе – отношение к себе как субъекту собственной активности, при котором в каждой отдельной ситуации субъект чувствует себя априорно способным к достижению цели.

К числу важнейших функций доверия относятся личностно-сохраняющая и социальная.

Доверие к миру или, иными словами, вера в его справедливость, стабильность, в то, что он является предсказуемым и управляемым, дает человеку возможность свободно, адекватно ориентироваться в нем. Вера в то, что мир подчиняется определенным и ясным законам позволяет отслеживать и прогнозировать ситуации, которые являются безопасными и небезопасными. Зная эти закономерности, становится возможным управление ситуацией и собственным поведением, то есть ощущение себя субъектом собственной активности (доверие к себе).

Если мир воспринимается человеком как несправедливый, непредсказуемый, хаотичный, то и активность такого человека, скорее всего, также будет стихийной. Восприятие мира как хаоса порождает ощущение постоянного страха и напряжения, так как ничего невозможно контролировать. Можно предположить, что, в этом случае, когда мир со всеми его составляющими кажется одинаково небезопасным и активность человека беспорядочна и бесконтрольна, увеличивается вероятность совершения правонарушений. К примеру, подросток может стихийно присоединиться к криминальной группировке или совершить преступление под влиянием сиюминутных мотивов.

Социальная функция доверия заключается в поддержании стремления бережного отношения к объектам мира, соблюдения законов общества. Если мир кажется безопасным, готовым принять человека как свою часть, то естественно ответное желание заботиться об объектах мира, жить по его законам. И, напротив, если мир воспринимается враждебный, чужеродный, отвергающий, то у человека может возникнуть желание противопоставить себя миру. Если ребенок чувствует себя беспомощным и покинутым в потенциально враждебном мире, это способствует формированию базальной враждебности – стремления отвергнуть и наказать мир, который отвергает его (Хорни, 1998). В этом случае, можно вымещать злость на

объектах мира или восстановить справедливость путем незаконного присвоения того, что мир этому человеку не дал. С этой точки зрения, дефицит доверия к миру и себе может являться причиной криминального поведения подростков.

Литература

1. Скрипкина Т.П. (2000) Психология доверия / Т.П. Скрипкина. – М. : Академия.
2. Эриксон Э. (1996) Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс.
3. Эриксон Э. (2000) Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : Летний сад.
4. Хорни К. (1998) Невроз и развитие личности / К. Хорни. – М. : Смысл.
5. Govier P. (1992) Distrust as a practical problem // Journal of social philosophy. - Vilanova. Vol. 23. №3.

К вопросу о взаимосвязи личностных ценностей и творческого потенциала руководителей творческих коллективов

Белан Маргарита Александровна

студентка

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Щеголева Тамара Михайловна

кандидат психол. наук, доцент

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: mar-belan@mail.ru

Введение

В настоящее время постоянные изменения в политической, экономической, духовной сферах нашего общества в последние годы влекут за собой радикальные изменения в психологии людей. Особую остроту сегодня приобретает обращение к личностному ориентиру в науке в связи с социальной нестабильностью, влекущей за собой постоянные изменения поступков людей и переоценке ценностей человека в его взаимоотношениях с окружающим миром. Категория «ценность», по мнению отечественных и зарубежных психологов, - это то, что приобретает личный смысл для индивида.

В жизни современного человека внутренние, личностные ценности особенно актуальны, поскольку на данный момент перед обществом открывается масса новых возможностей, которые нужно уметь правильно использовать. Для этого необходимо раскрыть свой внутренний потенциал и развивать свои потенциальные способности таким образом, чтобы помочь самому себе гибко взаимодействовать с современными, нестабильными жизненными условиями.

Выборка и методы исследования

В исследовании принимали участие художественные руководители таких творческих коллективов, как смешанная академическая вокально-хоровая группа, детский академический ансамбль, театральный коллектив, коллектив классического и народного танца, а также преподаватели инструментальной музыки. В исследовании принимали участие 10 человек, среди них трое руководителей и преподаватели художественных коллективов, все женщины.

Нами были использованы следующие диагностические методы: методика САМОАЛ, методика предельных смыслов (МПС).

Методика САМОАЛ, разработанная А.Маслоу, позволяет провести диагностику общего уровня самоактуализации, а также ряда конкретных показателей творческой самореализации личности.

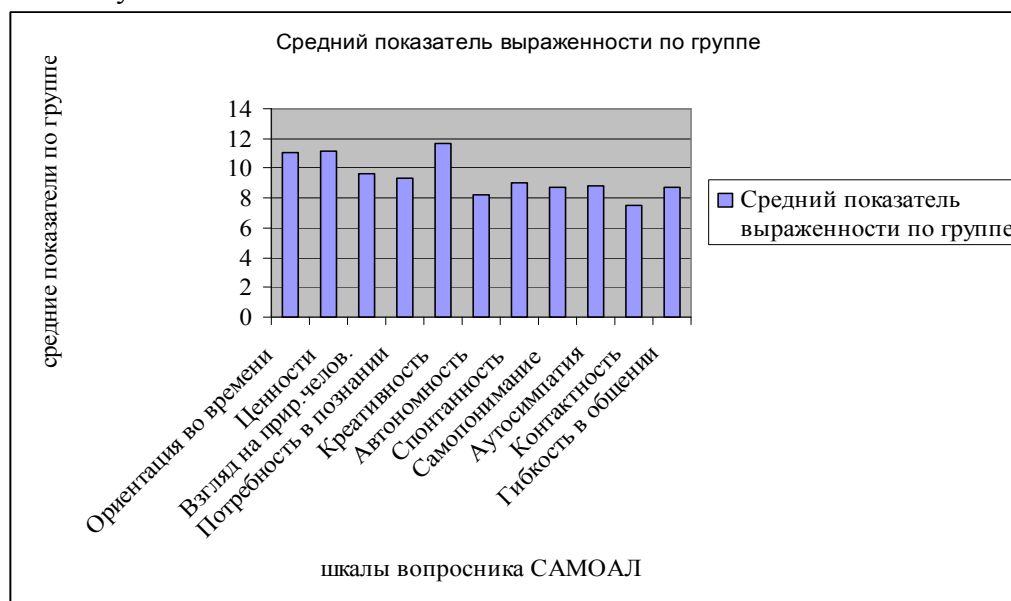
Методика предельных смыслов, разработанная Д.А. Леонтьевым, позволяет изучать динамическую смысловую систему. В данной методике воплощен прием изучения динамических смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении.

Мировоззренческие структуры, выявляемые с помощью методики предельных смыслов, являются проекцией в плоскость сознания динамических смысловых систем, образующих содержательно-смысловой уровень структуры личности. Данные о развитии творческого потенциала личности и общего уровня самоактуализации интересны в сравнении с результатами методики предельных смыслов.

Результаты

По результатам проведенного исследования выявилось, что у данной группы испытуемых получились достаточно объемные цепочки смысловых связей (наибольшее количество категорий 18, а наименьшее количество 5), что свидетельствует о творческой направленности профессиональной деятельности данной группы. Согласно полученным данным, общий показатель стремления к самоактуализации у данной группы составляет 65, что указывает на достаточно высокий уровень направленности на самореализацию внутреннего, творческого потенциала.

Диаграмма средних показателей выраженности шкал вопросника САМОАЛ по группе испытуемых

Индекс децентрации испытуемых составляет 3,1, индекс рефлексивности 5,2, индекс негативности 0,9, что свидетельствует о развитости внутреннего мира испытуемых данной группы, осознании собственного ментального функционирования, о творческом отношении к собственной жизни, умением «жить настоящим» и ценить внутреннюю гармонию. Также мы сделали выводы, что члены данной группы не склонны проявлять стремление к ограничению активности, не вызванной ситуативной необходимостью, а также не предрасположены к взаимно полезным и приятным контактам с другими людьми.

Также полученные показатели позволяют судить о том, что участникам спортивных коллективов, очевидно, требуется более активная передача эмоций зрителям, чем участникам музыкальных, что возможно, служит толчком для руководителей спортивных коллективов находиться в тесной и активной взаимосвязи со своими воспитанниками. Данные выводы подтверждаются полученными, которые

свидетельствуют об устойчивости межличностных взаимоотношений испытуемых, доверии и непредвзятости к людям, способности к бытийному познанию, также данные результаты свидетельствуют об аутентичном взаимодействии с окружающими, способности к самораскрытию.

При этом мы смогли отметить, что руководителям спортивных коллективов сложнее и выразить свою мысль, чем руководителям музыкальных коллективов, что, возможно, объясняется тем, что руководителям музыкальных коллективов чаще приходится выражать эмоции в словесной форме, спортсменам же, более свойственно показывать пример в движении. Полученные результаты свидетельствуют о стойкости Я-концепции, целостности и полноты личности, внимательности к эмоциям, чувствам, ощущениям своего «Я», свободе от психологических защит у членов данной группы.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности, М. – 2002.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживаний, М. - 1984.
3. Исследование проблем психологии творчества /под ред.Я.А. Пономарева. М.: 1990.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. — М. – 2003
5. Маслоу А. На подступах к психологии бытия, М-К. – 1997.
6. Чудновский Становление личности и проблема индивидуальности. М. -2006.

Оценка субъективного осмысления изменения объекта

Блинникова Светлана Леонтьевна

молодой ученый

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: zagoryankas@mail.ru

Субъективное понимание вещей как изменяющихся выделяется в качестве характеристики диалектического мышления и миропонимания как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Такое познание рассматривается как особый род понимания субъектом явлений мира, который может сосуществовать в обыденном познании с традиционным для современного западного человека недиалектическим взглядом на мир.

При изучении диалектического осмысления обычно избираются непсихологические объекты субъективного познания. В нашем исследовании мы сосредоточились на понимании субъектом психологических явлений, а именно мотивации поведения.

Мы рассматриваем изменение объекта не только как его переход из одного состояния в другое, а в том числе и как его движение в пределах полярных состояний.

Предлагаемая нами методика направлена на оценку субъективных допущений ситуативного изменения мотивации на противоположную у одного индивида. При заполнении опросника респондент определяет вероятность перехода гипотетического индивида к поведению с противоположной направленностью.

Эмпирическая апробация данной методики показала, что исследуемая характеристика может быть представлена тремя факторами, связанными со сферами, в которых допускаются или нет изменения. Первый фактор – «поверхностный» - относится к мотивационным полярностям, обычно присутствующим в повседневном поведении, но не затрагивающим основ отношений с людьми и миром. Второй – «глубинный» - относится к экзистенциальным, морально-нравственным полярностям.

Третий – «риск» - объединяет полярности, связанные с вызовом или рискованным поведением. Первый фактор коррелирует с третьим (0.577), а второй независим от них. При разработке такой модели использовались методы эксплораторного факторного анализа и конфирматорного (последний показал хорошую согласованность модели с данными: CFI=0.815, RMSEA=0.060, хи-квадрат=124 при 74 степенях свободы).

Измеренное с помощью данной методики субъективное допущение изменений обнаружило связи с такими индивидуальными характеристиками, как чувство связности, осмысленность жизни, временная перспектива личности. Эти связи оказались нелинейными. При этом с индивидуальными особенностями соотносятся не отдельные компоненты диалектического миропонимания, а их комбинации.

Преобладание допущения поверхностных изменений (фактор 1) над глубинными (фактор 2) сопровождается высоким чувством связности, высокими оценками по фактору позитивного прошлого, средними значениями по фактору интереса к процессу жизни (эмоциональной насыщенности жизни) и высокими показателями по фактору управляемости жизни, входящими в осмысленность жизни.

Кроме указанных характеристик была также измерена толерантность к неопределенности как фактор диалектического миропонимания наряду с допущением изменения объектов. Толерантность к неопределенности и допущение изменения оказались независимыми друг от друга. Их корреляция близка к нулю, а модель, в которой они представлены в виде независимых факторов, обладает существенно лучшими показателями: CFI=0.738, RMSEA=0.054, хи-квадрат=1132 при 769 степенях свободы, чем предполагающая их объединение в один фактор (результат получен при использовании конфирматорного факторного анализа). При преобладании допущения изменений над толерантностью к неопределенности была выявлена более высокая осмысленность жизни по фактору наличия целей в будущем, более низкие показатели по фактору негативного прошлого и средние значения фактора гедонистического настоящего.

Таким образом, субъективное допущение изменений объекта на его поверхностном уровне при недопущении изменений на его глубинном связано с позитивными индивидуальными характеристиками. Преобладание допущения изменений над толерантностью к неопределенности также соответствует позитивным индивидуальным особенностям.

Честность как свойство личности и возможности ее диагностики¹

Бормотов Александр Александрович²

аспирант

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: bormotov_sasha@mail.ru

Введение

В современных условиях развития общества важность наличия такой устойчивой черты личности как честность выходит на первый план при профессиональном отборе и консультировании компаний и коммерческих организаций. Особенно это актуально для оценки тех сотрудников, которые имеют прямой доступ к материальным ценностям и неразглашаемой информации.

¹ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант № 07-06-85605а/У).

² Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Батурину Н.А. за помощь в подготовке тезисов.

Феномен честности, прежде всего, рассматривается в этике как отдельной отрасли философии. В рамках этой области знаний, честность включает в себя правдивость, верность принятым обязательствам, искренность перед другими и перед самим собой в отношении тех мотивов, которыми человек руководствуется, а также признание и соблюдение прав других. Честность, с позиции этики, характеризует как поступки, так и отдельные стороны поведения определенной личности, выступающие как свойства её характера (Кон, 1981).

В психологии не существует не только единых представлений о честности, но и каких бы то ни было фундаментальных обращений к этому феномену. Можно найти лишь упоминания о последствиях различных, связанных с честностью явлениях. Так, американский психолог Пол Экман исследовал проблемы порождения, понимания и обнаружения лжи (Экман, 2000). Кроме исследования и анализа лжи, обмана и различий в понимании названных феноменов с учетом личностных характеристик и особенностей российского менталитета, В.В. Знаков (Знаков, 2005) предпринял попытку ввести в обиход отечественной психологии разработанное за рубежом понятие «макиавеллизм», понимая под ним склонность личности осознанно манипулировать другими для достижения своей цели. Для оценки этого феномена В.В. Знаков адаптировал методику исследования макиавеллизма личности – «Мак-шкалу» (Знаков, 2001).

Направление диагностики феномена честности более разработано за рубежом, однако оно также является не достаточно теоретически обоснованным. Американские психодиагносты J.B. Miner и M.H. Capps, например, приводят список характеристик «нечестного поведения», в котором, кроме прочего, отмечаются качества, попадающие скорее под дефиниции девиантного или даже делинквентного поведения (Miner and Capps, 1996). Авторы опросника PSI («Personnel Selection Inventory», 1991, 1996) стоят на позициях диагностики честности через определение отношения человека к правонарушениям на работе: насколько он толерантен к воровству и к тем, кто совершает воровство, рационализирует ли респондент факты краж и обмана. В российских реалиях для диагностики честности персонала прямые опросниковые шкалы честности не подходят, ввиду особенностей развития российского бизнеса и специфики менталитета персонала, поэтому более плодотворным, на наш взгляд, является использование наряду с опросниковым проективного подхода.

Методы

С этой целью в лаборатории Психодиагностики ЮУрГУ осуществлена попытка разработки тестовой системы измерения честности, направленной на оценку личностной готовности к честному поведению, хищению или воровству на работе, выявляя людей, которые чаще думают о любом нарушении закона и более уверены в благополучном исходе такой ситуации при участии в ней (Батурин, Бормотов, Первухина, 2006).

С целью определения критериев честности, на диагностику которых будет направлена методика, применялось полустандартизированное интервью, выявляющее, по мнению респондентов, особенности поведения и личностных свойств честных и нечестных людей. Для обеспечения принципа опосредованной оценки критериев честности использовался материал народных пословиц и афоризмов. Данный литературный материал, посредством которого измеряется глубинное личностное отношение к проявлениям феноменов честности и нечестного поведения, отличает признак обобщенности. На этапе психометрической проверки методики диагностики честности участвовало 108 человек в возрасте от 20 до 52 лет: 66 женщин и 42 мужчин. С целью проверки валидности создаваемой методики проведено корреляционное исследование связей результатов выполнения частей теста со стандартизованными методиками, диагностирующими психологические феномены, соотносимые с выделенными критериями честного и нечестного поведения.

Результаты

Выделены следующие критерии честного поведения: правдивость (важность правды и истины), открытость и искренность, конгруэнтность (согласованность, согласие с самим собой), ответственность, доверие к себе и окружающим. Определены и критерии нечестного поведения: лживость (склонность к обману, клевете и так далее), закрытость и скрытность, отсутствие доверия, страхи и активное использование механизмов психологической защиты, склонность к манипуляциям.

Корреляционный анализ результатов исследования показал, что параметры честности блока пословиц и афоризмов прочно взаимосвязаны с психологическими защитами личности (показатели отрицания, замещения, проекции, формирования реакции) на уровне $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$, со шкалами ответственности и социализации СРІ ($p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$), и фактором G (сила «сверх-Я» - слабость «сверх-Я») из 16 PF Кеттела ($p \leq 0,01$). Эти связи подтверждают конструктивную валидность описанных блоков методики.

Подобный подход к диагностике честности как устойчивой черты личности кажется нам наиболее адекватным для решения проблем оценки описанного феномена при приеме на работу будущих сотрудников, с учетом национальных особенностей отношения к честному поведению, правонарушениям, воровству и обману.

Литература

1. Батурин Н.А., Бормотов А.А., Первухина Е.С. Диагностика честности как устойчивой черты личности // Психология образования: культурно-исторические и социально-правовые аспекты. Материалы III Национальной научно-практической конференции. Том 2. – М., 2006. – с. 115-116.
2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 528 с.
3. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. – М.: Смысл, 2001. – 20 с.
4. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. – 288 с.
5. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448 с.
6. Исследуем ложь. Теория, практика обнаружения/ Под ред. М. Льюиса, К. Саарни. – СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2004. – 288 с.
7. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981.
8. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер, 2000. – 272 с.
9. Miner J.B., Capps M.H. How Honesty Testing Works. - Quorum Books, Westport, Connecticut London, 1996. – 192 p.
10. Personnel Selection Inventory Information Guide. – National Computer Systems, Inc., USA, 1991, 1996. – 48 p.

Образы социальных категорий в представлении зрелых людей

Бурнашев Владимир Ильич

студент

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

E-mail: tomtosovaf@mail.ru

Новое время вносит существенные коррективы в развитие взаимоотношений между людьми, основными факторами которых являются меняющиеся образы социальных категорий в представлении личности. Наука и практика сегодня, как никогда, заинтересована данной проблемой. Кризисное время, кроме обострения многих

общественных противоречий, характеризуется также повышением уровня различных форм девиантности. Одной из причин отклоняющегося поведения является наличие размытых образов социальных категорий в представлении личности.

Цель исследования – изучить образы социальных категорий в представлении зрелых людей. Объект исследования – 60 мужчин и женщин в возрасте от 25 до 55 лет. Предмет исследования – социальные категории в представлении зрелых людей. Гипотеза исследования. Образы социальных категорий в представлении зрелых людей связаны с гендерными различиями и условиями проживания. Для достижения цели исследования применены следующие методы научного исследования: анализ теоретических источников, тестирование, анкетирование, сравнительный анализ. Методологической основой исследования явились положения теории социальных представлений С. Московиси. В основу исследования положены теоретические подходы к изучению личностных особенностей взрослых людей, раскрытые в концепции «образа мира» А.Н. Леонтьева, концепции социальной перцепции Г.С. Абрамовой, А.В. Либина, К.А. Абульхановой-Славской.

Теоретический анализ проблемы образов социальных категорий в представлении зрелых людей показал, что зрелый человек стремится занимать ключевое место в обществе, но в связи со сложностью образов социальных категорий в представлении личности возникает проблема исследования факторов, влияющих на данный процесс, наличия изменений в процессе формирования социальных коммуникаций. Особенно важна проблема функций образов социальных категорий, которые они играют на разных возрастных этапах, и возможности управления данным процессом.

В эмпирической части данного исследования выявлялись особенности образов социальных категорий в представлении мужчин и женщин зрелого возраста в зависимости от социального статуса; а также специфика образов социальных категорий в представлении сельских и городских мужчин и женщин зрелого возраста. Стадия юности и ранней зрелости охватывает период с 17 до 40 лет. Она соответствует вступлению человека в интенсивную личную жизнь и профессиональную деятельность. Начало зрелости характеризуется наивысшим уровнем таких показателей, как жизненная стойкость, ценностные ориентации, жизненные смыслы, духовные потребности.

Анализ данных эмпирического исследования показал, что подавляющее большинство мужчин и женщин зрелого возраста относятся к сравнительно слабо дифференцированному базовому слою общества. Содержание их труда в основном соответствует индустриальной ступени развития общества. Общественная значимость этого слоя связана с тем, что он концентрирует основную часть трудового и потребительского потенциала общества. По сравнению с категориями элиты и обеспеченных, его интересы слабее артикулированы, а поведение в деловой и политической сферах отличается меньшей активностью.

Средний слой, по проведенным в ходе исследования расчетам, составляет большую часть активного населения. Но, думается, с учетом не попадающих в социологические опросы люмпенизированных групп населения его доля составляет не менее 12-15%.

Период зрелости характеризуется переходом к независимости в экономическом отношении. В это время приобретается новый статус, который складывается из многообразия прав и обязанностей человека в разных сферах жизни и деятельности, в обществе, на работе, в собственной семье. Становление статуса отдельного человека зависит от системы общественных отношений и социальных преобразований. В то же время статус личности изменяется в зависимости от меры активности самого человека, который может осознавать свое положение в обществе и стремится укрепить свой статус или, напротив, относится к нему пассивно, приспособляясь к существующему положению. В этом смысле образы социальных категорий при адаптации индивида к

новым условиям не играют решающей роли, они могут быть одним из негативных факторов коммуникативной деятельности, но на характер адаптации они влияют в незначительной степени. Особую решающую роль, по нашему мнению, они могут оказать только на адаптацию психологически незрелой личности – ребенка, инфантильного субъекта или психически больного человека. Это подтверждено результатами эмпирической части нашего исследования.

Исследования последних лет заложили фундамент объективного изучения социальных категорий, однако российская наука пока не располагает надежным знанием последней. Анализу различных аспектов этой структуры посвящены сотни работ, но большинство из них либо ограничивается теоретическим анализом проблемы, либо посвящается изучению отдельных, пусть очень важных, общественных групп вне связи с более широким целым.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. - 1994.
2. Белецкая Г.Э. Социальная компетентность // Сознание личности в кризисном обществе. - М., 1995.
3. Берн Ш. Гендерная психология. - СПб.: прай-ЕВРОЗНАК, 2001. - 320 с.
4. Ермолаева М.В. Психология развития. – М., 2000.
5. Забродин Ю.М. Сосновский Б.А. Мотивационно-смысловые связи в структуре направленности личности // Вопросы психологии. - 1999. - № 6.
6. Кон И.С. Психология половых различий // Психология индивидуальных различий: Тексты. - М.: МГУ, 2002.
7. Корчагина Т.В. Психология развития: Учебно-методическое пособие. - М.: Академия, 2005.
8. Крайг Г. Психология развития. – СПб., 2001.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Феникс, 1995.
10. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских. Российских и американских традиций. - М.: Смысл, 1999.
11. Марченко Ю.Г., Мамай И.И. Основы культурологии: Учебное пособие. – Новосибирск: СГГА, 1995.

Языковые детерминанты содержания личностной идентичности

Быльченко Марина Владимировна

аспирантка

Психологического института Российской академии образования, Москва, Россия

E-mail: marina.shoshana@gmail.com

Исследования российских (Андреева Г.М., Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. и др.) и зарубежных (У.Джемс, Ч.Кули, Г.Мид, Э.Эрикссон, А.Тэшфел и др.) ученых показали, что существуют сложные и многозначные отношения между личностной и социальной идентичностью, а их содержание во многом определяется содержанием и спецификой знаковых систем, одной из которых выступает язык.

На основании этого, нами была выдвинута следующая *гипотеза*: свободное владение иностранным языком обеспечивает не только скорость переключения с одного языкового кода на другой, но и обуславливает более широкий выбор терминологии для самоопределения и расширяет группы самоидентификации. *Общая выборка* испытуемых составила 138 юношей и девушек в возрасте от 17-21 года – студенты 2 и 3

курсов высших учебных заведений г.Москвы (МОСУ и МГИМО). Экспериментальная часть исследования представлена следующими направлениями и методиками. Идентичность испытуемых юношеского возраста исследовалась с помощью модифицированного теста М.Куна и Т.МакПартлэнда «Кто я?», характер и содержание их представлений о собственном будущем - посредством качественного анализа написанных ими сочинений на тему «Моё будущее». Проверка выдвинутой гипотезы обусловила необходимость осуществления анализа языковой компетентности испытуемых с целью определения уровня владения иностранным языком, в результате чего они были подразделены на 3 группы: 1) не владеющие иностранным языком, 2) плохо владеющие иностранным языком и 3) свободно владеющие иностранным языком.

Сравнительный анализ порядка ответов студентов всех трех групп на вопрос «Кто Я?» подтвердил общую тенденцию возрастного развития содержания самоидентификации: в большинстве случаев они склонны первоначально называть *объективные характеристики* (определенные социальным статусом и группой), а затем и *субъективные* (оценка себя и личностных качеств, интересы, увлечения, желания и т.п.). При этом во всех группах испытуемых наблюдается общее количественное доминирование субъективных характеристик, процентное соотношение которых представлено в табл.1.

Характеристики	Группы испытуемых		
	<i>Не владеющие иностранным языком</i>	<i>Плохо владеющие иностранным языком</i>	<i>Свободно владеющие иностранным языком</i>
<i>а) субъективные</i>	69 %	70 %	68 %
<i>б) объективные</i>	31 %	30 %	32 %

Все испытуемые в среднем дают 11-12 высказываний субъективного и объективного характера относительно своего «Я». В их содержание входят параметры, которые можно подразделить на основные категориальные группы: социальные параметры (*социальный и семейный статус, место проживания*), возрастные параметры (*возраст*), гендерные (*пол*), отнесение себя к определенному роду или национальности (*человеческий род, национальность, гражданство, зодиакальный знак, вероисповедание, категория «живое существо»*), физические признаки (*внешность, здоровье*), интеллектуальные качества и личные (*имя, интересы и увлечения, личностные оценки, чувства и отношения*), параметры, касающиеся признаков непостоянства и будущих профессий, категории идеального (*философские и мифологические*), растения и явления природы.

В целом различия самоидентификации связаны с качественными особенностями самоопределений, самой многочисленной среди которых оказалась группа личностных качеств, с явным доминированием личностных оценок. Среди них не только добрый/злой, хороший/плохой, но и упорный/ленивый, оптимистичный, креативный, преданный. А также часто упоминается самоопределение типа самоотдача, «опора – надежда своей семьи, помощь» и т.п. Существенное различие было выявлено в категории «отнесение себя к определенному роду или национальности», чаще используемой для самоопределения испытуемыми, владеющими иностранным языком. Так они чаще определяют себя по национальному признаку (1,3% против 0,3%), гражданству и проявлению патриотизма (1,6% против отсутствия таковых у испытуемых, не владеющих иностранным языком), не смотря на то, что именно они в большей степени представляют себя в будущем работающими или живущими за границей или много путешествующими (29% против 19%). Они же обозначили

вероисповедание как параметр самоидентификации (0,5%). Тогда как испытуемые, не владеющие иностранным языком, доминируют по самоопределениям посредством гендерных и физических признаков, будущих профессий. Процентное соотношение категориальных групп самоидентификации испытуемых с разным уровнем владения иностранным языком представлено в гистограмме.

1 – социальные параметры, 2 – возрастные, 3 – гендерные, 4 – отнесение себя к определенному роду или национальности, 5 – физические признаки, 6 – личные качества, 7 – интеллектуальные качества, 8 – признаки непостоянства, 9 – будущее/профессии, 10 – категории идеального, 11 – растения, явления природы.

Что касается субъективных характеристик, то было выявлено появление абсолютно новых категорий у юношей и девушек, свободно владеющих иностранным языком, таких как: растения, животные, философские параметры. Что ранее не было характерно для российских испытуемых. Так они дают такие самоопределения, как цветок, дерево, вишня, природа, лёд, звезда, свет, стекло, ветер; утверждение, поиски, стремление, возрождение, потеря, движение, дело, слова, бесконечность, свежая идея, мечтательная птица, охотник за крыльями; часть истории, история, жизнь, богиня, мир, лицо, судья и т.д. Кроме того, появляются и определения типа: благодетель, основатель фонда помощи голодающим детям Африки, будущее Земли и т.п. Что также нашло отражение в сочинениях «Мое будущее», т.к. именно владеющие иностранным языком испытуемые писали о планах альтруистического характера: улучшение жизни в стране и мире своими усилиями посредством меценатства, благотворительности, участия в различных общественных движениях, помощи детским домам, фондам (18% против 6,3% у не владеющих языком испытуемых). Также они доминируют в видении своего будущего только в контексте карьеры, карьерного роста (32% против 12,5%) и получения второго высшего образования, преимущественно у студентов 2 курса МГИМО (4,2%). Однако в целом по данному параметру в количественном соотношении они уступают испытуемым, не владеющим иностранным языком, у которых он составил 19%. Можно также отметить и достаточно высокую степень уверенности в себе и своем будущем у испытуемых, владеющих иностранным языком. Что коррелирует со степенью активности и уверенности в том, что они в будущем сами все устроят, все зависит от них самих и т.п. Они чаще пишут о будущем как об уже свершившемся, т.е. в настоящем времени. Кроме того, им свойственно расширение круга общения, в том числе отношение к друзьям и родителям (близким). Не только в контексте самоописаний, но и в представлениях о своем будущем.

Исследование личностных особенностей представителей молодежной клубной среды

Виноградов Илья Ильич
аспирант

Центр социологии образования при РАО, Москва, Россия
E-mail: vinmail@mail.ru

Актуальность темы исследования личностных особенностей представителей молодежной клубной среды определяется все возрастающей популярностью ночных клубов среди молодежи. Нередко ночной клуб ассоциируется с доступностью наркотиков. Анализ молодежных субкультур показывает, что употребление психоактивных веществ является в большей или меньшей степени значимым атрибутом данных субкультур, который может выступать как: ритуал приобщения к субкультуре; способ идентификации с ее представителями и как особая форма коммуникации в сообществе. А историческая ретроспектива ясно показывает, что именно сочетание танцевальных наркотиков и современных электронных стилей музыки дали толчок к образованию специфической субкультуры рейверов – молодых людей, употребляющих наркотики и посещающих ночные клубы. В группу рейверов приходят еще не сформировавшиеся как личности подростки. Какое влияние оказывает принадлежность к такой группе на ценности, нормы и на личностное развитие подростков?.

Рейверы – представители яркой, активной и чрезвычайно многочисленной молодежной субкультуры. Эта группа состоит из подростков (юношей и девушек) и взрослых людей от 13 до 30 лет. Некоторые из ее основных отличий – аполитичность, отсутствие ограничений для вступления и выхода из нее. Особенность рассмотрения рейверов как группы заключается в том, что, находясь в клубе, человек может не причислять себя к группе рейверов. Таким образом, в клубе члены других молодежных групп (школьники, студенты, футбольные фанаты) остаются членами своей группы и могут отрицать принадлежность к группе рейверов.

Гипотезы исследования. Нами были выдвинуты две гипотезы. Первая: клубная среда влияет на агрессивные и толерантные установки подростков и молодежи, посещающей клубы. Вторая: в субкультуру рейверов (молодых людей, посещающих ночные клубы) приходят подростки и молодежь с определенными личностными особенностями, такими как: экстраверсия, общительность, избегание борьбы, импульсивность, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

Целью исследования явилось изучение особенностей влияния клубной среды на агрессивные и толерантные установки подростков и молодежи, посещающей клубы и изучение личностных особенностей молодежи, таких как экстраверсия, общительность, избегание борьбы, импульсивность, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

Объектом исследования выступили молодые люди обоих полов от 14 до 26 лет, посещающие клубы больше 1 года. На момент проведения все респонденты находились под воздействием «клубного наркотика» экстази.

Ход исследования. Исследование субкультуры рейверов проводилось с 2005 по 2008 год. В исследовании приняло участие 286 человек. Из них экспериментальная группа, опрашиваемая с помощью опросников, составила 145 человек, контрольная – 116 человек, группа, опрашиваемая с помощью структурированного интервью, 35 человек. Исследование проводилось в ночных танцевальных клубах Москвы и Санкт-Петербурга.

Выводы. На основании данных методики «Мониторинг толерантности» проведенной в 2005-2006 годах можно сделать вывод, что есть связь между принадлежностью к группе рейверов и повышением по шкале «межличностное доверие» и понижением по шкале «ксенофобия к незнакомым». Снижение по шкале «толерантность как черта личности» у экспериментальной группы по сравнению с контрольной, может иметь ситуативный характер. Используя тот же опросник, были опрошены 15 испытуемых под воздействием экстази, а потом, те же люди через два дня,

когда действие стимуляторов уже закончилось. По полученным данным можно сказать, что результат повышения по шкале «межличностное доверие» и понижение по шкале «ксенофобия к незнакомым» не является ситуативным, а скорее является стабильной установкой. Результат по шкале «толерантность как черта личности» является схожим с результатом по предыдущей группе – т.е. у экспериментальной группы этот показатель ниже, чем у контрольной. По результатам методики Баса-Дарки и теста Розенцвейга можно сделать вывод о том, что люди из субкультуры рейверов отличаются пониженной агрессивностью по сравнению с контрольной группой.

По результатам структурированного интервью большинство респондентов отмечают значимость для них коммуникативного аспекта такого способа досуговой деятельности и доступность и привлекательность дешевого наркотика.

Вывод по второй гипотезе, касательно личностных особенностей рейверов, можно сделать исходя из результатов, полученных с помощью методики Стефансона и методики «Личностный дифференциал». В среднем люди из экспериментальной группы получили гораздо более высокий балл по шкале «независимости», а люди из контрольной группы – по «зависимости». Такой результат может показаться парадоксальным, однако молодым людям, входящим в аполитичную, не зависящую от капиталистических инструментов давления субкультуру, действительно может быть более свойственна независимость, чем остальным. Кроме того, это может говорить о большей независимости людей от группы в целом, но большей зависимости от значимых других. Рейверы действительно мало руководствуются общественным мнением в своих поступках и времяпрепровождении, больше ориентируются на себя и свои потребности. Таким образом, они действительно оказываются внутренне более независимыми, что коррелирует с высокой уверенностью в себе (результаты методики «Личностный дифференциал»), ведь в клубе люди расслабляются, факторы, обычно присутствующие в жизни, становятся не действенными и неважными, человек может позволить себе более независимое и раскованное поведение.

На основании данных исследования по методике «Личностный дифференциал» также можно сказать, что есть значимая связь между принадлежностью к группе рейверов и повышениями по шкалам «сила» и «активность». Такой фактор как «сила» свидетельствует о развитии волевых сторон личности. Высокие значения по этому фактору говорят не только об уверенности в себе, но и о независимости, склонности рассчитывать на себя и свои силы в сложных ситуациях. Эти результаты в целом коррелируют с вышеописанными результатами по методике Стефансона.

Обобщая результаты, можно сказать, что данные по всем методикам коррелируют друг с другом. Рейверы действительно по своим личностным особенностям отличаются от других людей, ряд личностных качеств у них выражен сильнее. Качества агрессивности, ксенофобии, нетерпимости, подозрительности, раздражительности не свойственны субкультуре рейверов, напротив, они терпимы по отношению к другим людям и в сочетании с высокой общительностью и готовностью к образованию новых контактов делает среду рейверов в целом очень дружелюбной.

Связь способности к обману и распознаванию обмана с социальным интеллектом, мотивационным профилем и социальными установками личности

Вихман Александр Александрович

аспирант

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: vixmann@mail.ru

Планомерное научное осмысление обмана, как неотъемлемого атрибута человеческой жизни, началось лишь в XX веке, и за этот период накопился большой объем теоретического и практического материала. Несмотря на это, феномен обмана остается одним из самых сложных и запутанных в психологической науке. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, за долгое время изучения появилось крайне мало “жизнеспособных” психологических теорий обмана (McCornack, 1997), так же сложности создает отсутствие единого мнения по поводу классификации актов обмана и лжи (Знаков, 1999). Во-вторых, при психологическом исследовании обмана серьезной сложностью является его диагностика. Причиной первой сложности является то, что результаты многочисленных психологических исследований часто невозможно подвести к единому знаменателю, при этом результаты, зачастую противоречат друг другу (Anolli, 2001). Становится очевидно, что для успешного исследования такого сложного феномена как обман нужно применять системный подход. В этом может помочь теория интегральной индивидуальности, разработанная В. С. Мерлином (Мерлин, 1986).

Попытка исследования обмана в русле данной теории была осуществлена нами в 2007 (Вихман, 2007).

Целью нашего исследования было изучение способности к обману и распознаванию обмана в связи с мотивационно-потребностной сферой, социально-психологическими установками (подсистема ИИ – свойства личности) и социальным интеллектом (подсистема ИИ – интеллект).

Организация и методика исследования: Участниками исследования были 51 человек (две группы студентов Пермских ВУЗов) Исследование включало два этапа. На первом этапе обеим группам была предложена экспериментальная ситуация, в ходе которой тестировалось проявление способности к успешному обману. Реципиентам каждой группы случайным образом давались разные инструкции: одни реципиенты должны были рекламировать на видеокамеру предоставленный им напиток (яблочный сок), с учетом того, что этот напиток был очень невкусный (сок был с высоким содержанием соли), другие – рекламировали обычный сок. Каждому участнику необходимо было делать хотя бы один глоток напитка в начале своего выступления. Видеозапись проходила индивидуально.

После этого записи выступления (обманные и правдивые) были показаны участникам исследования, причем члены одной группы анализировали поведение членов другой группы. Во время этого показа мы просили испытуемых оценить каждое из выступлений по пятибалльной шкале: от *1-не верю* до *5-верю*. Затем у каждого испытуемого, который по инструкции обманывал, был подсчитан средний балл всех поставленных ему оценок. Таким образом был подсчитан показатель успешности обмана или способности к обману.

Для выявления показателя способности к распознаванию обмана был подсчитан средний балл поставленных оценок, причем оценки лживых выступлений были инвертированы, а оценки правдивых просто сложили, нашли среднее значение, только после того нашли общий средний балл для каждого реципиента.

На втором этапе исследования всем испытуемым было предложено заполнить ряд психодиагностических методик на выявление социального интеллекта, мотивационного профиля и социальных установок личности. При обработке данных были использованы: W-критерий Шапиро-Уилкса, коэффициент линейной корреляции Пирсона, T-критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ и факторный анализ

Результаты и выводы: 1. Была выявлена взаимосвязь между способностью к обману и компонентами мотивационно-потребностной сферы, социальными установками и социальным интеллектом (табл. 1). Кроме того, с помощью однофакторного дисперсионного анализа, нами было обнаружено, что слишком высокая творческая активность снижает способность к обману.

Таблица 1.

Показатели	Способность к обману
Творческая активность	0,49**
Макиавеллизм	0,44**
Способность предвидеть последствия поведения	0,41*

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

2. Выявлены различия в параметрах личности и интеллекта у лиц с высокой и низкой способностью к обману. Это согласуется с результатами, полученными в корреляционном анализе.

3. Гипотеза о существовании связи способности распознавания обмана с интересующими нас сферами подтвердилась частично. Важным результатом явилось отсутствие связи между социальным интеллектом и способностью распознавать обман. Были найдены значимые корреляции способности распознавания обмана лишь с параметрами мотивационного профиля, такими как “Мотивация избегания неудач” (-0,51; $p < 0,01$), “Мотивация поддержания жизнеобеспечения” (-0,47; $p < 0,01$) и “Мотивация, направленная на общественную полезность” (-0,38; $p < 0,05$).

4. Для выявления места способности к обману в структуре личности и его распознаванию был проведен факторный анализ на общей выборке. Способность к обману и способность к обнаружению обмана оказались в разных факторах, причем каждая из способностей в своем факторе обладала наибольшим факторным весом. Параметр “Способность к обману” вошел в фактор, названный нами “Социальная адаптивность”, а параметр “Способность распознавания обмана” в фактор “Решительность”. По данным этого исследования способность к обнаружению обмана не связана с социальным интеллектом и установкой на манипуляцию. Можно предположить, что главной характеристикой “людей-полиграфологов” является их решительность в анализе коммуникации.

Подводя итог, можно сказать, что изучение обманных приемов и установок в русле теории “Интегральной индивидуальности” является перспективным, и уже сейчас нами разрабатывается исследование различных обманных актов в связи с разноуровневыми свойствами индивидуальности.

Литература

1. Вихман А.А. Обман и обнаружение обмана в связи с мотивационным профилем, социальным интеллектом и социальными установками личности//Молодой психолог: приложение к журналу “Вестник ПГПУ”. – Пермь. 2007. №1.
2. Знаков, В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания//Вопросы психологии. – 1993. -- №2.
3. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1980
4. L. Anolli, R. Ciceri and G. Riva. Deceptive Miscommunication Theory (DeMiT): A New Model for the Analysis of Deceptive Communication, IOS Press, 2001.
5. S. McCornack, The generation of deceptive messages: Laying the groundwork for a viable theory of interpersonal deception, in: Message production: Erlbaum, 1997

Взаимосвязь компонентов групповой идентификации с типом ориентации группы

Волгач Галина Анатольевна

студентка

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: gala_go@rambler.ru

Феномен групповой идентификации привлекает достаточно большое внимание исследователей. Ее изучением занимались как отечественные, так и зарубежные ученые (Е.П. Авдученко, М.И. Бобнева, Е.М. Дубовская, Н.В. Строкова; Р. Бейлс, Э. Гуссерль, В.М. Хайдеггер, Э. Эриксон и др.). В целом получили осмысление проблемы природы, сущности, этапов, уровней этого процесса и его факторов, типологических характеристик. Вместе с тем анализ работ по данной тематике показывает отсутствие в психологической науке концептуального единства относящихся к ней вопросов, что затрудняет согласование базовых теоретических конструктов и осложняет приращение эмпирических данных. Кроме того, идентификационное поведение студентов разной профессиональной направленности социальной психологией практически не изучалось. Поэтому исследование особенностей групповой идентификации в студенческих группах, специфики этого процесса в связи с направленностью этих групп представляет собой новый аспект в разработке указанной проблемы.

Идентификация личности с группой (или групповая идентификация) это процесс и результат отождествления себя с обобщенным образом члена какой-либо социальной группы или общности, за счет которого происходит принятие, часто некритическое, ее целей и ценностей, формирование чувства «Мы». В итоге формируется личность «члена группы», для которой характерно ощущение защищенности в своем коллективе и неразрывности с ним. Одна из функций идентификации состоит в создании целостности группы, ее психологического единства, которое включает в себя поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты. Исходя из этого, в структуре единого процесса идентификации с группой следует рассматривать три взаимосвязанные стороны, или компонента: волевую, когнитивную и эмоциональную.

Поведенческая сторона групповой идентификации включает: результаты деятельности (в частности, ее успешность – неуспешность) и поступки; все то, что могут замечать люди друг в друге. Эмоциональная сторона групповой идентификации включает то, что связано с психологическим состоянием той общности, с которой человек себя идентифицирует. Когнитивную идентификацию на уровне группы в наиболее общем виде можно определить как осознание отдельным субъектом близости своих когнитивных структур и результатов интеллектуальной деятельности ментальным структурам, «фонду знаний и представлений», процессам группового мышления.

В общем виде профессиональная направленность личности включает в себя определенные виды отношений: отношение человека к профессиональной деятельности, к самому себе и к окружающим людям в профессиональной деятельности. В соответствии с отношениями, включенными в направленность, можно говорить о доминировании направленности на себя, на взаимодействие с другими людьми и на задачу.

Нас, главным образом, интересуют особенности групповой идентификации в связи с различной профессиональной направленностью студенческих групп. Можно предположить, что из трех основных компонентов профессиональной направленности – на себя, на дело, на общение – последний из них более способствует групповой идентификации, менее способствует ей направленность на дело и еще меньше – направленность на себя. Мы объясняем это тем, что в основе групповой идентификации лежит процесс межличностного общения членов группы, и установление эмоциональных связей между ними играют при этом ведущую роль. При профессиональной направленности на дело все усилия, скорее всего, будут направлены на конечный результат и на поиск средств достижения поставленной цели. В этом случае группа может выступать посредником, являться необходимым элементом данного процесса. В случае же направленности на себя в той или иной профессии, у человека может быть недостаточно сформировано чувство «Мы».

Гипотезой нашего исследования выступило предположение о том, что в студенческих группах различной профессиональной направленности будут преобладать разные компоненты в структуре групповой идентификации, и это связано с преобладающей в группе у студентов ориентацией на дело, на себя или на общение.

Базой предпринятого нами исследования послужили три факультета ВГУ: философии и психологии, прикладной математики и механики и компьютерных наук. Объектом исследования явились десять студенческих групп (104 студента в возрасте 19-20 лет).

В работе использовался комплекс тестовых и опросных методов, которые конкретизировались в следующем комплексе диагностических методик.

1. Для определения направленности студентов учебных групп использовалась «Ориентационная анкета» В. Смекала и М. Кучеры [4].

2. Для определения степени выраженности когнитивного компонента групповой идентификации применялся опросник «Ценности жизни» [1]

3. Для исследования степени выраженности эмоциональной идентификации нами была использована методика «Цветопись» А.Н. Лутошкина [2].

4. Для определения степени выраженности поведенческого компонента групповой идентификации мы использовали разработанный К.М. Гайдар опросник «Групповые нормы», базирующийся на идее Р.С. Немова и К.А. Хвостова [3].

Полученные по методикам данные обрабатывались с помощью методов количественного и качественного анализа. Для выявления особенностей идентификации в студенческих группах мы использовали критерии различий. Связь этих особенностей с уровнем развития группы, а также со степенью выраженности разных структурных компонентов идентификации с лидером изучалась с помощью корреляционного анализа.

Таким образом, по результатам качественного и количественного, в том числе статистического, анализа можно заключить, что нельзя сделать однозначный вывод о том, что степень выраженности структурных компонентов идентификации связана с преобладающей в группе ориентацией на себя, на общение или на дело. Но можно отметить следующую тенденцию. Коэффициенты корреляции между степенью выраженности когнитивного компонента групповой идентификации и ориентацией на себя, между степенью выраженности эмоционального компонента и ориентацией на себя, и между степенью выраженности эмоционального компонента и ориентацией на общение выше остальных коэффициентов. Во всех изученных нами учебных группах у большей части студентов преобладает ориентация на себя и одновременно в большей степени выражен эмоциональный компонент групповой идентификации по сравнению с двумя другими ее компонентами. Это можно объяснить тем, что когда человек ориентирован на себя, и его главным мотивом становится достижение собственных целей, он склонен «приравнивать» настроения, чувства других людей к своим собственным, пренебрегая эмоциональными различиями между членами группами. Поэтому у такого индивида может возникать как бы инвертированное ощущение единения с группой и общности эмоциональных переживаний с ней (мы предлагаем называть это квази-идентификацией с группой: индивид идентифицирует не себя с группой членства, а группу – с собой).

Литература

1. Кала У.В. Психологическая служба в школе / У.В. Кала, В.В. Раудик. – М., 1986. – С. 37.
2. Лутошкин А.Н. Эмоциональные потенциалы коллектива / А.Н. Лутошкин. – М., 1988. – 128 с.
3. Немов Р.С. Межличностная активность в условиях группового обучения / Р.С. Немов, К.А. Хвостов // Психол. журн. – 1984. – Т. 5, № 6. – С. 39–47.

4. Реан А.А. Психология изучения личности / А.А. Реан. – СПб., 1999. – С. 47–53.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта с показателями психодинамики и свойствами личности

Гирина Ольга Владимировна

студентка

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: olgagir@list.ru

Введение

Традиционные определения интеллекта (Д.Векслер, Р. Кеттел, Терстоун и др.) не включают таких важных для успешности человека аспектов, как межличностное взаимодействие, понимание позиций окружающих, умение управлять своими чувствами и т.п. Поэтому в последние десятилетия как за рубежом, так и в России активно разрабатываются теории эмоционального интеллекта (Дж. Мэйер, П. Сэловей, Р. Бар-Он, Д.В. Люсин и др.).

Сам термин «эмоциональный интеллект» появился в американской психологической литературе в начале 1990. Джон Мэйер и Питер Сэловей первыми дали научное определение этому понятию и разработали первую модель эмоционального интеллекта. Они определяют эмоциональный интеллект как структуру, «в которую включены способности отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий», включающую в себя четыре компонента: восприятие и выражение эмоций, использование эмоций в мышлении, понимание эмоций и управление эмоциями. Эти компоненты выстраиваются в иерархию и последовательно осваиваются в онтогенезе. (Meyer, Solovey)

В России наиболее успешным исследователем эмоционального интеллекта является Д.В. Люсин, который определяет эмоциональный интеллект как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими». Он выделяет два вида эмоционального интеллекта, различающихся по механизмам и формам проявления: внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект.

Организация исследования

Исследование было проведено на 104 испытуемых. Выборка состояла из студентов ВУЗов и ССУЗов г.Перми, обучающихся по специальности «юриспруденция», «культурология», «история», «экономика» и «компьютерная безопасность». В нее входили 33 испытуемых мужского пола и 71 – женского пола, возраст испытуемых от 17 до 33 лет, средний возраст – 19 лет. В качестве метода исследования эмоционального интеллекта был взят один из первых вариантов опросника Д.В. Люсина ЭМИн. Кроме того, у испытуемых такое личностное свойство как эмпатия исследовалось с помощью методики диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко. Для диагностики психодинамических показателей была взята шкала эмоциональности опросника формально-динамических свойств индивидуальности В.И. Русалова.

По результатам варианта опросника ЭМИн с помощью кластерного анализа мы выделили две группы испытуемых: с высоким и низким внутриличностным и межличностным эмоциональным интеллектом, затем сравнили их по t-критерию. В группу с высоким внутриличностным и межличностным эмоциональным интеллектом попало 44 испытуемых, в группу с низкими показателями – 60. Анализируются взаимосвязи показателей ЭМИн с данными шкалы эмоциональной чувствительности по ОФДСИ и методики В.В. Бойко.

Результаты

Испытуемые с высокими и низкими показателями внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта различаются по всем показателям внутриличностного интеллекта и всем показателям межличностного эмоционального интеллекта, кроме фактора «Понимание чужих эмоций через экспрессию». У группы испытуемых с высокими показателями межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта значительно выше результаты и по таким шкалам методики В.В. Бойко, как «Интуитивный канал эмпатии», «Установки, способствующие эмпатии» и «Проникающая способность к эмпатии». Это характеризует людей с высоким уровнем эмоционального интеллекта как более склонных успешно действовать в условиях дефицита информации о партнере, предвидеть действия партнера, они не стараются избегать личных контактов и считают уместным проявлять любопытство к другой личности, умеют создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности.

У испытуемых с высоким уровнем эмоционального интеллекта такие формально-динамические показатели, как интеллектуальная эмоциональность и коммуникативная эмоциональность значительно выше, что характеризует их как более чувствительных к расхождением между ожидаемым и реальным результатом умственной работы, эти люди легче вступают в новые социальные контакты, легче переключаются в процессе общения, более импульсивны в общении и обладают широким набором коммуникативных программ.

Почти все показатели межличностного эмоционального интеллекта коррелируют со всеми остальными показателями эмоциональности и эмпатии, исключение составляет фактор «Интуитивное понимание чужих эмоций». Также фактор «Понимание чужих эмоций через экспрессию» не коррелирует со шкалой «Интуитивный канал эмпатии» методики В.В. Бойко, а фактор «Трудности при понимании чужих эмоций», фактор «Интуитивное понимание чужих эмоций» и общий межличностный эмоциональный интеллект не коррелируют со шкалой «Рациональный канал эмпатии». Фактор «Понимание чужих эмоций через экспрессию» коррелирует отрицательно со всеми показателями, что представляет дальнейший интерес для исследования.

Показатели внутриличностного эмоционального интеллекта очень слабо коррелируют с показателями эмоциональности по ОФДСИ и шкалами эмпатии методики В.В. Бойко. Положительная корреляция обнаружена только у факторов «Осознание своих эмоций» и «Эмоциональная открытость».

По результатам проведенного исследования мы установили, что люди действительно различаются по характеристикам эмоционального интеллекта, при этом люди с разным уровнем эмоционального интеллекта различаются и по показателям психодинамики и по личностным свойствам.

Литература

1. Люсин Д.В. (2004) Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2004.
2. Люсин Д.В., Марютина О.О., Степанова А.С. (2004) Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2004.
3. Русалов В.Н. (1997) Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ). Методическое пособие. М., 1997.
4. Mayer J. D., Salovey P. (1997) What is emotional intelligence? // Salovey P., Sluyter D.J. Emotional development and emotional intelligence: Educational implications. New York, 1997.

Функциональные асимметрии и индивидуальные особенности девиантных подростков

Гут Юлия Николаевна³

аспирант

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: 1700018v@mail.ru

Введение

Целью данной работы явилось изучение индивидуально-психологических особенностей девиантных подростков с разными вариантами профилей латеральности. В исследовании приняли участие 37 воспитанников колонии для несовершеннолетних г. Валуйки и 40 учащихся средней школы № 2 г. Валуйки Белгородской области в возрасте 15 - 16 лет.

Методика

Латеральные особенности испытуемых определялись с помощью «Карты латеральных признаков», включающей в себя критерии парциального доминирования по А.Р. Лурия (1969). Индивидуально-психологические особенности изучались с помощью подросткового варианта методики Р. Кеттела (HSPQ), методики УНП («Уровень невротизации и психопатизации»), методик «Шкалы временной направленности» и «Временной семантический дифференциал» (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, 1984). Для исследования индивидуальных особенностей регуляторных процессов был использован показатель устойчивости выбора (УВ) цветовых стимулов по В.А.Москвину (2002). Статобработка проводилась с использованием t-критерия Стьюдента и непараметрических критериев: U-критерия Манна-Уитни, критерия ϕ^* – углового преобразования Фишера.

Результаты

Полученные данные показали, что характер временных ориентаций экспериментальной группы (подростков, отбывающих наказание) значительно отличается от характера временных ориентаций испытуемых контрольной группы. Девиантные подростки более направлены в прошлое и настоящее - 5 б. и 12 б.; в контрольной выборке – 4 б. и 8,5 б. (при $p < 0.05$), что согласуется с тем, что они живут одним днем, не задумываясь о будущем. Значимых различий по шкалам методики «Временной семантический дифференциал» выявлено не было.

В группе девиантных подростков отмечаются более низкие показатели по шкале «невротизации» - 29,4 б. (что свидетельствует о наличии проявлений невротизации), в контрольной выборке – + 42 б. ($p < 0.05$), т.е. у девиантных можно наблюдать более выраженную эмоциональную возбудимость, которая вызывает различные негативные состояния – тревожность, напряженность, беспокойство, раздражительность. Значения по уровню «психопатизации» также ниже у подростков экспериментальной группы (- 21,2 б., в контрольной выборке – 5,4 б. $p < 0.001$).

Были выявлены различия между девиантными подростками и нормативной группой в усредненных показателях устойчивости выбора по В.А.Москвину (2002) - 52,4 % и 75,5 %, $p < 0.05$), что говорит о недостаточном развитии функций планирования и целеполагания у девиантных подростков.

Для изучения психологических особенностей с учетом вариантов индивидуальных профилей латеральности были сопоставлены выборки девиантных подростков с разными (правыми и левыми) показателями пробы «перекрест рук» (ПППР) по А.Р.

³ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Москвину В.А. за помощь в подготовке тезисов.

Лурия, что отражает парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов и асимметрию третьего блока мозга. Исследование показало, что группа с правыми ПППР (n=16) обнаруживает более высокие показатели направленность в будущее по сравнению с группой с левыми ПППР (n=19), которая более ориентирована на настоящее ($p < 0.05$). Значимые различия по шкале «прошлое» между группами с правыми и левыми ПППР отсутствуют. В методике «Временной семантический дифференциал» достоверные различия между группами ПППР и ЛППР были выявлены по шкале «эмоциональное отношение» - 4,1 б. и 5,8 б. соответственно ($p < 0.05$). Это дает возможность сказать, что девиантные подростки с левыми ПППР воспринимают время как более «приятное» и «безграничное» (исходя из терминологии методики).

Наше исследование показало, что девиантным подросткам с правыми ПППР более свойственны такие черты характера как склонность к авантюрам, решительность, тяга к риску и острым ощущениям. Девиантным подросткам с левыми ПППР более свойственны такие черты характера как ранимость, впечатлительность, тревожность, зависимость, медлительность. Следует обратить внимание на то, что в группе девиантных подростков с правыми ПППР отмечаются более высокие значения как по уровню «невротизации» - 42 б., чем с левыми ПППР - 22,7 б. ($p < 0.01$), так и по уровню «психопатизации» (- 4,3 б., с ЛППР - - 7,5 б., $p < 0.05$). Испытуемые группы с левыми ПППР характеризуются большей эмоциональной возбудимостью, беспечностью, безинициативностью.

Полученные данные могут быть использованы в целях дифференциальной диагностики и при разработке индивидуальных психокоррекционных программ.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о наличии достоверных различий в индивидуально-психологических особенностях (по целому ряду психологических характеристик) между девиантными подростками, отбывающими наказание в колонии для несовершеннолетних и учащимися обычной средней школы.

Анализ структуры латеральных признаков показал, что в выборке девиантных подростков обнаруживается значимое накопление леволатеральных (или правополушарных) признаков.

Исследование особенностей целеобразующих функций показало, что для девиантных подростков характерны затруднения в выборе целей, у них менее развиты функции планирования и целеполагания (по сравнению с нормативной группой).

Девиантные подростки с доминированием левых лобных отделов третьего блока мозга (группа с правыми ПППР) обнаруживают более высокие показатели эмоциональной устойчивости, решительности. Испытуемые с парциальным доминированием правых лобных отделов (группа с левыми ПППР) характеризуются большей эмоциональной возбудимостью, ранимостью, впечатлительностью, тревожностью.

Литература

1. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. - Киев: Наукова думка, 1984. - 207 с.
2. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга (2-е изд.). - М.: Изд-во МГУ, 1969. - 504 с.
3. Москвин В.А. Межполушарные отношения и проблема индивидуальных различий. - М.: Изд-во МГУ, 2002. - 288 с.

Психологическая грамотность как фактор формирования психологической культуры личности

Демьяненко Павел Сергеевич

аспирант

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-mail: pavel-demyanenko@rambler.ru

Наша работа раскрывает особенности влияния индивидуальных и личностных характеристик на специфику формирования психологической грамотности в структуре базовых компетенций психологической культуры личности. Объектом работы выступает психологическая культура личности. Предметом – психологическая грамотность в структуре базовых компетенций психологической культуры личности. Целью работы является анализ психологической грамотности как фактора становления психологической культуры личности на теоретическом и экспериментальном уровне.

В свете современных постклассических тенденций в области методологии науки особенно перспективным нам видится семиотическое описание психологической грамотности, представляющее данный феномен в качестве ментальной знаковой системы, системы психологических знаний, умений, навыков личности в области психологического познания и интерпретации мира дискурса и/или его объектов. Критериями измерения психологической грамотности в данном понимании являются прежде всего перцептивные, аналитические, прогностические умения в области познания и интерпретаций явлений психического порядка.

В своей работе мы попытались выполнить как диагностический, так и исследовательский подход к эмпирической оценке фактора психологической грамотности в диагностике психологической культуры личности. Для проведения исследования были привлечены студенты женского пола 3-го (N = 26 человек), 4-го курса (N = 24 человека) АлтГУ Факультета Психологии и Философии, специальности «Психология» и «Клиническая Психология», возраст – 19-21 год. В качестве критериального диагностического инструмента использован тест «Психологическая грамотность» Л.С. Колмогоровой, который нацелен на диагностику различных типов психологических знаний, умений, навыков личности.

В задачи исследования входило:

1. Показать достоверное изменение (приращение) психологической грамотности личности с обучением на факультете психологии и философии АлтГУ.
2. Определить содержательную специфику фактора психологической грамотности личности студентов-психологов на разных этапах обучения.
3. Раскрыть особенности влияния фактора психологической грамотности личности на становление психологической культуры студентов-психологов на разных этапах обучения

Экспериментальные гипотезы включали 2 утверждения:

1. Содержательная валидность фактора психологической грамотности включает различные компоненты, по разному проявляющихся на разных этапах обучения.
2. Развитие психологической грамотности у студентов-психологов отражается на изменении соответствующих характеристик личностного профиля на разных этапах обучения.

Обе гипотезы нашли свое подтверждение в исследовании.

Попарное сравнение средних значений показателей психологической грамотности между массивами (студенты 3-го и 4-го курса) по суммарному баллу выявило статистически достоверные различия, равно как и исследование суммарного тестового балла в лонгитюде внутри одного массива ($p = 0,05$). Это позволяет доказать факт

действительного приращения психологической грамотности студентов по мере обучения.

Психологическая грамотность обеспечивается в основном за счет тезауруса, в меньшей степени за счет знаниевой компетентности и понимания психологической природы поведения, и не имеет достоверной корреляции с блоком, диагностирующим способности рефлексивного анализа. Этот факт, а также то, что сравнение средних значений показателей теста между психологами младших и старших курсов достоверно только по части 1 «Психологический тезаурус» (t -value составляет $-2,62$; $p = 0,05$) позволяет говорить, что основой для психологической грамотности в первую очередь является профессиональный тезаурус личности, а не базовые компетентности профессиональной деятельности (понимание, рефлексия, психологическая природа явлений и процессов окружающей действительности).

Для проверки 2 гипотезы помимо теста на психологическую грамотность было использовано более 20 тестов, диагностические переменные в которых описывают различные психологические и индивидуально-типологические особенности. Процедура обработки всех данных осуществлялась с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0 методами корреляционного, регрессионного и факторного анализов.

Профиль проявления психологической грамотности в поведении у студентов 3 курса включает 4 типа реагирования: тревожно-мнительный, доброжелательный, доминантно-конструктивный и с высокой потребностью в достижениях. Главной детерминантой освоенного психологически грамотного поведения стала доброжелательная установка в общении с низкой пороговой чувствительностью и низкой личностной тревожностью. Не менее важными критериями психологически грамотного поведения стало отсутствие всех видов проявления тревожности (общей, вегетативной, социальной, личностной, ситуативной) и выработка конструктивного, эмоционально устойчивого способа поведения с ориентацией на социальное одобрение.

Для студентов 4 курса факторная модель психологически грамотного профиля поведения не столь диффузна и включает более специфические критерии, описывающие не только психологическую компетентность личности в общении, как мы это видим у 3 курса, но и собственно профессиональную психологическую доминанту специалиста-психолога – способность к независимой рефлексии и высокий уровень интернальности. Регрессионная модель психологических детерминант психологической грамотности в данном случае помимо профессиональной психологической установки на контакт – спокойствие, мягкость, доброжелательность – включает психологическую компетентность собственно психологического контакта в форме независимости и интернальности в межличностных отношениях и высокой социальной адаптированности. Тем самым, содержательно фактор психологической грамотности на старших курсах представлен более дифференцированно на уровне навыков и выражен в большем объеме знаний и общей психологической грамотности. Что нельзя сказать о более тонких интегрирующих критериях психологической культуры – психологической рефлексии, способности интерпретировать психологическую природу и этиологию поведения - по которым достоверных различий не обнаружено.

Литература

1. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения/ А.А. Бодалев. – М.: Флинта, 1998. – 168 с.
2. Букаяс Т.М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредованной символами// Вопросы психологии. 2002. № 1.
3. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическая культура личности: Контекст субъективного переживания времени жизни// Вестник Алтайской науки: Проблемы социологии и психологии. 2001. № 1.

4. Колмогорова Л.С. Генезис и диагностика психологической культуры младших школьников/ Л.С. Колмогорова. – Барнаул: Издат. БГПУ, 1999. – 256 с.
5. Обозов Н.Н. Психологическая культура взаимных отношений/ Н.Н. Обозов. – М.: Знание, 1986. – 48 с.

Психологическое исследование копинг стратегий подростков

Дервянко Ольга Сергеевна

студентка

Педагогический институт Саратовского государственного университета имени

Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов

E-mail: older@bk.ru

Проблема исследований копинг-поведения представляется актуальной в силу необходимости изучения психологических механизмов социальной адаптации в подростковом возрасте. Понимание условий, причин и особенностей формирования стрессоустойчивости и преодоления сложных жизненных ситуаций подростками способствует осуществлению мероприятий в области профилактики и коррекции девиантных форм поведения.

Исследованию копинг-поведения посвящен достаточно широкий круг работ зарубежных и отечественных исследователей (R.S. Lazarus, 1980, 1986; S. Folkman, 1984; R.S. Moos, 1982; Ф.Е. Василюк, 1984; С.К. Нартова-Бочавер, 1997; Р.М. Грановская, и др.).

Под копингом понимают когнитивные, эмоциональные и поведенческие навыки, помогающие справиться с требованиями социума на основе внутренних ресурсов и возможностей (Маслоу А., 1980). Р. Лазарус (1980) рассматривает копинг-стратегии как поведение, имеющее целью уменьшить или исключить психологический стресс. В отечественной психологии наряду с понятием «копинг» для обозначения преодолевающего поведения вводятся такие понятия как компенсация, совладающее поведение, переживание (Василюк Е.Ф., 1984; Нартова-Бочавер С.К., 1997; Малкина-Пых И., 2003).

Рассматривая стратегии копинг-поведения в поведенческой, когнитивной и эмоциональной сферах Э. Хайм подразделяет их на адаптивные, неадаптивные и относительно адаптивные. Адаптивные стратегии в поведенческой сфере направлены на взаимодействие с социальным окружением, поиск и предложение поддержки. В когнитивной сфере адаптивность проявляется анализом трудностей, поиском путей выхода, повышением самоконтроля и самооценки, верой в собственные ресурсы. В эмоциональной сфере адаптивным считается состояние возмущения и протеста по отношению к трудностям, уверенность в наличии выхода из любой ситуации. Неадаптивность стратегий поведенческой сферы предполагает избегание мыслей о неприятностях, изоляцию, отказ от решения проблем. На когнитивном уровне человек отказывается преодолевать трудности из-за неверия в свои силы, умышленной недооценки неприятностей. В эмоциональной сфере неадаптивность проявляется чувством безнадежности, покорности либо злостью и “поиском виноватых”. И наконец, к относительно адаптивным относятся варианты поведения, характеризующиеся в поведенческой сфере временным отходом от решения проблем, в когнитивной сфере – рассуждательством, сопоставлением своих трудностей с проблемами других людей, поиском помощи “свыше”. В качестве относительно адаптивного эмоционального состояния рассматривается снятие напряжения, эмоциональное отреагирование либо передача ответственности по разрешению своих проблем другим людям.

Цель и гипотеза исследования. Для понимания особенностей реализации копинг-стратегий в подростковом возрасте нами было проведено психологическое исследование в группе подростков. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что в подростковом возрасте ослаблен уровень эмоциональной регуляции, что приводит к риску реализации неадаптивных копинг-стратегий на эмоциональном уровне. Данная гипотеза базируется на психологических исследованиях, посвященных проблемам подросткового возраста (Levin К., 1960; Пиаже Ж., 1967; Лебединская К.С., 1974; Сухарева Г.Е., 1974; Личко А.Е., 1985; Личко А.Е., 1985; Эриксон Э., 1996; Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И., 2000). Эти проблемы касаются, прежде всего, особенностей самоотношения и отношения с другими людьми, эмоциональной и когнитивной зрелости.

Методы исследования. Для изучения копинг-стратегий использовались методики: «Диагностика предпочитаемых копинг-стратегий» Э.Хайма (адаптация Л.И. Вассермана) и опросник копинг-установок подростков «Adolescent Coping Orientation for Problem Experiences» J.M. Patterson & Н.И. McCubbin (в переводе Н.А. Польской), который в настоящее время проходит апробацию и адаптацию студентами факультета коррекционной педагогики и специальной психологии Педагогического института СГУ Исследовательская выборка составила 56 подростков – учащихся 11-х классов физико-технического лицея г. Саратова, в возрасте 15-16 лет, из них девушек – 21 (37,5 %), юношей – 35 (62,5 %).

Результаты исследования. По методике Хайма было выявлено, что в когнитивной сфере 80,4 % опрошенных выбирают адаптивные копинг-стратегии; 12,5 % – относительно адаптивные; 7,1 % – используют неадаптивные копинги. В эмоциональной сфере: адаптивные и относительно адаптивные копинг-стратегии выбрали по 39,3 %, а неадаптивные – 21,4 % опрошенных. В поведенческой сфере 26,8% опрошенных подростков используют адаптивные, 44,6 % – относительно адаптивные и 28,6 % – неадаптивные копинг-стратегии. Полученные данные позволяют утверждать, что наиболее адаптивным в исследуемой выборке является когнитивный уровень копинга, а наименее адаптивным – эмоциональный и поведенческий, что может быть связано с психофизиологическими и психосоциальными проблемами развития и формирования личности подростка.

Использование американского опросника ASOPE осуществлялось нами в рамках апробации данной методики на русскоязычной выборке подростков. Данная методика включает в себя 54 вопроса, направленных на изучение поведения подростка в стрессовой ситуации. На каждый вопрос предлагается пять вариантов ответа: «никогда», «очень редко», «иногда», «часто», «всегда», из которых нужно выбрать один. Всем вариантам ответов соответствует определенное количество баллов. При обработке баллы подсчитываются, и выявляются предпочитаемые копинг-установки. Каждый вопрос относится к одной из 12 копинг-установок: агрессия, отвлечение, развитие уверенности в себе, поиск социальной поддержки, поиск поддержки семьи, избегание проблем, поиск поддержки у церкви, поиск поддержки у близких друзей, поиск профессиональной поддержки, усиленные занятия, взгляд на проблему с чувством юмора, релаксация. Несмотря на то, что мы получили достаточно равномерное распределение выборов, «отвлечение» (20,5%) заняло первое место по частоте выборов в стрессовой ситуации, «развитие уверенности в себе» вышло на второе место (16,4%) и третьим по частоте выбором оказалась установка «поиск социальной поддержки» (14,8%) и «поиск поддержки семьи» (14,6%).

Выводы. Полученные результаты раскрывают содержательную сторону особенностей совладающего поведения в подростковом возрасте. Наиболее социально и личностно организованным, а значит адаптивным оказывается когнитивный уровень совладания со стрессом, отражающий зрелость восприятия, оценки и понимания

ситуации. Однако эмоциональный и поведенческий уровни копинга оказываются менее адаптивными и, следовательно, менее конструктивными в ситуации реагирования на стрессовые воздействия. Выявленные содержательные характеристики предпочитаемых копингов по методике АСОРЕ косвенно отражают эмоциональную незрелость и поведенческие трудности, когда преимущественными практиками при столкновении со стрессом оказываются практики отвлечения. Тем не менее, широкий разброс выборов по методике АСОРЕ характеризует вариативность приемов совладания, а значит высокую адаптивность в нестандартных, стрессовых ситуациях.

Особенности речевого поведения и структуры характера у инвалидов по зрению

Дороднев Антон Борисович

аспирант

Государственный университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: dorodnev@gmail.com

В исследованиях инвалидов по зрению показана значительная роль речи в их жизни. В работах предшественников основной акцент делался на значении речи для восприятия незрячими окружающего мира. Отражение в речевой продукции лиц, лишившихся зрения, процессов совладания с этой психотравмирующей ситуацией не изучалось. Не обнаружено также исследований по выявлению взаимосвязей между особенностями речевого поведения незрячих и структурой их темперамента и характера. Знание этих взаимосвязей будет способствовать более углубленному и полному пониманию процессов адаптации у инвалидов по зрению. Это знание может способствовать повышению эффективности реабилитационной работы с ними.

Всего в исследовании приняло участие 102 человека, 57 мужчин и 45 женщин. В данной работе применялся метод контент-анализа автобиографической речевой продукции инвалидов по зрению. Так же применялся опросник структуры характера и темперамента Клонинджера (ТСІ -140) адаптированный на русской выборке. Незрячим давалась инструкция рассказать о самом запомнившемся событии в их жизни. Все рассказы записывались на диктофон, затем, транскрибировались. Далее проводился контент-анализ автобиографических текстов. Регистрировались речевые единицы упоминания о травме. Испытуемые были разделены на четыре группы по критериям: наличие или отсутствие упоминания о травме; тотально слепые или с остаточным зрением; потерявшие зрение с рождения или потерявшие его в процессе жизни. Подсчет частоты упоминаний делался с учетом объема текстов по формуле Л.Готтшалка и Г.Глезер.

Получен психологический портрет инвалида по зрению. Это, в основном, сентиментальные люди, не стесняющиеся проявлять свои эмоции, эмпатичны и часто воспринимают чужие переживания, как свои собственные. Им свойственно обостренное чувство единства со вселенной и всем, что ее составляет: природой, людьми.

Люди, потерявшие зрение в процессе жизни, легче адаптируются к окружающей среде, нежели люди, не видящие с рождения. У них сильнее выражены такие качества как самостоятельность, собранность, уверенность в себе. Они с большей готовностью ставят перед собой цели и добиваются их.

Тотально слепые, в отличие от незрячих с остаточным зрением, более тревожны, не инициативны, пассивны, с трудом приспосабливаются к новым условиям, неуверенные в себе люди. Они застенчивы и стеснительны, с осторожностью идут на контакт с другими людьми. Субъективно воспринимают себя, как хрупкая и слабая личность. Те, у кого остаточное зрение, наоборот, обладают более низким уровнем

тревожности. Им присущи такие черты, как практичность и твердость. Эмоционально устойчивы.

Незрячим, находящимся в процессе совладания со стрессовыми последствиями своей травмы и еще не справившимся с ними, свойственно в своих рассказах упоминать о травме. Уход в поглощающую деятельность выступает у них в качестве компенсаторного механизма, который помогает им справиться с тяжелыми переживаниями, вызванными потерей зрения. Незрячие, не упоминающие в своих рассказах о травме, — люди, которые уже прошли процесс адаптации и справились со стрессом, вызванным потерей зрения.

Литература.

1. Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. М. Изд-во. ИП РАН, 2006.
2. Алмаев Н. А., Островская Л. Д. «Апробация краткой версии Опросника структуры характера и темперамента Клонинжера (ТСИ-140) на русскоязычной выборке // Психологический журнал №6 2005г., с.77-86.
3. Бараш Б.А., Демьянов Ю.Г., Головина Т.П., Сорокин В.М. Шалагина Т.С. Трудности в общении инвалидов по зрению и пути их устранения ». Москва, 1991.
4. Ермаков В.П., Якунин Г.А. «Основы тифлопедагогики» 2000г.
5. Кондратов А.М. «Проблемы социальной реабилитации слепых». Москва. 1990.
6. Либман Е.С., Мелкумянц Т.А. «Врачебно-трудовая экспертиза и социально-трудовая реабилитация инвалидов с патологией органа зрения». Москва 1977.
7. Литвак А.Г. «Трудности в общении инвалидов по зрению и пути их устранения»
8. Островская Л.Д., Алмаев Н.А. Апробация и эмпирическая валидизация сокращенной версии Опросника структуры характера и темперамента Клонинжера // Вестник Московского Университета. Серия 14 психология. 2005.№3. с.76-85.
9. Силкин Л.Н. «Проблемы социально- психологической реабилитации слепых». Москва 1981
10. Силкин Л.Н. «Психологическая диагностика личности и психотерапия инвалидов по зрению». Москва 1984.

Индивидуально-возрастные и гендерные особенности социально-психологических установок «власть-свобода»

Дорош София Викторовна, Вахницкая Марина Борисовна

студентка

Межрегиональная Академия управления персоналом, Киев, Украина

E-mail: pony2006@ua.fm

Введение

Научные концепции власти многообразны и отличаются друг от друга. Т.Гоббс утверждает, что власть – это средство достичь блага в будущем, а сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся лишь со смертью. А.Гамильтон сказал, что власть - это способность или дар что-либо совершить. М. Вебер определял власть, как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других. Е. Лассуэлл и А.Каплан рассматривали применение власти как акты, воздействующие на кого-то или предопределяющие другие действия. Р.Даль считал, что власть дает возможность одному человеку заставить другого делать то, что он по своей воле не сделал бы. В то же время Х. Арендт полагала, что власть вовсе не принадлежит одному отдельному человеку, а только группе людей, действующих

совместно. С. Лукс, по отношению к власти, утверждает, что в основе всех определений власти лежит примитивное представление, что некий А тем или иным образом воздействует на В. Взгляды П. Моррисса и А. Гидденса совпадают, власть - действие как процесс, направленный на изменение (кого-то или чего-то), обладание властью означает способность менять порядок вещей. Х. Арендт, Ю. Хабермас, М. Фуко и А. Гидденс, делают упор на "коммуникативном" аспекте власти. Теоретики данного направления считают людей "субъектами, активно вовлеченными в процесс создания и функционирования всех форм общественной жизни, включая отношение к власти". Таким образом, как замечает Гидденс, "власть по своей природе не является угнетением", она просто есть "способность выбирать образ действий или возможность добиваться результатов", как таковая она не представляет собой препятствие на пути к свободе. Свобода может выступать как субъективно-побудительное начало, то есть свобода личности с точки зрения самой личности, и как внешне-правовое поле, то есть допустимая степень свободы личности с точки зрения общества. Однако **познание**, осознание, признание свободы личности - как собственной, так и других людей - встречаются, с огромными трудностями. Когда мы наблюдаем за другим человеком, осмысливаем его жизнедеятельность, то уникальный субъект неминуемо превращается для нас в **объект** среди объектов. А это существенно осложняет коммуникацию. Т.С. Яценко уверена, что гармонизация целостного мира субъекта путем решения его внутренних проблем способствует установлению адекватных взаимоотношений в служебных и личностных аспектах жизни [3]. Дифференциация индивидуально-личностных свойств у представителей психической нормы должна проводиться в контексте сравнительного анализа данных психодиагностического исследования с учетом конкретной ситуации, социального окружения и ценностной ориентации, а также полученного образования, уровня профессионализма и усвоенного жизненного опыта [2].

Методы

Для выявления взаимосвязи между степенью выраженности социально-психологических установок «власть-свобода» и силой нервной системы нами была использована методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной [1] и теппинг-тест. В исследовании приняли участие 35 студентов – 15 юношей и 20 девушек 1-3х курсов (от 17 до 20 лет), а так же 15 преподавателей – 7 мужчин и 8 женщин (от 30 до 50 лет).

Результаты

В результате исследования были получены следующие данные: - 100% студентов-юношей и 100% преподавателей-мужчин показали высокую степень выраженности социально-психологической установки «свобода» по сравнению с установкой «власть». У студентов средний показатель составил 7,4 балла, а у преподавателей 6,5 балла. У девушек- студенток средний показатель 6,8 балла у 100% опрошенных, у женщин - преподавателей – 5 баллов. Социально-психологическая установка «власть» у 100% испытуемых была отнесена на последнее место по отношению ко всем выявленным установкам в методике О.Ф. Потемкиной. У студентов-юношей средний показатель составил 4,2 балла, у преподавателей-мужчин 2 балла, у студенток-девушек – 3,2 балла и у преподавателей-женщин 1 балл. Результаты корреляционного анализа позволили выявить положительную корреляцию между показателями силы нервной системы и степенью выраженности социально-психологических установок «власть-свобода». Представители с сильной нервной системой отличаются большей устойчивостью и выносливостью к сильным и продолжительным раздражителям. Показатели установки «власть» и «свобода» у данной категории не превышали 3 баллов, а у исследуемых со слабой нервной системой не опускались ниже 9 баллов. Представители слабой нервной системы имеют низкую защищенность от длительных нервно-психических нагрузок,

стрессов и иных сильных воздействий на психику. Испытуемых с высокими и низкими показателями силы нервной системы среди преподавателей обнаружены не были.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

- социально-психологическая установка «свобода» как у мужчин, так и у женщин занимает первую позицию по отношению к установке «власть»;

- у представителей мужского пола (как молодого, так и старшего поколения) – ориентация на свободу выходит на первый план, по отношению ко всем 7 установкам в методике О.Ф. Потемкиной;

- у представительниц женского пола, лишь студентки отдали предпочтение «свободе», а у женщин старшего поколения, установка ориентации на свободу занимает лишь 4 место по отношению ко всем установкам (процесс, результат, альтруизм, эгоизм, труд, деньги, власть);

- социально-психологические установки «власть-свобода» имеют высокую выраженность у молодых юношей и девушек; у представителей мужского пола средние показатели установок «власть-свобода» выше на 2,1 балл по сравнению с женским полом.

Литература

1. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф.Потемкиной / Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Ред. и сост. Райгородский Д.Я. - Самара, 2001. С.641-648.
2. Л.Н. Субчик Введение в психологию индивидуальности / М.: Институт прикладной психологии, 1998., - С. 5-14.
3. Яценко Т.С. Основи глибинної психокорекції: феноменологія, теорія і практика: Навч. Посіб. – К.: Вища шк., 2006. – С.46.

Характеристики общения при различных соотношениях самооценки и притязаний по параметру адекватности

Зинько Елена Владимировна

молодой ученый

Национальный университет кораблестроения имени адм.. Макарова, Николаев, Украина

E-mail: 110597@yandex.ru

Самооценка (СО) и уровень притязаний (УП) служат конструктами, которые длительно и интенсивно изучают психологи. Однако в спектре довольно многочисленных работ неоправданно мало внимания уделяется вопросу о характере взаимосвязи этих образований. К настоящему моменту изучено соотношение СО и УП по параметру высоты и связь различных вариантов их соположения с рядом личностных особенностей (Бороздина, Видинска, 1986, Бороздина, Капник, 2002, Бороздина, 1999, 2000, 2006 и др.). Как выясняется, когерентность уровней оценки себя и притязаний (особенно совпадение в верхнем секторе) сопровождается уравновешенностью субъекта, эмоциональным комфортом, в то время как их дивергенция характеризуется ростом личностной тревожности, агрессивности, изменением типа реакции на фрустрацию, выражающемся в преобладании экстрапунитивного направления в сочетании с фиксацией на самозащите или препятствии (Бороздина, 1999, 2000, Бороздина, Капник, 2002).

При равновесном положении СО и УП отмечается гармоничный стиль межличностных отношений, в котором склонность к компромиссам, с одной стороны, и стремление к лидерству и независимости, с другой, имеют среднюю выраженность.

Несоответствие высот оценки себя и уровня целеуказания сопряжено с усилением значимости тесных межличностных контактов и появлением тенденции к конформизму в общении. При увеличении глубины рассогласования фиксируются неудовлетворенность межличностными контактами, рост зависимости, покорности, неуверенности в социальном взаимодействии, а также формирование потребности в помощи и одобрении, близких отношениях. Резкая дивергенция сопровождается возрастанием приспособительных тенденций, стремления к поддержанию бесконфликтных отношений, готовности соответствовать мнению и требованиям окружающих (Залученова, 1995). Таким образом, тип сочетания СО и УП тесно связан с особенностями межличностных отношений.

В свете приведенных фактов и ввиду недостаточной изученности соотношения СО и УП по другим параметрам, в частности – по адекватности, возникает необходимость прояснения вопроса о связи различных вариантов их соположения с рядом эмоционально-мотивационных особенностей субъекта, в значительной степени определяющих стиль его общения.

Методика

В опыте были использованы следующие методики: модифицированная техника самооценки Дембо-Рубинштейн; изучение притязаний по схеме Хоппе-Юкнат; шкала личностной тревожности MAS; адаптированный тест Розенцвейга; модифицированная методика диагностики межличностных отношений Лири; опросник 16ЛФ Кэттелла; прогрессивные матрицы Равена, сопоставление результатов фактического выполнения которых с ожидаемыми по оценке самих испытуемых служило критерием адекватности СО; тест структуры темперамента В.М. Русалова; тест Хека-Хесс.

В эксперименте участвовало 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 17 до 20 лет, всего – 40 человек, студенты ВУЗов. Во избежание интерференции эмоционально-мотивационного сопровождения, вызываемого разведением высот и/или неустойчивостью СО и УП, с возможными мотивационно-аффективными изменениями, определяемыми несоответствием СО и УП по параметру адекватности, для эксперимента отбирались только испытуемые с гармоничными по уровню и стабильными конструктами.

Результаты и обсуждение

В соответствии с задачами излагаемой работы обследуемые подбирались по четырем группам, основанием для чего служил параметр адекватности: I – лица с адекватными СО и УП – 10 чел.; II – субъекты с неадекватными СО и УП – 10 чел.; III – респонденты с неадекватной СО и адекватным УП – 10 чел.; IV – лица с адекватной СО и неадекватным УП – 10 чел.

В первом приближении можно утверждать, что адекватность СО и УП сопряжена с высокой уверенностью в себе, отражающейся в межличностном общении, умением отстаивать собственные позиции, удовлетворенностью актуальным статусом, наличием четко прописанных идеалов и пониманием путей их реализации, ясным осознанием собственных преимуществ и недостатков, а также корректировкой последних, наличием взаимопонимания, доверия в отношениях с родственниками. Субъекты группы адекватных ясно представляют свое будущее; обладают высоким продуктивным УП, локализуя выборы в диапазоне достаточно сложных задач на грани успеха и неуспеха. У лиц с адекватными конструктами отмечается средний или низкий уровень личностной тревожности; высокая эмоциональная устойчивость; отсутствие агрессивности; в реакциях на фрустрацию превалирует импунитивное направление, т.е. игнорирование или обесценивание фрустрирующей ситуации, сочетающееся с фиксацией на удовлетворении потребности, отражающей установку на устранение конфликта. В межличностных отношениях респонденты с адекватными СО и УП демонстрируют стремление к доминированию в работе и общении, независимость от социума,

энергичность, упорство, легкость в установлении контактов, высокую коммуникабельность, отмечая при этом нежелание взаимодействовать с неинтересными им людьми.

Респонденты группы неадекватных, как правило, не слишком довольны существующим положением дел, однако и определенных представлений о желаемом будущем не имеют; при этом обращают на себя внимание сомнения в благополучности дальнейшей жизни. Субъекты с неадекватными образованиями трудны в контакте, испытывают недостаток уверенности в своих силах в ряде жизненных ситуаций, что продуцирует вектор направленности в сторону социума. Неадекватность СО и УП проявляется и в тактике выбора целей: вопреки неуверенности испытуемые этой группы очень высоко целеполагают, проявляя чрезмерное упорство и даже упрямство в достижении намеченного. Аналогичной стратегии многие из них придерживаются и в жизни, вначале выбирая цели, и только после задумываясь о средствах достижения. Неадекватность изучаемых конструктов связана с некоторым снижением эмоциональной устойчивости, изменением фрустрационной формулы: на фоне преобладания импунитивности с фиксацией на удовлетворении потребности возникают интропунитивные реакции, свидетельствующие о признании собственной вины, но без попыток разрешить сложившуюся ситуацию. В интерперсональных отношениях обследуемые группы неадекватных дружелюбны, ориентированы на сотрудничество, достижение компромиссов и установление приятельских контактов с окружающими, демонстрируют готовность учитывать мнение последних, при этом тянутся к людям, умеют подстроиться и приспособиться к любому собеседнику ради расширения круга знакомств и поддержания полезных связей, которые становятся важными в силу сочетания желания находиться в центре внимания и стремления к лидерству с недостаточной уверенностью в себе.

Анализируя результаты субъектов с несоответствием оценки себя и притязаний по параметру адекватности, можно констатировать, что лица с неидентичными по данному измерению конструктами занимают промежуточное положение между субвыборками адекватных и неадекватных, обнаруживая структурное сходство с «родовыми» группами в СО и УП и повторяя в ослабленном виде особенности, свойственные неадекватности. Это позволяет заключить, что описанные изменения являются следствием фактора неадекватности как такового, в то время как рассогласование названных конструктов по нему не вызывает подобных модификаций.

Литература

1. Бороздина Л.В. Исследование уровня притязаний. М., 2000.
2. Бороздина Л.В. Теоретико-экспериментальное исследование самооценки: Докт. дисс. М., 1999.
3. Бороздина Л.В. Уровень притязаний: классические и современные исследования. М., 2006.
4. Бороздина Л.В., Видинска Л. Притязания и самооценка. // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1986, №3.
5. Бороздина Л.В., Капник Т.М. Реакция на фрустрацию при несоответствии уровня самооценки и притязаний // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ имени М.В.Ломоносова. Вып. 1. М., 2002.
6. Былкина И.Д. Соотношение самооценки и уровня притязаний в норме и при психосоматической патологии: Канд. дисс. М., 1995.
7. Залученова Е.А. Соотношение самооценки и уровня притязаний и его влияние на личностные особенности. Канд. дисс. М., 1995.

Особенности психических состояний супругов с разным уровнем удовлетворенности браком

Имшенецкая Анастасия Николаевна

магистрант

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: sunbeam07@mail.ru

Психические состояния, являясь фоном, на котором протекает вся жизнедеятельность человека, во многом определяют характер взаимоотношений между людьми (2). Исследование состояния человека важно для многих сфер его жизни и деятельности, особенно в супружеских отношениях. Изучение психического состояния человека, состоящего в браке, необходимо по нескольким причинам. Одним из последствий нарушения коммуникации является изменение психических состояний супругов; в результате чего возможно появление (возрастание) неудовлетворенности браком, а далее и его расторжение. По данным социологов в России каждый год число разводов увеличивается почти на четыре процента, что негативно сказывается на состоянии детско-родительских отношений.

В своем исследовании мы исходили из следующего предположения: психические состояния супругов с высоким уровнем удовлетворенности браком отличаются от психических состояний супругов с низким уровнем удовлетворенности браком, что проявляется в степени нервно-психического напряжения, астении, тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности.

С целью проверки гипотезы использовался комплекс методов: анкетирование, тестирование, проективные методы (модифицированный вариант цветового теста отношений Е.Ф. Бажина и А.Н.Эткинда; тест-опросник удовлетворённости браком В.В. Столина; опросник нервно-психического напряжения Т.А. Немчина; методика диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка; шкала астенического состояния, разработанная Л.Д. Малковой и адаптированная Т.Г. Чертовой). Обработка эмпирического материала осуществлялась с помощью математических методов описательной и вариационной статистики. Для проверки статистической значимости различий в группах людей с разным уровнем удовлетворенности браком, использовался t-критерий Стьюдента. Корреляционный и качественный анализ данных применялся с целью структурно-функционального анализа. Выборку составили 15 семейных пар (30 человек). Возраст испытуемых от 20 до 52 лет, стаж пребывания в браке от 1года до 27 лет.

В результате проведенного анализа выделились три группы испытуемых: 23,3 % - группа испытуемых с высоким уровнем удовлетворенности браком, 43,3 % - группа со средним уровнем удовлетворенности браком, 33,3 % - группа с низким уровнем удовлетворенности браком.

Выявлено, что степень выраженности психических состояний супругов с разным уровнем удовлетворенности браком, различна (на уровне значимости $p < 0.01$). Нервно-психическое напряжение, астения, фрустрация и агрессивность в группе испытуемых с высоким уровнем удовлетворенности браком имеют более низкие показатели, чем в группах испытуемых со средним и низким уровнем удовлетворенности браком. Полученные данные свидетельствуют, что для супругов с высоким уровнем удовлетворенности браком характерно слабое нервно-психическое напряжение; отсутствие астении и тревожности; низкие показатели по шкале «фрустрация»; устойчивость к неудачам, позитивное стремление преодолевать трудности.

Установлено, что для супругов с низким уровнем удовлетворенности браком свойственно: интенсивное нервно-психическое напряжение; слабая астения, средний

уровень тревожности и фрустрации. Нервно–психическое напряжение чаще всего сопровождается отрицательно окрашенными переживаниями, установкой на неблагоприятное развитие событий в семье, ощущением общего дискомфорта. Наличие выраженного астенического состояния выражается в сниженной психической активности. Свойственная супругам нервно-психическая слабость проявляется в повышенной утомляемости, сниженной продуктивности психических процессов, неустойчивом настроении, расстройствах сна, физической слабости и других вегетативно – соматических нарушениях.

Анализ полученных данных показал также, что только у 36,7 % испытуемых самооценка своего брака совпадает с неосознаваемым переживанием его благополучия. Остальные испытуемые, которым свойственно выраженное нервно-психическое напряжение, астения, тревожность и фрустрация, выбирали в тест-опроснике социально-желательные ответы, стремились выдать желаемое за действительное.

Выявлено, что степень удовлетворенности браком не зависит от половых, возрастных различий и стажа пребывания в браке. Отсутствуют половые различия в степени выраженности психических состояний. При этом выявлена тенденция к увеличению степени выраженности психических состояний с возрастом.

Представляется, что полученные данные могут быть полезны практикующим психологам.

Литература

1. Алешина Ю.Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие и супружеских парах с различным стажем совместной жизни. Дисс. ... канд. психол. наук. - М., 1985. – 328 с.
2. Габдреева Г.Ш. Методы регуляции психического состояния // Самоуправление психическим состоянием. - Казань, 1981. С.7 – 34.
3. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. - СПб.: Питер, 2005. - 412 с.

Взаимосвязь особенностей восприятия музыки и личностных характеристик старшекласников

Калуга Анна Ивановна⁴

магистрантка

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск,
Беларусь*

E-mail: redrose@tut.by

Введение

На сегодняшнем этапе в связи с тенденциями гуманизации науки и образования в музыкальной психологии существует интерес к изучению целостных психических процессов личности, участвующих в создании, воспроизведении и восприятии музыкального произведения. Вопросы, которые поднимает это направление, касаются различных сфер соприкосновения музыки и личности. Несмотря на значительные достижения в области изучения субъективных аспектов музыкальной деятельности, можно сказать, что проблема индивидуальных особенностей музыкального восприятия а также изучения особенностей восприятия в юношеском возрасте является актуальной и оставляет широкое поле для исследований.

⁴ Автор выражает признательность профессору, д.психол.н. Рожиной Л.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Научная новизна исследования заключается в изучении взаимосвязи восприятия фрагментов классической музыки и личностных характеристик старшеклассников; в выявлении общего и различий в восприятии музыкальных фрагментов юношами и девушками; в составлении терминологических словарей музыковедческих смысловых единиц.

Методы

Основываясь на концепции Дж. Брунера о роли личностного фактора в процессе восприятия и роли восприятия в изучении личности, нами было проведено эмпирическое исследование, цель которого - выявление особенностей восприятия фрагментов классической музыки старшеклассниками с различными личностными характеристиками. Под особенностями восприятия музыки мы понимаем содержание свободных описаний музыкальных фрагментов и результаты униполярного шкалирования с применением терминологических словарей музыковедческих смысловых единиц.

Мы предположили, что такие качества личности слушателя, как общая активность, сензитивность, эстетическая впечатлительность, женственность, экстраверсия проявляются в особенностях восприятия им музыкального произведения – средней частотности смысловых единиц, количестве категорий, использовании определенных категорий в описаниях; а также то, что существуют статистически значимые общие и специфические особенности восприятия фрагментов классической музыки юношами и девушками.

В проведенном исследовании участвовал 61 учащийся 11-х классов средней школы №138 г. Минска (возраст 16-17 лет). Из них 31 юноша и 30 девушек.

В исследовании были использованы следующие методы и методики: анализ продуктов деятельности, свободное описание музыкального фрагмента, униполярное шкалирование, Психодиагностический тест В.М.Мельникова, Л.Т.Ямпольского, Опросник ЕРІ Айзенка (шкала «экстраверсия-интроверсия»), Методы обработки данных: контент-анализ, корреляционный анализ Спирмена, методы описательной статистики (критерий Манна-Уитни).

Стимульный материал: фрагмент «Адажио Спартака и Фригии» из балета «Спартак» А.Хачатуряна, фрагмент увертюры к опере «Летучий голландец» Р.Вагнера, «Тарантелла» Дж. Россини.

Результаты

Анализ музыковедческой литературы позволил составить словари смысловых единиц по каждому фрагменту и отнести данные единицы к следующим категориям: когнитивная, эстетическая, эмоциональная оценка. При этом выявлены корреляции между «женственностью», «сензитивностью» и категорией «эмоциональная оценка» (0,32; 0,39; $p < 0,01$), «эстетической впечатлительностью» и категорией «эстетическая оценка» (0,28; $p < 0,05$); преобладание в работах девушек категории «эмоциональная оценка» ($U=310$; $p < 0,05$).

Выявлены такие особенности восприятия музыкальных фрагментов юношами и девушками, как: преобладающее количество оригинальных смысловых конструкторов ($U=310,5$; $p < 0,05$) в работах испытуемых мужского пола; большое количество смысловых категорий ($U=328$; $p < 0,05$) и высокая частота использования категории «эмоции» в работах девушек ($U=206$; $p < 0,01$).

Анализ результатов диагностики личности позволил выявить у старшеклассников тенденцию к уровню выше среднего по показателям шкал «общая активность», «эстетическая впечатлительность» (В.М.Мельников, Л.Т.Ямпольский), «экстраверсия» (Айзенк). При этом значения шкал «сензитивность» ($U=232,5$), «эстетическая впечатлительность» ($U=260$), «женственность» ($U=224$) у девушек значительно выше, чем у юношей ($p < 0,01$).

Сопоставление данных контент-анализа свободных описаний и результатов тестов с помощью корреляционного анализа позволило выявить следующие взаимосвязи: зафиксирована корреляция 0,32 ($p < 0,01$) между «женственностью» и частотой использования категории «эмоции»; -0,29 ($p < 0,05$) между «женственностью» и средней частотностью категорий в описании; 0,27 ($p < 0,05$) между «сензитивностью» и количеством категорий в описании; между «сензитивностью» и использованием категорий «эмоции» (0,36; $p < 0,01$) и «эффект воздействия» (0,31; $p < 0,05$); между «общей активностью» и категорией «образы» (0,29; $p < 0,05$); между «экстраверсией» и категорией «ассоциации» (0,28; $p < 0,05$); между «экстраверсией» и использованием категории «размышления» (-0,29; $p < 0,05$).

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования предположение о наличии взаимосвязи особенностей восприятия музыки и личностных характеристик подтвердилось. Полученные в ходе эмпирического исследования и теоретического анализа результаты могут быть применены в сопоставлении с результатами других исследований для более объемного описания различных индивидуальных стратегий восприятия музыкальных произведений. Полученные данные расширяют возможности педагогического влияния на развитие сенсорной, эмоциональной, эстетической сферы личности старшеклассника. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике преподавания предметов эстетического цикла, психологии искусства, психологии личности, общей и дифференциальной психологии, а также показывают необходимость разработки программ по усовершенствованию навыков эстетического восприятия старшеклассников.

Литература

1. Брунер, Дж. Психология познания / Дж.Брунер. – М., 1977.
2. Леонтьев, Д.А. Произведения искусства и личность: психологическая структура взаимодействия / Д.А.Леонтьев // Художественное творчество и психология, ред. Зись А.Я., Ярошевский М.Г. – М., 1991, с.13-27
3. Мельников, В.М, Ямпольский, Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности / В.М.Мельников, Л.Т.Ямпольский - М., 1985. – 288с.
4. Нагибина, Н.Л. Психологические типы личности: влияние на музыкальную деятельность и обучение музыке: дисс. на соиск. уч. ст. доктора психол. наук 19.00.01, 19.00.07. / Н.Л.Нагибина. – М., 2002. – 382с.

Особенности возникновения смысловых искажений при толковании пословиц

Карпущина Анастасия Ивановна

студентка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nastasyakarp@bk.ru

Загадка метафоры привлекает к себе исследователей, работающих в самых разных областях науки и человеческого познания. Вопрос о сущности метафоры, о том, как происходит понимание ее смысла, решается неоднозначно. К примеру, Ницше пишет о том, что человеческое сознание в принципе метафорично, что метафора является единственным способом мышления. Для метафоры характерно установление далеких связей, и чтобы установить эту связь, субъект привлекает свой индивидуальный опыт. Ортега-и-Гассет указывает, что метафора является едва ли не единственным способом содержательно определить объекты высокой степени абстракции.

Метафоры и в особенности пословицы нередко служат материалом для исследования в психологии. Так, еще в экспериментах Пиаже они использовались для выявления закономерностей детского мышления. Одна из наиболее известных на сегодняшний день методик – «Толкование пословиц и метафор», используемая, как правило, в клинической практике для выявления нарушений мышления. Беломестнова (2003) указывает, что в идиоматических оборотах заключены практически все виды мыслительных операций, и что в таких пробах будут наиболее рано возникать и тонко проявляться специфические нарушения мышления.

Толкование метафор является особым видом деятельности, который практически не встречается вне экспериментальной ситуации. Арутюнова (1990) пишет о том, что метафора как таковая не является орудием коммуникации, но, используя категориальный сдвиг, позволяет превратить мир предметов в мир смыслов. При толковании метафоры субъект переводит свой уникальный смысл в вербальную форму.

Пословица как особый тип метафоры предназначена не для описания отдельного предмета, а для характеристики некой целостной ситуации. Пословица многозначна, как многозначно отношение разных людей к одному и тому же событию. Потенция (1990) отмечал, что для понимания пословицы необходимо поискать в своем опыте все возможные способы ее применения. При этом субъект выстраивает для себя ту плоскость, в которой проявятся черты, общие для буквального прочтения пословицы и той области, для характеристики которой она применяется. В задаче толкования субъект создает свой образ конкретной ситуации, представленной в пословице, и, ориентируясь на свои впечатления от нее, определяет, в каких случаях она применима, после чего обобщает эти случаи. Именно степень обобщения первой попала в поле интереса психологов. Между тем отношение субъекта к пословице, внутренний критерий, вырабатываемый для отбора подходящих ситуаций, оставались без внимания.

Использование методики «Толкование пословиц» на выборке психически здоровых испытуемых позволяет определить не только особенности мышления, но и специфику мотивации, тип эмоционального реагирования и другие особенности личности.

Для диагностики личностных особенностей наибольшую важность представляют случаи, когда пословицы затрагивают сферу смыслового конфликта, актуального для данного субъекта. Предполагается, что включение значимой ситуации в область, подпадающую под действие пословицы, может быть болезненно. Тогда толкование пословицы не уходит от буквального значения, оставаясь на конкретном уровне. Или же, напротив, наблюдается чрезмерная абстракция, резонерство, при котором смысл пословицы ускользает, выхолащивается. Возможно непонимание пословицы или прямой отказ от толкования. Особый интерес представляют случаи, когда субъект, оставаясь в рамках заданной пословицей ситуации, совершает попытку в символической или обобщенной форме разрешить актуальный для него конфликт.

Примеры. Око за око, зуб за зуб: «Сам для себя еще не определил с этим, всегда ли можно так поступать. В одной ситуации это делает человека сильным. Он может дать сдачи человеку, который посягнул на его права. Не обязательно материальные ценности, что-то другое... Не все прощается, и не все должно прощаться. То есть это война. Иногда война может приносить разрушения и опустошения для обеих сторон, а может быть так, что одна сторона окажется в большом выигрыше».

Доверяй, но проверяй: «Предосторожности. Хотя я никогда не следую этой пословице, а надо бы. Нельзя полностью полагаться на человека, не проверив его качеств. Но это глупо – если доверяешь... Слишком рационально. Даже проверяя, можно ошибиться».

Следует еще раз подчеркнуть, что роль прошлого опыта и особенностей личности субъекта в построении толкования пословицы крайне важна, и эта особенность наряду с

неопределенностью стимульной ситуации позволяет говорить о толковании пословиц как о проективной методике, исследуя возможность привнесения некоторых приемов анализа, используемых в других проективных методиках. К примеру, такой показатель, как идентификация с героем, описанный Мюрреем для Тематического апперцептивного теста, прослеживается в толковании пословиц с выраженными альтернативами типа: «Корабль тонет – крысы бегут», «Кот спит – мышам раздолье», «На то и щука в реке, чтобы карась не дремал».

Примеры. Корабль тонет – крысы бегут.

«Либо тонуть, либо бежать. Жить хочется».

«Мы себя любим».

«Неприятные люди всегда первыми чувствуют приближение проблемы. Гнусные люди».

«Я всегда это себе представлял буквально. Если в чем-то все начинает становиться плохо, нехорошие люди убегают, хорошие пытаются помочь».

Представляется немаловажной задача определения того, какие именно темы освещает та или иная пословица, и насколько тенденция к разрешению актуальных смысловых конфликтов проявляется в толковании. Исследование, проводимое автором в настоящий момент, посвящено этой проблеме.

Литература

1. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии, №2, 1996
2. Арестова О. Н. Аффективные искажения в понимании пословиц, 2005
3. Н.В. Беломестнова Клиническая диагностика интеллекта, 2003
4. Теория метафоры. Сборник, 1990
5. Проективная психология. Сборник, 2000
6. Зейгарник Б.В. К проблеме понимания переносного смысла предложения при патологических изменениях мышления // Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии, 1934
7. Знаков В.В. Понимание в познании и общении, 2000
8. Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест, 2000

Зависимость уровня эмоционального интеллекта от субъектной позиции личности

Ковалева Елена Анатольевна

аспирант

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-mail: kovalevaea@nightmail.ru

В последние десятилетия понятие эмоционального интеллекта вызывает пристальное внимание ученых. Началу исследований в этой области способствовали Саловей и Майер, предложив концепцию эмоционального интеллекта, который образует три сферы, состоящие из пяти компонентов: точное распознавание своих и чужих эмоций; управление своими и чужими эмоциями; стратегическое использование эмоций в целях мотивации и решения задач [7]. Особенно важным в теории эмоционального интеллекта, на наш взгляд, является то, что в ней раскрыта динамическая, функциональная роль эмоций в саморегуляции. Чувства людей - это не эпифеноменальное сопровождение мотивированных действий; они сами детерминанты поведения. Таким образом, теории эмоционального интеллекта не просто описывают аффективные тенденции, а привлекают наше внимание к когнитивным аспектам

эмоционального опыта и способности к саморегуляции, адаптивности и самопроявления индивида в социуме [6].

Очевидно, что самопроявление человека напрямую связано с активностью личности. Оказалось, что именно активность является одной из центральных характеристик проявления субъектной позиции личностью. С точки зрения С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской и др. активность рассматривается, с одной стороны, как качество субъекта деятельности, включающее саморегуляцию, комплексную мобилизацию [2]. С другой стороны, активность определяется как особое высшее личностное образование, связанное с жизненным путем, целостной и ценностной временной организацией, проявляющееся в формировании жизненной позиции личности, ее жизненной линии, смысла и концепции жизни [5].

Поэтому и качество деятельности, и жизненный путь будут преломляться через индивидуально-физиологические особенности индивида, в которых не последнюю роль играет эмоциональный интеллект [4].

С другой стороны, с точки зрения некоторых исследователей, основным индикатором становления субъектности служат показатели социально – психологической адаптации. Однако, как обоснованно подчеркивает А.В. Брушлинский, общественные движущие силы все более перемещаются на личностный и социально – психологический уровень деятельности, сознания и поведения людей как субъектов [4].

Согласно интеракционистской концепции адаптации, которую развивает, в частности, (L.Philips, 1968), все разновидности адаптации обусловлены как внутриспсихическими, так и средовыми факторами [8].

Согласно Л.Филипсу, адаптированность выражается двумя типами ответов на воздействие среды.

В этом смысле адаптация означает, что человек успешно пользуется создавшимися условиями для осуществления своих целей, ценностей и стремлений. Такая адаптированность может наблюдаться в любой сфере деятельности [8].

Более специфическое понимание социально-психической адаптации личности представляет значительный интерес для нас, поскольку в нем содержится идея активности личности, творческом и целеустремленном, преобразующем характере ее социальной активности. Механизмом успешной адаптации и его когнитивной составляющей, как нам представляется, является эмоциональный интеллект [4],[8].

Замысел нашего эксперимента состоял в исследовании зависимости уровня эмоционального интеллекта от структурных компонентов социально-психологической адаптации. Экспериментальная группа состояла из 82 студентов-психологов 2, 3, 4 курсов Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Уровень эмоционального интеллекта мы измеряли с помощью методики оценки «эмоционального интеллекта» (опросник EQ) предложенной Н. Холлом для выявления способности понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой; уровень социально-психологической адаптации по методике К. Роджерса и Р. Даймонд. Статистическая обработка результатов исследования проводилась множественным пошаговым регрессионным анализом с помощью статистического пакета «Statistica» 5,5.

В результате регрессионного анализа выявлено, что статистически значимо уровень эмоционального интеллекта студентов положительно зависит от уровня «принятия себя» (Бета = 0,77, $p < 0,01$), «эмоционального комфорта» (Бета = 0,27, $p < 0,01$) «непринятия других» (Бета = 0,20, $p < 0,01$), «ведомости» (Бета = 0,12, $p < 0,02$), и отрицательно от «эскапизма» (Бета = -0,16, $p < 0,03$).

Очевидно, что понимание своего аффективного фона, оценка возникающих эмоций в связи с социальной ситуацией и умение управлять и выражать свои эмоции в соответствии с ситуацией определяются таким компонентом социально-

психологической адаптацией как принятием себя, которое выступает условием доверия к своим эмоциональным процессам. Уровень эмоционального комфорта является условием оптимальности и точности функционирования эмоционального интеллекта. Ведомость или включенность в социальную ситуацию и отсутствие эскапизма играет роль экологической валидности и адекватности понимания и умения управлять своим внутренним миром.

Однако, исходя из полученных данных, непринятие других может выступать как желание сохранения оптимальности и точности функционирования эмоционального интеллекта, возможно, из-за выраженной эмоциональной откликаемости и низкой психофизиологической толерантности эмоциональной сферы к проявлению чужих эмоций. Данный факт, возможно, является характерным для данной возрастной или профессиональной выборки

Нельзя сказать, что полученные результаты свидетельствуют о поведении самопроявляющейся личности, так как основой адаптивности по Роджерсу и Даймонд является не только принятие себя, но и принятие других [4]. Таким образом, в интерпретации наших результатов правомернее использовать термин «формальная включенность» как тип приспособления, чем активное овладение социальной ситуацией и самопроявление себя.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. О субъекте психической деятельности. М. : Наука, 1973.
2. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности. М. ; Воронеж: Изд-во “Институт практической психол. ”, 1999.
3. Брушлинский А. В. О природных предпосылках психического развития человека. М.: Знание, 1977
4. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб., Питер, 2003г.
5. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М. : Наука, 1997.
6. Salovey P., & Mayer J.D. Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, 9, 1990г.
7. Salovey P., & Mayer J.D. Emotional intelligence and the self – regulation of affect, Englewood Cliffs, NJ: Prentice – Hall, 1993.
8. Philips L., Human adaptation and his failures. Academic Press, N-Y&London, 1968.

Влияние детско-родительских отношений на личностные характеристики сиблингов

Козлова Ирина Евгеньевна

молодой ученый

Психологический институт Российской Академии Образования, Москва, Россия

E-mail: irina__kozlova@mail.ru

Сиблинговые исследования являются одним из самых информативных методов изучения влияния средовых компонент на вариативность личностных характеристик в генетике поведения. Показано, что особо мощное воздействие на вариативность личностных черт оказывает индивидуальная среда. При этом общая среда играет незначительную роль в детерминации изменчивости характеристик личностной сферы (Plomin, 2001).

В качестве составляющих уникального индивидуального опыта можно рассматривать такие факторы, как различия в детско-родительских отношениях, субъективное восприятие сиблинговых отношений, внесемейные факторы, и т.д.

Основной целью данного исследования является анализ связей между показателями личностной сферы сиблингов и характеристиками детско-родительских отношений. Данная работа является частью Московского сиблингового исследования; проводится при поддержке гранта РГНФ 06-06-00227а.

Задачи исследования

1. сравнить внутрисемейное сходство между сиблингами по характеристикам личностной сферы;
2. проанализировать корреляции между родителями и детьми по показателям личностной сферы;
3. оценить влияние показателей детско-родительских отношений на развитие личности ребенка.

Выборка

Выборка на данный момент включает в себя 70 полных семей, имеющих двух детей в возрасте от 8 до 22 лет. Разница между сиблингами не превышает 5-ти лет.

Методы

1. Личностный опросник Айзенка (адаптация Русалова);
2. Тест-опросник уровня субъективного контроля (Бажин и др.);
3. Русская версия шкалы поиска ощущений Заккермана (Егорова, Пьянкова);
4. Опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (Марковская).

Результаты

1. Значимых внутрисемейных корреляций между сиблингами по таким личностным характеристикам, как экстраверсия, невротизм и уровень субъективного контроля, обнаружено не было. Были получены значимые внутрисемейные корреляции между сиблингами по шкале поиска ощущений.

2. Была выявлена связь между показателями отцовского невротизма и невротизма старшего сиблинга, а также между материнским уровнем субъективного контроля и уровнем субъективного контроля старшего сиблинга. В то время как значимых корреляций между родительскими личностными показателями и показателями младшего сиблинга обнаружено не было.

3. Шкала «Принятие – отвержение» в материнской версии ВРР значимо коррелирует с показателями невротизма у обоих сиблингов. Более высокий уровень принятия ребенка матерью связан с низким уровнем показателей по шкале невротизма у обоих сиблингов. Уровень экстраверсии старшего сиблинга связан с материнской шкалой «Строгость-мягкость». Чем более мать строга по отношению к старшему сиблингу, тем легче он включается в социальные отношения. Показатели материнского контроля значимо коррелируют с уровнем невротизма младшего сиблинга. Уровень субъективного контроля младшего сиблинга тесно связан со шкалами "Принятие-отвержение", "Согласие-несогласие" и "Сотрудничество-отсутствие сотрудничества" в материнской версии ВРР. В то время как уровень субъективного контроля старшего сиблинга испытывает на себе влияние лишь материнской шкалы "Последовательность-непоследовательность". Уровень невротизма младшего сиблинга связан с отцовской требовательностью, в то время как уровень невротизма старшего сиблинга значимо коррелирует с показателем отцовского контроля. В целом, личностные характеристики обоих сиблингов испытывают на себе меньшее влияние показателей отцовского стиля взаимодействия с ребенком по сравнению с показателями материнского стиля.

Выделение критериев зрелости личности на основе опросника И.Н. Семенова

Колосов Геннадий Владиславович

студент

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: gennadii.kolosov@gmail.com

Эффективность профессионального образования определяется не только качеством предоставляемого обучения студентов в вузе и степенью усвоения знаний студентами, но и формированием у них профессионального самосознания, ведущего к адекватному самоопределению будущего специалиста в конкурентной среде. Поэтому представляется актуальным психологическое выделение критериев зрелости личности студентов путем исследования роли рефлексии в самоопределении относительно их жизненных и профессиональных целей.

В основе проведенного исследования лежит концептуальная модель рефлексивности личности Семенова И.Н. (1990, 2000).

Цель исследования: формирование критериев зрелости личности и методики ее оценки на основе опросника Семенова И.Н. (1994), позволяющего изучать жизненные и профессиональные цели в процессе обучения в вузе.

Задача исследования: исследовать возможную связь между ценностными ориентациями и степенью личной зрелости респондента.

Объект исследования: степень зрелости личности.

Предмет исследования: ценностные ориентации личности на начальном этапе самореализации в процессе профессионального обучения.

Методы исследования:

теоретический (обобщение и интерпретация научных данных)

эмпирические (тестовые методики, сравнительный анализ эмпирических данных, обработка данных при помощи предложенной методики).

Методика: опросник «Рефлексия жизненных и профессиональных целей» Семенова И.Н.

Выборка: 43 студента ГУ-ВШЭ, факультета Государственного и муниципального управления мужского пола в возрасте 17-19 лет.

Методика обработки данных: разработана автором исследования Колосовым Г.В. и включает в себя оценку зрелости личности испытуемого по 4 параметрам:

Содержательному (SP = Substantial Parameter) (от 12 до 28 баллов)

Порядку целей (ОО = The Order of Objects) (от 0 до 24 баллов)

Соотношению жизненных и профессиональных целей (RLPO = The Ratio of Life and Professional Objects) (от 0 до 36 баллов)

Проблемному. (P-S = Problem – Solution) (от 8 до 12 баллов)

Оценка (ТА = Total Assessment) проводится по 100-балльной шкале и вычисляется суммированием баллов:

Очень высокая зрелость личности: [80;100]

Повышенная зрелость личности [80;90]

Нормальная зрелость личности [50;80]

Пониженная зрелость личности [40;50]

Низкая зрелость личности [0;40]

Результаты: 5 респондентов набрали количество баллов, соответствующее повышенной социально-профессиональной зрелости личности; 26 человек - нормальной, 4 человека – пониженной, 8 человек – низкой социально-профессиональной зрелости личности. Таким образом, оказалось, что 12 % респондентов показали повышенную зрелость личности, 60 % - среднюю зрелость личности, 9 % - пониженную и 19% - низкую.

Выводы:

1. Современные студенты столичного гуманитарного вуза характеризуются различной степенью социально-профессиональной зрелостью личности.

2. Поскольку значительная часть студентов недостаточно зрела относительно своих профессиональных целей, то необходима активизация их социально-профессионального самоопределения.

3. В связи с этим дальнейшей задачей нашего исследования является изучение зависимости успеваемости студентов от степени их социально-профессиональной зрелости, а также разработка и проведение рефлексивного тренинга со студентами в целях развития их профессионального самосознания.

Литература

1. Савенкова И.А., Семенов И.Н. Рефлексивно-психологические аспекты профессионального самоопределения студентов-будущих психологов. Сочи. НОЦ РАО. 2005 – 172 с
2. Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.-Воронеж. МПСИ. 2000 – 64 с.
3. Семенов И.Н., Болдина Т.Г. (ред.). Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении. М. ИРПТиГО. 2003 – 245 с.

К вопросу о возможности диагностики застенчивости

Кондратьева Ксения Сериковна

молодой ученый

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: Kseniay_K@mail.ru

Данные тезисы посвящены основным аспектам разработки нового инструмента диагностики застенчивости старших подростков и более взрослых людей, а именно личностного опросника застенчивости (ЛОЗ).

В своей работе мы даем следующее определение исследуемому феномену. Застенчивость – это личностная характеристика, выражающаяся в болезненном опасении привлечь к себе внимание окружающих, немотивированном чувстве вины и стыда, сопровождающаяся неуверенностью в себе, тревожностью, несформированностью навыков эффективной коммуникации. Застенчивость является субъективно переживаемым обобщенным чувством, в качестве адекватной методики измерения застенчивости может выступить интроспективно-ориентированный опросник, т.е. опросник самоотчет.

Основная нагрузка при составлении опросника пришлась на четыре известные надежные и валидные методики: «Факторный личностный опросник Р. Кеттелла», «МИС В. Столина», «ДМО Т. Лири», «СМОЛ В. Козюля». Методический инструмент для измерения застенчивости был создан путем новой комбинации вопросов, взятых и самостоятельных шкал, впервые применявшихся в данном сочетании. Опросник предполагает 3 градации ответа (крайне редко, иногда, очень часто). Обработка результатов производится при помощи специального ключа, имеется бланк ответов для испытуемых.

Психометрическая характеристика опросника застенчивости:

1. Выборка стандартизации. В исследование приняли участие 137 женщин и 63 мужчины (всего 200 человек) в возрасте от 15 до 45 лет.

2. Надежность. Внутренняя согласованность пунктов методики оценивалась средствами корреляционного анализа, был получен коэффициент альфа Кронбаха равный 0,96, что свидетельствует о высокой внутренней надежности методики и гомогенности входящих в нее пунктов. Ретестовая надежность методики в целом (31

пункт). Коэффициент корреляции по Пирсону равен 0,916 ($n=200$, $p<0,01$). Таким образом, результаты эмпирического испытания стабильности данных свидетельствуют о высокой ретестовой надежности.

3. Валидность. Внутренняя валидность: на этапе конструирования опросника пункты, не удовлетворяющие дискриминативности, исключались из методики. После исключения «слабых» пунктов, в опроснике остался 31 пункт, они и составили финальный вариант методики. Общий коэффициент дискриминативности заданий, полученный после расчетов, был равен 0,45, что свидетельствует в пользу внутренней валидности методики. Конвергентная валидность: данные о конвергентной валидности методики были получены путем сопоставления результатов тестирования по ЛОЗ с результатами заполнения других личностных тестов одними и теми же испытуемыми. Все полученные данные корреляций свидетельствуют о высокой конвергентной валидности личностного опросника застенчивости. В целом методику можно считать валидной.

4. Тестовые нормы. Данные описательной статистики позволили рассчитать тестовые нормы для разработанного опросника. Были определены предварительные тестовые нормы: средний уровень выраженности застенчивости описывается значениями 11 - 30 баллов, высокий уровень 31 – 54 баллов, низкий уровень 3 - 10 баллов.

Литература

1. Зимбардо Ф. Застенчивость. М., 1991г.
2. Шмелев А.Г., Столин В.В. Практикум по психодиагностике. Дифференциальная психометрика. Издательство Московского университета 1984г.
3. Яничева Т.Г. Полезная книга для хороших родителей: Ответы психологов на вопросы родителей. Речь, С-ПБ, 2006г.

Эмпирические основания построения психогенетической концепции интегральной индивидуальности

Корниенко Дмитрий Сергеевич

молодой ученый

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: corney@yandex.ru

Введение

В рамках теории интегральной индивидуальности (Мерлин В.С., 1986) вопрос о соотношении генетических и средовых влияниях не подвергался систематическому изучению, и целостной концепции участия одно и разноуровневых свойств и их взаимодействия в формировании индивидуальности не сформулировано. Психогенетический подход в изучении характеристик интегральной индивидуальности позволит решить целый ряд вопросов: о принадлежности свойств к различным уровням; о причинах онтогенетической стабильности (изменчивости) системы индивидуальности; о роли факторов наследуемости и среды во взаимосвязях свойств; о роли средовых факторов в свойствах различных иерархических уровней. Все эти вопросы фрагментарно и как перспективы дальнейших разработок рассматривались В.С. Мерлиным (1976, 1977, 1986), Вяткиным Б.А., Силиной Е.А (1999), однако целостной концепции, обобщающей роль генотипа и среды в интегральной индивидуальности нет.

Комплексное решение данных вопросов может быть реализовано в психогенетическом исследовании, включающем с себя результаты и анализ как близнецовых, так и семейных исследований. Нами были проведены серия исследований,

которые позволяют обозначить основные направления в решении указанных вопросов и выделить эмпирические основания психогенетической концепции интегральной индивидуальности.

Организация исследования

Было организовано близнецовое исследование, включающее две возрастные группы 13-17 лет и 18-25 лет, а так же исследование одиночнорожденных детей и их родителей. Использовались методики, позволяющие определить показатели двух уровней интегральной индивидуальности психодинамического и личностного, что является необходимым условием (Мерлин В.С., 1986) реализации исследования в рамках данной теории. Результаты обрабатывались методами генетической статистики (близнецовая выборка) и регрессионным анализом (детско-родительская выборка).

Результаты

Рассматривая компоненты фенотипической дисперсии показателей психодинамического уровня в возрасте 13-17 лет, установлено, что показатель наследуемости составляет в среднем 40% дисперсии, а для личностного - не более 30%. В более старшем возрасте изменяется не только набор психодинамических и личностных свойств, но и генетическая обусловленность свойств меняется, что в целом согласуется с результатами других исследований (Малых и др. 1998, Егорова М.С. 1998, 2005, Lohelin, 1998; Plomin, 1999). Эти данные позволяют говорить о генетическом критерии как способе отнесения свойств к разным уровням интегральной индивидуальности.

Решение вопроса о выявлении роли факторов наследуемости и среды во взаимосвязях свойств позволяет говорить, в частности, о межуровневых связях не только как о результате развития или формирования индивидуальности, но и как о связях, по-разному детерминированных факторами среды и генотипа, что для интегрального исследования является одним из наиболее важных вопросов. Полученная структура фенотипических и генетических связей позволяет говорить о существовании много-многозначной связи между уровнями психодинамики и личностных свойств. Эти факты свидетельствуют, что свойства могут обнаруживать различные типы отношений (одно- или много-значные) в зависимости от роли генетического фактора. Данное утверждение, безусловно, требует проверки и более тщательного анализа.

Говоря о роли средовых факторов в свойствах различных иерархических уровней, рассмотрим в качестве таких метанидивидуальных характеристик, предикторов свойств детей, свойства индивидуальности родителей. Результаты множественного регрессионного анализа, позволяют говорить о том, какой процент дисперсии свойств детей определяется свойствами родителей. Удалось выделить предикторы для четырёх свойств: проявлений эргичности и эмоциональности в разных сферах жизнедеятельности. Показатели эргичности обнаруживают значительное средовое (общая и индивидуальная среда) влияние до 50%. Процент дисперсии эргичности, объясняемой выделенными предикторами, составляет от 35 до 43%. Очевидно, что эти показатели относятся скорее к фенотипической дисперсии в целом, чем только к ее средовой компоненте. Вместе с тем, полученные факты позволяют предположить, что проявления родительских свойств создают основу для свойств детей. Это находит косвенное подтверждение в работе (Думитрашку и др. 1996, Равич-Щербо и др. 1996) Обобщая, можно сказать, что уровень психодинамической активности родителей определяет ее проявления у детей.

Итак, имеющиеся эмпирические факты, позволяют поставить вопрос о построении психогенетической концепции интегральной индивидуальности. Психогенетическая концепция интегральной индивидуальности предполагает объединение психогенетических принципов и принципов интегрального исследования индивидуальности. Построение и обоснование психогенетической концепции ИИ

связано с целостным анализом уровней интегральной индивидуальности с позиции психогенетики; выделение генетической основы (каркаса) отдельных уровней и общности генетических влияний во взаимосвязи свойств; установление факторов среды, имеющих значение для развития свойств и изменяющих генотип-средовое соотношение.

Литература

1. Вяткин, Б.А. (1999) Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Б.А. Вяткин. Издательство ИП РАН.
2. Егорова, М.С. (2004) Генотип. Среда. Развитие. / М.С.Егорова, Н.М.Зырянова, О.В.Паршикова, С.Д.Пьянкова, Ю.Д.Черткова: Монография. – М.: ОГИ.
3. Малых, С.Б. (1998) Основы психогенетики / С. Б. Малых, М.С. Егорова, Т.А. Мешкова - М.
4. Мерлин, В.С. (1986) Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. - М.:
5. Равич-Щербо, И.В., (1996) Психологические предикторы индивидуального развития / И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, Е. Белова, Э.Ф. Кириакиди // Вопр. психол. - № 2. С. 42-54.

Роль рефлексивных процессов в организации временной перспективы

Котельникова Юлия Александровна

Ковтун Юлия Юрьевна

студентки

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: kotelnikova_ua@mail.ru

На современном этапе развития психологии одной из проблем выступает проблема изучения рефлексивности, которая рассматривается как важный фактор в организации психических свойств. Данная проблема обусловлена тем, что на конкретно-научном уровне этот феномен изучен значительно меньше, чем на абстрактно-философском. На необходимость и актуальность исследования рефлексивности указывают многие психологи (А.В.Карпов, В.И.Слободчиков, Д.И.Дубровский, А.Б.Холмогорова). А.В.Карпов определяет рефлексивность как синтетическую психическую реальность, которая может выступать как психический процесс, свойство и состояние одновременно, но не сводится ни к одному из них. Пространство психического, как считает А.В.Карпов, - это система координат – процессы, свойства, состояния и, что крайне важно, время. Данный факт указывает на системообразующую связь рефлексивности и временных ориентаций личности. Так Курт Левин определяет временную перспективу как «всеобщность взглядов индивида на его психологическое будущее и психологическое прошлое, существующее в данное время». К.А.Абульханова и Т.Н.Березина указывают на то, что время – это «энергия нашей жизни».

Мы предполагаем, что рефлексивность, как системообразующий фактор основных свойств психики, должен находиться во взаимосвязи и оказывать определенные влияния на временные ориентации личности. Рассматривая рефлексивность как процесс, имеет место тот факт, что с помощью рефлексии мы способны осознавать события нашей жизни, наделяя их смыслом. Мы предполагаем, что при повышении уровня рефлексивности усиливается негативное переживание настоящего момента, так как рефлексивность в данной ситуации требуется для поиска смысла

Для проверки данного предположения нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение взаимосвязи временных ориентаций личности с характеристиками рефлексивности.

Для исследования уровня рефлексивности была использована методика диагностики индивидуальной меры выраженности свойства рефлексивности «Уровень рефлексивности» А.В.Карпова. Для исследования временных ориентаций личности мы использовали опросник Ф.Зимбардо (ZTPI) (в адаптации А.Сырцовой) и процедуру «Линия жизни», суть которой заключается в том, что испытуемому предлагалось на бланке со шкалой от +5 вверх и до -5 вниз, изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события своей жизни, прошлого и будущего, при этом оценивая их относительно предлагаемой шкалы как положительные или отрицательные.

В исследовании приняли участие 50 испытуемых, студенты Курского государственного медицинского университета в возрасте 18 - 25 лет. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0, с использованием критерия Крускала-Уоллиса, U-критерия Манна-Уитни (попарно сравнение групп с высоким, средним и низким уровнями рефлексивности) и ранговой корреляции r Спирмена, посредством которых были получены следующие результаты и сделаны соответствующие выводы.

Обнаружена отрицательная корреляция между рефлексивностью и оценкой настоящего («Линия жизни») ($p = 0,007$, $r = -3,78$), отрицательная корреляция между рефлексивностью и «гедонистическим настоящим» (ZTPI) ($p = 0,008$, $r = -0,37$) и «фаталистическим настоящим» (ZTPI) ($p = 0,0005$, $r = -0,48$).

Расчеты с помощью критерия Крускала-Уоллиса показали: между группами с высоким, средним и низким уровнями рефлексивности имеют место неслучайные различия по уровню ориентации на «гедонистическое настоящее» ($p=0,0388$) и на «фаталистическое настоящее» (ZTPI) ($p=0,014$).

По критерию Манна-Уитни расчёты показали следующее: ориентация на фаталистическое настоящее в группе с высоким уровнем рефлексивности меньше ориентации на фаталистическое настоящее в группе со средним уровнем рефлексивности ($p = 0,03$). А ориентация на гедонистическое настоящее ($p = 0,015$). и на фаталистическое настоящее ($p = 0,02$) в группе со средним уровнем рефлексивности меньше ориентации на гедонистическое настоящее в группе с низким уровнем рефлексивности

Таким образом, полученные данные, касающиеся взаимосвязи рефлексивности и временных ориентаций личности, свидетельствуют о том, что при повышении уровня рефлексивности уменьшается ориентация на настоящее, а при повышении ориентации на настоящее снижается уровень рефлексивности. При ориентации на гедонистическое настоящее человек ориентирован на получение удовольствия в данный конкретный момент, что свидетельствует о том, что уровень рефлексивности будет низкий, так как данная временная ориентация направлена на удовольствие и наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущем. Также было установлено, что повышение уровня рефлексивности способствует уменьшению ориентации на настоящее. Данный факт подтверждает и наше предположение о том, что повышение уровня рефлексивности связано с негативным переживанием настоящего момента.

Профессиональная активность в структуре интегральной индивидуальности учителя начальных классов

Краснов Алексей Витальевич

аспирант

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

Введение

В Пермской психологической школе в русле учения об интегральной индивидуальности человека (ИИ) разрабатывается проблема роли активности в ее развитии (Б.А.Вяткин с сотр.).

Профессиональная активность (ПА) – ведущая активность в деятельности учителя начальных классов. ПА – это системное многокомпонентное образование, построенное по динамическому принципу и состоящее из четырех взаимодействующих подсистем: 1) потенциала активности в профессиональной деятельности, 2) регулятивного компонента ПА, 3) динамического компонента и 4) результативного компонента. В таком понимании ПА – это мера того, насколько инициация, регуляция и реализация профессиональной деятельности зависит от самого субъекта этой деятельности.

На основе ряда исследований (Вяткин Б.А. и сотр.) было выдвинуто предположение о том, что ПА выполняет системообразующую и системоразвивающую функции в структуре ИИ педагогов начальных классов, т.е. уровень ПА способен выступать в качестве звена, опосредующего характер разноуровневых взаимосвязей в структуре индивидуальности.

Методы

В исследовании приняло участие 52 учителя третьих классов г.Перми (средний возраст 30 лет, образование – высшее, стаж работы от 5 до 10 лет, пол – женский).

1) Для изучения уровня выраженности ПА учителей начальных классов была использована методика ТАQ, разработанная в ИП ПГПУ Волочковым А.А. 2) Разноуровневые свойства ИИ исследовались с помощью следующих методик: методика диагностики свойств нервной системы (Я.Стреляу), опросник EPQ Г.Ю.Айзенка, 16-факторный опросник Кеттелла, методика Д.Морено «Социометрия». Из общей выборки было выделено две подгруппы с низким и высоким уровнем ПА. В каждую из групп вошло по 20 учителей начальных классов. Точки разбиения выборок вычислялись по формуле $M \pm 0,5SD$, промежуточные значения удалялись.

Результаты

Анализ характера межуровневых взаимосвязей в группах с низким и высоким уровнем ПА свидетельствует о том, что уровень ПА выполняет системообразующую и системоразвивающую функции в структуре ИИ учителя начальных классов.

В каждой из двух групп среди всех межуровневых взаимосвязей наибольшая доля приходится на уникальные, т.е. те которые не встречаются в другой группе. Кроме того половина общих для двух групп взаимосвязей оказываются уникальными если принимать во внимание характер этой связи. Это говорит о том, что уровень ПА влияет не только на появление новых межуровневых связей, но и уже установившиеся связи принимают противоположное по смыслу наполнение. Это особенно заметно при анализе связей свойств нервной системы (по Я.Стреляу) со свойствами личности (по Кеттелу): в группе низкоактивных учителей на 22 корреляционные связи приходится 4 общих, 12 уникальных и 6 противоположных по своему характеру связей, а в группе высокоактивных на 18 связей – 4 общих, 7 уникальных и 6 «противоположных».

Детальный анализ межуровневых взаимосвязей в группах с низким и высоким уровнем ПА показал следующее.

В группе с низким уровнем ПА все показатели свойств нервной системы (по Я.Стреляу) имеют прямые корреляционные связи с экстернальностью-интернальностью (по Г.Ю.Айзенку), т.е. экстернальность-интернальность прямо обусловлена свойствами темперамента. Между экстернальностью-интернальностью и свойствами личности (по Кеттелу) существуют восемь корреляционных связей: экстернальность может обуславливать такие свойства личности как открытость (А), беспечность (F), смелость (Н), практичность (М), склонность к чувству вины (О) и зависимость (Q2). Анализ связей подвижности нервных процессов и свойств личности показывает, что низкий уровень подвижности нервных процессов может обуславливать замкнутость (А),

подозрительность (L), «богемность» (M), спокойную самоуверенность (O), радикализм (Q1), самоконтроль (Q3) и низкую внутреннюю напряженность (Q4). Низкий уровень силы процессов торможения обуславливает замкнутость (A), «богемность» (M), спокойную самоуверенность (O) и радикализм (Q1). Корреляционные взаимосвязи силы процессов возбуждения со свойствами личности свидетельствуют о том, что повышение силы процессов возбуждения ведет к открытости (A), эмоциональной стабильности (C), доверчивости (L), практичности (M), простоте (N) и склонности к чувству вины (O).

В группе с высоким уровнем ПА была найдена лишь одна корреляционная связь подвижности нервных процессов со свойствами темперамента: низкий уровень подвижности нервных процессов обуславливает высокий уровень экстраверсии, тогда как низкий их уровень – интернальность. Также было найдено лишь две корреляционные связи экстернальности-интернальности со свойствами личности в противовес восьми таким связям в полярной группе и связи эти являются общими с этой группой: экстернальность может обуславливать твердость (I) и доверчивость (L). Т.е. в группе учителей с высоким уровнем ПА разрушается прямая и жесткая обусловленность профессионально необходимых учителю свойств личности свойствами темперамента. Повышение подвижности нервных процессов обуславливает открытость (A), податливость (E) и твердость (I). В отличие от полярной группы совершенно иной характер принимают корреляционные связи силы процессов торможения со свойствами личности: ее низкий уровень обуславливает эмоциональную неустойчивость (C), смелость (H), склонность к чувству вины (O), консерватизм (Q1) и недостаток самоконтроля (Q3). Бросается в глаза противоречивость связей силы процессов возбуждения со свойствами личности: повышение их силы может вести к эмоциональной неустойчивости (C), податливости (E), зависимости от других (I) и подозрительности (L). Данный факт требует дальнейшего изучения.

Стоит заметить, что в группе с низким уровнем ПА социальный уровень изолирован от психодинамического уровня, тогда как в группе с высоким уровнем ПА социальный уровень связан со свойствами нервной системы, темперамента и личности.

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что уровень ПА учителей начальных классов выполняет системообразующую и системоразвивающую функции в структуре их ИИ, т.е. выступает в качестве звена, опосредующего разноуровневые взаимосвязи в структуре индивидуальности.

Литература

1. Волочков А.А. (2007) Активность субъекта бытия: интегративный подход. Пермь: Перм.гос.пед.ун-т., 2007.
2. Вяткин Б.А. (2000) Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во Звезда, 2000.
3. Мерлин В.С. (1986) Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Особенности взаимосвязи социальной идентичности и жизнестойкости у студентов-психологов 1-го курса

Кузьмин Михаил Юрьевич

аспирант

Иркутский Государственный Университет, Иркутск, Россия

E-mail: Mirroy@mail.ru

Введение

Проблема социальной идентичности по праву считается одной из центральных тем современной социальной психологии. И это не случайно: события во Франции 2005 года, «сексуальная революция» в США, проблема интеграции культуры эмигрантов в традиционную культуру Западной Европы и России – вот лишь несколько причин для всплеска интереса к проблеме самосознания личности и ее самоощущения. Однако ключевые вопросы данной проблемы до сих пор дискутируются. В том числе чрезвычайно рознятся точки зрения на формирование социальной идентичности.

В психоанализе (Э. Эриксон) социальная идентичность рассматривалась как ощущение человеком своей коллективной целостности, а ее источником считался конфликт личностной идентичности и требований социума. В бихевиоризме М. Шериф показал, что личность обладает только одной идентичностью – социальной. Она является обязательным атрибутом группового членства т. к. последнее предполагает существование других, антагоничных групп и конфликта с ними [1]. Наконец, в когнитивном направлении Г. Тэджфел и Дж. Тернер трактовали социальную идентичность как восприятие личностью себя членом группы. Причем, согласно предположениям исследователей, с одной стороны, социальная идентичность складывается из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп, а, с другой, - из восприятия себя как носителя определенных качеств и свойств, общечеловеческих ценностей. По Г. Тэджфелу и Дж. Тернеру, личностная социальная идентичность является предпочтительной при установлении социальных контактов, а групповая – при быстрой категоризации социального окружения. Личностная социальная идентичность является более зрелой формой идентичности [2].

Таким образом, в основных теориях социальной идентичности ее формированию предшествует конфликт; социальная идентичность всегда является результатом разрешения ситуации неопределенности. Соответственно, можно предположить, что способы разрешения кризиса определяют особенности формируемой социальной идентичности. В связи с этим обратимся к учению о жизнестойкости, предложенного С. Мадди. Жизнестойкость - это база, исходя из которой перерабатываются стрессовые воздействия, это катализатор поведения, которой позволяет трансформировать негативные впечатления в новые возможности. Она состоит из трех взаимосвязанных аттитюдов (или установок, как называет их Мадди): «вовлеченности» (включенности), «контроля» и «вызова» (принятия риска). «Включенность» - важная характеристика в отношении себя и окружающего мира и характера взаимодействия между ними, которая дает силы и мотивирует человека к реализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению. Она дает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. «Контроль» мотивирует к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений, в противовес впаданию в состояние беспомощности и пассивности. «Вызов» помогает человеку оставаться открытым окружающей среде и обществу. Он состоит в восприятии личностью события жизни как вызова и испытания лично себе. Суммируя, можно сказать, что жизнестойкость - это особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения в возможности [3].

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой аттитюды жизнестойкости детерминируют формирование у личности более зрелой формы социальной идентичности – личностной социальной идентичности. Первым шагом к ее утверждению стало изучение особенностей взаимосвязи социальной идентичности и жизнестойкости.

Методы

Для исследования социальной идентичности использовалась методика М. Куна «Кто я». Обработка полученных с помощью нее данных проводилась на основе «ключа»

разработанного Ю. А. Васильевой. При интерпретации ответов испытуемых использовались следующие категории: 1. Идентификация – возрастная, общечеловеческая национальная, региональная, религиозная, половая, семейная, межличностная, профессиональная; 2. Личностные характеристики – имя, личностные качества, личностные позиции, предпочтения, умения, особенности поведения. Затем ответы ранжировались: идентичности, указанной в первой шкале, присваивался высший ранг – 10, а в последней – ранг 1. Далее путем суммирования рангов, соответствующих групповой и личностной социальным идентичностям, все ответы сводились в две шкалы, отражающие соответствующие разновидности социальной идентичности.

Для исследования жизнестойкости и образующих ее аттитюдов использовался Тест жизнестойкости, представляющий собой адаптацию методики С. Мадди Hardiness Surveys, выполненную Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [2].

Выборку исследования составили 36 студентов-учащихся 1-го курса.

Результаты

Проведенный при помощи программы Statistica 6.0 корреляционный анализ полученных данных выявил значимую положительную корреляцию между аттитюдом «Контроль» и личностной социальной идентичностью ($r=0.4$ при $p<0.01$) и значимую отрицательную корреляцию между аттитюдом «Контроль» и групповой социальной идентичностью ($r=-0.4$ при $p<0.01$). Таким образом, студенты с выраженной личностной социальной идентичностью убеждены, что их личные действия позволяют влиять на происходящие вокруг явления. Соответственно, при взаимодействии с другими людьми они будут ориентироваться на их личностные особенности с целью более эффективного общения. Наоборот, студенты с выраженной групповой социальной идентичностью не вполне уверены, что их поступки на что-то влияют. При взаимодействии с другими людьми они скорее предпочтут ориентироваться на выработанные до них стереотипы.

На основе данных корреляционного анализа мы не можем утверждать, что аттитюд контроля обуславливает формирование личностной социальной идентичности. Однако прямая взаимосвязь между данными феноменами определенно существует.

Не было обнаружено значимых корреляций между другими аттитюдами жизнестойкости, самой жизнестойкостью и социальной идентичностью. По нашему мнению, это может быть связано с небольшой выборкой испытуемых. В перспективе планируется более подробное изучение взаимосвязи жизнестойкости и социальной идентичности на более объемной выборке.

Литература

1. Антонова И. В. Проблема личностной идентичности // Психология самосознания под редакцией Д. Я. Райгородского. Самара – 2000, 572-590 с.
2. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. – Тест жизнестойкости. М – 2006, 63 с
3. Тернер Дж. – Социальное влияние. СПб – 2003, 256 с.

Макро- и микросреда как базовые факторы становления одаренной личности

Курзова Ксения Андреевна

аспирантка

Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: k.kurzova@e1.ru

Как и любая другая, одаренная личность на протяжении всей своей жизни попадает в различные социальные группы. Эти группы можно разделить на две среды: макросреду (общество) и микросреду (семью). Безусловно, обе эти среды воздействуют на одаренную личность в процессе ее формирования и развития.

В первую очередь воздействие общества и семьи на одаренную личность реализуется через их отношение к отличительным особенностям данной личности и через их восприятия одаренности в целом. Определенное отношение этих двух сред становится базой для дальнейшего жизненного пути одаренной личности.

Нами были исследованы особенности восприятия одаренной личности в макро- и микросреде и предприняты попытки обоснования того или иного отношения. В исследовании приняли участие следующие группы испытуемых:

- родители детей, не признанных одаренными (не проходивших тестирования для выявления одаренности или набравших меньше необходимого количества баллов), учащихся в общеобразовательных школах г. Екатеринбурга. Выборка составила 50 человек;
- родители одаренных детей, прошедших отбор и посещающих занятия в Центре «Одаренность и технологии» г. Екатеринбурга. Выборка составила 50 человек;
- представители общества. Выборка составила 100 человек.

В результате корреляционного анализа результатов нами были получены следующие данные:

- По мнению общества, обычными взрослыми становятся всегда обычные дети, иногда одаренные дети, а так же одаренные взрослые. Это отражает ту ситуацию, которая наиболее распространена на сегодняшний день: число одаренных детей значительно превышает число одаренных взрослых.
- В свою очередь, родители не одаренных детей четко разграничивают понятия одаренности и обычности. В их представлении они не связаны и не смешиваются.
- В восприятии же родителей одаренных детей существует тесная взаимосвязь практически всех субъектов восприятия. Родители одаренных детей слабо ощущают границы понятий одаренности и обычности, создавая тем самым определенную микросреду для своего ребенка и для себя.

Построенные на основе данных, полученных методом семантического дифференциала, семантические пространства свидетельствуют о следующем.

Общество (точнее, его представители) позитивно относится как к одаренной, так и к неодаренной личности. Общество видит и понимает значимость не только ярких, отличных от других, одаренных людей, но и обычных, не выделяющихся из общей массы. В целом, общество готово принимать и поддерживать одаренную личность.

Родители детей, не признанных одаренными, склонны к стереотипному мнению о том, что быть одаренным значит быть «ненормальным», следовательно, несчастным. Они позитивно оценивают обычного человека: и ребенка, и взрослого. В области негативной оценки располагается образ одаренного ребенка, и крайне негативно оценивается одаренный взрослый. Последний воспринимается как пассивный и невротичный. Можно предположить, что родители обычных детей путают пассивность со специфическим образом жизни одаренного человека: у него иной темп и ритм жизни, иные занятия, иная работа и иные увлечения. При этом, одаренному человеку свойственно несколько агрессивно отстаивать свою точку зрения в значимых для него вопросах. Кроме того, бороться с неприятием и игнорирующим отношением сверстников тоже зачастую приходится через агрессию. Возможно, эти особенности личности одаренного человека воспринимаются родителями не одаренных детей как невротичность. Делая предположение о том, каким является одаренный взрослый, родители не хотят иметь одаренного ребенка, поскольку он рано или поздно должен будет превратиться в одаренного взрослого.

Родители детей, которые по результатам диагностики были признаны одаренными, положительно оценивают образ одаренного ребенка, который воспринимается как доброжелательный и открытый новому опыту. Они на собственном опыте знают,

насколько такой ребенок любознателен, быстро и легко увлекается новой идеей, стремиться к глубокому исследованию самых нестандартных вопросов. Возможно, в повседневной жизни одаренный ребенок проявляет качества, позволяющие назвать его доброжелательным и родители, составляя микросреду ребенка, в первую очередь замечают это. Образы неодаренных ребенка и взрослого находятся в негативной области, но крайне негативно оценивается только образ одаренного взрослого. В этом случае можно предполагать наличие стереотипа об одаренном взрослом, по которому он является замкнутым в себе, в своем внутреннем мире человеком, не нуждающимся в окружающих. Высокие по сравнению с другими людьми достижения в каких-либо областях, по мнению родителей одаренных детей, обуславливают их отгороженность от общества. Возможно, их считают слишком гордыми, самоуверенными, эгоистичными.

Таким образом, становится очевидным, что обе группы родителей негативно оценивают одаренного взрослого человека, тогда как остальных (одаренного ребенка, неодаренного ребенка и неодаренного взрослого) оценивают по-разному. Образ одаренного человека – нежелательный для родителей образ. Это можно объяснить различными стереотипами, существующими в обыденном сознании, опытом общения родителей с такими людьми, воздействием СМИ на восприятие феномена одаренности. Если говорить о родителях неодаренных детей, можно отметить, что для них вообще феномен одаренности не слишком благоприятен. Они предпочитают обычных людей, считая их нормальными. Но если мы обратимся к данным, показывающим отношение родителей одаренных детей к феномену одаренности, очевидной становится следующая конфликтная ситуация: эти родители с удовольствием принимают одаренного ребенка, готовы развивать его таланты, подчеркивают его исключительность, при этом крайне отвергают одаренного взрослого человека, считая его образ неблагоприятным. Таким образом, родители одаренных детей вкладывают огромные усилия для развития талантов своего ребенка, пока те являются детьми, и огромные же усилия прилагают для того, чтобы по мере взросления малыша избежать взрослой одаренности, сделать бывшего одаренного ребенка обычным взрослым.

Полученные результаты позволили обнаружить, что ценность одаренной личности неоднозначна. Это связано не только с тем, кто воспринимает и взаимодействует с этой личностью, но и с возрастом одаренного человека. Родители одаренных детей вкладывают огромные усилия для развития талантов своего ребенка, пока те являются детьми, и огромные же усилия прилагают для того, чтобы по мере взросления малыша избежать взрослой одаренности, сделать бывшего одаренного ребенка «обычным» взрослым. Родители детей, не обладающих одаренностью, пока их дети малы, желают видеть в своем ребенке таланты, но не прилагают усилий для развития способностей детей, боясь, что у них вырастет не такой, как все, «ненормальный» взрослый.

На основании вышесказанного можно предполагать, что проблема, отмечаемая всеми исследователями данного вопроса – колоссальное отличие числа одаренных детей от числа одаренных взрослых людей – уходит корнями именно в такое восприятие одаренной личности в микро- (а не в макро-) среде.

Изучение подростков с разным уровнем решительности

Лучинская Анастасии Ярославовна

студентка

Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: funnysunny_90@mail.ru

Актуальность. Воля занимает одно из центральных мест в психолого-педагогических исследованиях, так как она является выражением сущности личности,

проявлением её как субъекта. Проблема воли и решительности волновала человека давно. Например, у Юлия Цезаря существовало правило: “Великие дела надо совершить не раздумывая, чтобы мысль об опасности не ослабляла отвагу и быстроту”. Особенно важно изучить решительность в подростковом возрасте, так как именно в этом возрасте происходят стабилизация качеств личности и развитие волевой саморегуляции.

Проблема нашего исследования: решительность подростков не изучалась до сих пор и тесты на диагностику этого качества отсутствуют.

Целью работы является выявление особенностей личности подростков, отличающихся различным уровнем развития решительности.

Задачи работы: создание теста для выявления уровня решительности; подбор методик, проведение исследования особенностей личности подростков; выявление взаимосвязи решительности с другими параметрами личности подростков; проведение сравнительного анализа подростков, отличающихся разными уровнями развития решительности.

Гипотеза – решительность связана с другими личностными качествами, такими как тревожность, агрессивность, способность к самоуправлению и др.

В данной работе была создана тестовая методика на изучение решительности, соответствующая требованиям валидности и надежности. В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 14 до 16 лет. Все испытуемые были разделены на три группы: нерешительные (20), средне решительные (20) и очень решительные (20). После разделения участников на выборки, проводилось тестирование, направленное на выявление различных качеств личности. В нашем исследовании использовалось 6 тестов и методик:

Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожностью (Ч.Б. Спилберг, Ю.Л. Ханин); “Q – сортировка”; методика Баса – Дарки; тест на выявление способности к самоуправлению (ССУ); стратегии поведения в конфликтной ситуации (К.Томас); Висбаденский опросник (WIPPF) Н. Пезешкиана. Полученные данные были проанализованы с помощью сравнения средних, t – критерия Стьюдента и линейной корреляции Пирсона.

Главным итогом проделанной работы, являются психологические портреты подростков, созданные на основе результатов исследования по выбранным методикам.

Решительные – уверены в себе, так как они меньше всех остальных тревожатся; у этих испытуемых почти не выражено внутреннее стремление к принятию групповых стандартов и ценностей. Формы проявления агрессии у этих людей направлены не на себя (чувство вины), а на других (вербальная агрессия, косвенная и физическая). Они наиболее честны по отношению к окружающим: говорят другим в глаза то, что считают нужным. В конфликтных ситуациях они предпочитают соперничество, так как эта стратегия удовлетворяет их интерес.

Нерешительные – часто испытывают ситуативную тревогу, вследствие чего у них появилась и личностная тревожность. Такие испытуемые стремятся уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, склонны к компромиссным решениям. Это результаты исследования по методике Томаса, направленной на изучение стратегий поведения в конфликтных ситуациях, где нерешительные испытуемые чаще либо применяют стратегию “уход” или “компромисс”.

Изучив решительность, мы подтвердили выдвинутую гипотезу о действительной связи. Действительно, подростки, различающиеся уровнем решительности, отличаются и некоторыми другими качествами: у них различные стратегии поведения в конфликтных ситуациях, они различаются уровнем агрессии и т.д.

Отношение к надежде и значимые жизненные события: методический аспект

Мансурова Инна Сергеевна

аспирантка

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: inna_mansurova@mail.ru

Обычно человек не задумывается о роли надежды в своей жизни, он просто живет. Проблема возникает тогда, когда он сталкивается с трудными жизненными ситуациями, вызывающими тяжелые, кризисные переживания. В целом, в актуализации отношения к надежде немаловажную роль играют барьеры и препятствия на пути к достижению цели, вызывающие необходимость их преодоления (как «активного», так и «пассивного»). Как справедливо отмечает Р.Х.Шакуров, «если нет никаких препятствий, ценности теряют свою привлекательность» [2, с. 21] и, как следствие этого, минимизируются стремления, исчезают перспективы.

Традиционно в психологии, вслед за основоположниками отечественной концепции отношений А.Ф.Лазурским и В.Н.Мясищевым, отношение рассматривается как психологическая связь человека с окружающим его миром вещей и людей, движущая сила личности, образующая целостную систему из трех взаимосвязанных между собой компонентов: 1) отношение к себе; 2) отношение к другим; 3) отношение к предметам и явлениям внешнего мира.

В настоящей работе будем опираться на понятие отношение, близкое по содержанию к психологическому отношению, сформулированному В.Н.Мясищевым. «Отношение – целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности, вытекающая из всей истории развития человека, выражающая его личный опыт, внутренне определяя его действия и переживания» [1, с. 16]. В контексте данного исследования особое значение приобретает положение о детерминации отношений личности жизненным опытом. Отношение к надежде – это частный компонент системы отношений личности, представляющий собой, согласно концепции В.Н.Мясищева, интериоризированный опыт существования в социальном окружении.

Таким образом, под отношением к надежде будем понимать субъективно – избирательное, в разной степени осознаваемое представление о надежде, включающее в себя конативный, когнитивный и эмоционально – оценочный компоненты. При этом в определенном социальном контексте надежда для субъекта выступает как наделенная смыслом для субъекта и презентуется в его сознании как представление о значении (месте, роли и функциях) надежды в жизнедеятельности субъекта.

Отношение к надежде является результатом определенного жизненного пути личности и формируется под влиянием жизненных событий, отношений человека к своей жизни, под влиянием сформировавшихся аттитюдов к различным временным отрезкам жизни, оценок и восприятия им своего прошлого, настоящего и будущего. Своеобразие отношения к надежде заключается в его социокультурной обусловленности. Надежда – есть всегда некая совокупность человеческих отношений – отношений к миру, к самому себе, к другим людям, к жизни в целом. Отношение к надежде формируется, актуализируется у человека в результате переживания и проживания им значимых жизненных событий, в результате осмысливания и переосмысливания своего жизненного пути.

Исходя из такого понимания отношения к надежде существующие в настоящий момент количественные методы измерения надежды и безнадежности (шкала безнадежности А.Бека, шкала диспозиционной надежды С.Снайдера, Индекс надежды С.Стаатс, шкала ожидаемого баланса Н.Брадбурна, опросник атрибутивного стиля М.Селигмана и Т.Петерсона, шкала жизненных ориентаций Шейера и Карвера и др.) становятся малоприменимыми и неадекватными целям исследования.

Исходя из вышесказанного для изучения отношения к надежде в связи с жизненными событиями был подобран и разработан методический инструментарий, включающий в себя: 1) методы количественной диагностики степени выраженности

надежды (шкалу безнадежности А.Бека, шкалу диспозиционной надежды С.Снайдера, опросник мотивации достижения А.Реана); 2) методы диагностики отношения к жизни, оценки и восприятия жизненных событий (шкалу аттитюдов ко времени Ньюттена, индекс жизненной удовлетворенности Н.В.Паниной, методика Л.Ф.Бурлачука «Психологическая автобиография», а также модифицированный нами вариант методики определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге); 3) для изучения формальных и содержательных характеристик отношения к надежде использовалась разработанная нами анкета «Отношение к надежде».

Так как методики диагностики отношения к жизни, оценок и восприятия жизненных событий, выраженности надежды и безнадежности достаточно известны, их подробное описание не входит в цели настоящей работы. Остановимся подробнее на разработанной нами анкете «Отношение к надежде» и модификации методики определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге.

Анкета «Отношение к надежде» включает в себя следующие открытые вопросы: 1. «Перечислите все ассоциации, которые у вас вызывает слово «надежда»; 2. «Что для Вас является антонимами, противоположностью слова «надежда»?»; 3. «Что такое, по вашему мнению, надежда?»; 4. «Какую роль играет надежда в жизни человека? Для чего она нужна?»; 5. «Если человек надеется, если у него есть надежда, то, как он оценивает свою жизнь?»; 6. «Как изменяется надежда с возрастом – от юности к старости?»; 7. «Как, на Ваш взгляд, значимое для человека жизненное событие может повлиять на его представление о роли надежды в его жизни?»; 8. «Что в Вашей жизни больше всего дает Вам надежду?»; 9. «Что в жизни человека может лишить его надежды?»; 10. «Вспомните и опишите, пожалуйста, ситуацию в вашей жизни, которая окрылила вас, вдохновила, вселила надежду, оправдала ваши ожидания, открыла вам новые перспективы, дала вам шанс»; 11. «Вспомните и опишите, пожалуйста, ситуацию в вашей жизни, которая сильно разочаровала вас, опечалила, привела в уныние, лишила вас надежды, вселило чувство безнадежности»; 12. «Подумайте о том, на что вы надеетесь, к чему стремитесь, о чем мечтаете в разных сферах вашей жизни (на работе и в институте, дома и в семье, в отношениях с людьми и т.д.). Составьте список ваших надежд, закончив предложение «Я надеюсь...»».

Анализ и интерпретация содержания ответов на открытые вопросы анкеты осуществляется методом контент-анализа, исходя из методологических и теоретических представлений о структурно – содержательных характеристиках отношения к надежде.

Методика Холмса и Раге представляет собой шкалу, в которой каждому важному жизненному событию соответствует определенное число баллов в зависимости от степени его стрессогенности.

Наша модификация методики Холмса и Раге заключалась в следующем. Исходя из целей исследования и представлений о субъективной значимости жизненных событий, мы сочли целесообразным ввести три оценочные шкалы: 1) степень влияния события на надежду; 2) степень значимости события; 3) степень влияния на будущее. Выбрав из списка произошедшие в жизни события, респондент оценивает каждое из них по трем оценочным шкалам, каждая из которых имеет два полюса: («вселило надежду – лишило надежды», «очень значимо – совсем не значимо», «сильно повлияло на будущее – совсем не повлияло на будущее»).

Литература

1. Мясичев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды. М., Воронеж. 1995. 356 с.
2. Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления //Вопросы психологии. 2003. №5. С.18-32.

Взаимосвязь самоотношения с временной перспективой у девиантных подростков**Маслова Александра Александровна***студентка**Педагогический институт Саратовского государственного университета, Саратов,
Россия**E-mail: maslowaal@rambler.ru*

Актуальность изучения самоотношения, «я - концепции» девиантных подростков связана с необходимостью понимания психологических механизмов, регулирующих формирование и закрепление паттернов девиантного поведения. В современной ситуации развития российского общества необходимость подобных исследований продиктована ростом и разнообразием форм и моделей поведения, отклоняющихся от социально приемлемых.

Целью данного исследования явилось изучение взаимосвязи показателей самоотношения с оценкой временной перспективы в группе девиантных подростков.

В исследовании приняли участие 45 подростков «группы риска» в возрасте от 13 до 19 лет, состоящих на учете в отделе по делам несовершеннолетних Кировского РОВД г. Саратова; из них 27 (60%) – юноши и 18 (40 %) – девушки.

В теоретическом плане исследование базировалось на концепции личностного смысла В. В. Столина, согласно которой отдельные качества личности могут обладать нейтральным или значимым личностным смыслом, и модели жизненного пространства К. Левина, которая рассматривает влияние, как прошлого опыта, так и планов на будущее на настоящее поведение человека.

В качестве методов исследования были использованы: опросник МИС (В.В. Столин, 1983), направленный на понимание самоотношения в контексте представлений о смысле «я», и методика Зимбардо (ZTPI), направленная на изучение отношения обследуемого к прошлому, настоящему и будущему.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие *выводы*:

1) Для большей части исследуемой выборки подростков характерно амбивалентное сочетание дружеского отношения к себе с неудовлетворенностью собой и своими возможностями.

2) Временная перспектива характеризуется опорой на настоящее в гедонистическом аспекте, т.е. получение удовольствия здесь и сейчас, без оценки возможных последствий. Кроме того, отмечается идеализированное отношение к прошлому: позитивные представления о собственном прошлом, свойственны практически всем испытуемым, несмотря на то, что большинство из них имеет негативный опыт прошлой жизни (социальное неблагополучие, делинквентные поступки, асоциальное окружение).

3) По данным корреляционного анализа (SPSS-13) был выявлен ряд значимых корреляционных взаимосвязей между шкалами МИС и ZTPI, позволяющих предположить, что высокий уровень самопринятия, сочетающийся с неудовлетворенностью собой, представляет компенсаторное личностное образование, сформированное в ответ на эмоционально-неблагоприятное переживание своего прошлого. Идеализация своего прошлого связана не с реальным прошлым, а с желаемым. А позитивные показатели самопринятия, поддерживаются не когнитивными, а эмоциональными процессами. Этим и объясняется привлекательность для исследуемых подростков гедонистической перспективы: получение удовольствия, возбуждения, наслаждения. Слабость когнитивного контроля, показанная во многих исследованиях девиантных подростков, находит свое подтверждение и в нашем исследовании. Оценка времени оказывается в достаточной степени несбалансированной,

а оценка себя, направлена в большей степени на создание презентабельного образа, чем на самораскрытие и самопонимание.

Возрастные особенности развития волевых качеств личности подростков и юношей, занимающихся спортом

Матушанская Ася Григорьевна

студентка

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: asya8621@rambler.ru

По мнению Б.Г.Ананьева, индивидуальность составляет единство человека как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные, в частности возрастно-половые свойства индивида [1]. Возрастные и половые особенности развития человека оказываются в фокусе внимания современных исследователей, когда речь идет о формировании половой идентичности. Гармонизация собственного «Я» и успешная адаптация в социуме предполагают развитие определенных качеств личности, обеспечивающих поведение, соответствующее гендерным нормам. Так, практически во всех культурах от мужчин ожидают проявлений маскулинности – набора характерологических особенностей, традиционно приписываемых представителям этого пола. Однако, как отмечает Ш.М.Берн, условия современной жизни, когда мальчики воспитываются в большей степени женщинами, в меньшей степени способствуют формированию маскулинности, нежели феминности [2]. В качестве одного из путей выхода из сложившейся ситуации может рассматриваться привлечение мальчиков к занятиям спортом, т.к. доказано, что в спортивной деятельности развиваются многие «мужские» качества, такие как твердость характера, выдержка, самообладание и другие, большинство из которых относят к волевой сфере личности [3,4].

Закономерности возрастного развития волевых качеств личности у мужчин описываются Е.П.Ильиным и другими авторами [3,4,5,6]. Соглашаясь с тем, что волевое развитие в целом завершается к 18-20 годам, они приводят данные, свидетельствующие о гетерохронности возрастной динамики волевых качеств в подростковом и юношеском возрасте. Отмечается, что у мальчиков основной прирост в развитии волевых качеств приходится на период полового созревания. Так, по данным Н.Д.Скрябина, количественные значения показателя смелости достигают максимума в 14 лет, а к 15-17 годам уменьшаются [6]. Подобная возрастная закономерность получена и И.П.Петяйкиным, показавшим, что такое волевое качество личности, как решительность, у мальчиков наиболее выражено в 13 лет, затем значения решительности снижаются [5]. В более старшем возрасте, после периода полового созревания, смелость и решительность уменьшаются, зато увеличиваются терпеливость и выносливость, которые, по данным М.Н.Ильиной, имеют у мальчиков максимальный прирост в возрасте 15-16 лет [4].

Основной целью данного исследования было выявление возрастных особенностей волевого развития личности в условиях спортивной деятельности. В качестве эмпирической базы выступили данные диагностики подростков и юношей, занимающихся футболом на базе ДСШ «Рубин», контрольную группу составили ученики гимназий № 94 и 96 аналогичных возрастов, не занимающихся каким-либо видом спорта. На основе экспертной оценки были выделены наиболее значимые для спортсменов-футболистов волевые качества, а именно: терпеливость, упорство, настойчивость, смелость, самоконтроль и организованность. Экспертами являлись тренеры ДСШ «Рубин», каждому из которых был предложен список из 36 волевых

качеств личности, выделенных на основе работ Е.П.Ильина. Для диагностики выделенных экспертами качеств использовались стандартизированные опросники. Полученные данные анализировались с применением методов математической статистики и корреляционного анализа.

Выяснилось, что по количественным данным ни в выборке спортсменов, ни в выборке неспортсменов, не обнаруживается прироста значений показателей волевого развития от подросткового к юношескому возрасту. Это свидетельствует о том, что анализируемые волевые качества в их количественных значениях складываются уже в подростковом возрасте, а к юношескому величина их показателей слегка понижается, что вполне соотносится с данными других исследователей [3,4,5,6].

Однако именно в подростковом возрасте наблюдается множество различий между мальчиками, занимающимися и не занимающимися спортом: в выборке спортсменов-подростков практически все исследуемые волевые качества (кроме «социальной смелости») более сформированы, чем у подростков-неспортсменов. Наибольшие различия выявлены в сформированности таких волевых качеств, как «упорство», «настойчивость» и «самоконтроль в деятельности». В юношеском возрасте различия между спортсменами и неспортсменами сохраняются: у спортсменов более выражены все исследуемые показатели, а наибольшие различия выявлены по показателям «самоконтроль в деятельности» и «самоконтроль в поведении». Таким образом, у мальчиков, начавших заниматься спортом в младшем школьном возрасте, к подростковому возрасту происходит более активное формирование волевых качеств, чем у их ровесников, не занимающихся спортом. Образовавшееся преимущество закрепляется и проявляется в юношеском возрасте.

Полученные результаты дополняют ранее сложившиеся представления о развитии воли на возрастных этапах становления личности. Доказывается, что занятия спортом вносят дополнительный импульс в развитие воли, способствуя структурированию волевых качеств личности, что может быть принято во внимание в процессе формирования половой идентичности мальчиков.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2т. Т.1 /Б.Г.Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 232с.
2. Берн Ш. Гендерная психология / Ш.Берн. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. - 320 с.
3. Ильин Е.П. Психология воли /Е.П.Ильин. – СПб.: Питер, 2000. - 288с.
4. Ильина М.Н. Возрастные изменения выносливости и ее компонентов /М.Н.Ильина//Психофизиология спортивных и трудовых особенностей человека. - Л.[б.и.], 1974. - С.47-52.
5. Петяйкин И.П. Проявление смелости и решительности спортивными гимнастами /И.П.Петяйкин //Психофизиологические особенности спортивной деятельности. - Л. [б.и.], 1975, - С.21-26
6. Скрябин Н.Д. Проявление волевого качества смелости в различных видах спортивной деятельности /Н.Д.Скрябин //Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена. – Л. [б.и.], 1976. – С.64-81.

Влияние личностных особенностей испытуемых на восприятие результатов тестирования

Науменко Анна Сергеевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anna-naumenko@inbox.ru

Психологическое тестирование широко используется сегодня в самых различных сферах – психологическом консультировании детей и взрослых, профориентации, оценке персонала при приеме на работу, аттестации, формировании кадрового резерва и т.д. Помимо оценочной составляющей (принятие решение о том, какую учебную программу выбрать школьнику, какого сотрудника повысить в должности), тесты имеют большой развивающий потенциал. Но для того, чтобы результаты теста были восприняты максимально правильно и адекватно, консультанты, предоставляющие клиентам обратную связь, а, возможно, и специалисты, разрабатывающие компьютерные тестовые интерпретации, должны учитывать личностные особенности испытуемых. Ведь восприятие психодиагностической (равно как и любой другой) информации субъективно и зависит от личностных особенностей человека, прошедшего тестирования.

Методика

В ходе нашего исследования 183 испытуемых прошли тест «Стиль вождения» и по 8 критериям оценили качество компьютерной тестовой интерпретации (далее ТИ), которую они получили по окончании тестирования. Результаты тестирования представляли собой профиль по 4 шкалам (стилям вождения) – агрессивный стиль, суетливый стиль, надежный стиль и тревожный стиль. Данные стили мы интерпретировали как проявление более «широких» личностных стилей или устойчивых паттернов поведения (например, личностных черт Большой пятерки). Так, мы считаем, что агрессивный и надежный стили связаны с таким качеством как согласие/независимость, суетливый стиль – с самоконтролем/импульсивностью, тревожный стиль – с эмоциональной стабильностью/тревожностью.

Результаты

Полученные нами экспериментальные данные показали, что существуют статистически значимые различия между оценками качества ТИ, предоставленными людьми, характеризующимися различными индивидуальными стилями. (1) Импульсивные (гибкие, легко адаптирующие) испытуемые оценили *простоту* и *структурированность* ТИ *выше*, чем испытуемые с сильным самоконтролем (рациональные, ригидные). (2) Дисциплинированные (надежные) испытуемые оценили *полезность* и *новизну* ТИ *выше*, чем недисциплинированные. Обращает на себя внимание то, что простота и структурированность – формальные характеристики ТИ, а полезность и новизна – содержательные, причем определяющие субъективную значимость и принятие ТИ респондентом.

Обсуждение

Выявленные различия можно интерпретировать следующим образом. (1) Импульсивным людям легко удастся адаптироваться к происходящим вокруг них изменениям, людям более организованным, рациональным и ригидным на это требуется больше времени. Вероятно, форма представления данных была непривычна для респондентов, редко или практически никогда не имеющих дела с тестированием (а предположительно именно «неискушенными испытуемыми» и являлось большинство участников эксперимента). В этой ситуации импульсивные респонденты смогли приспособиться к новой форме представления информации быстрее, чем ригидные испытуемые, и восприняли ее как более простую и хорошо структурированную. С этим объяснением в целом согласуются полученные нами данные о том, что импульсивные респонденты оценили структурированность ТИ выше, чем испытуемые с низкой агрессией, а простоту ТИ – выше, чем испытуемые, которым свойственна высокая надежность.

(2) Люди ответственные, дисциплинированные и аккуратные (надежный стиль) более внимательно и, вероятно, вдумчиво относятся к поступающей извне информации, они скорее готовы принять ее на веру и следовать ей. Недисциплинированные субъекты склонны к отрицанию общепризнанных и общепринятых правил, а также всего того, что придумали не они сами, отсюда более низкие оценки полезности и новизны полученной ТИ. С этим объяснением достаточно хорошо согласуются полученные нами данные о том, что недисциплинированные респонденты оценивают полезность ТИ также ниже, чем респонденты с низким уровнем агрессии и испытуемые с низким уровнем импульсивности, а новизну ТИ – ниже, чем респонденты с низким уровнем агрессии.

Помимо уже обсужденных, мы получили данные о том, что испытуемые с низким уровнем агрессии оценивают полезность обратной связи значимо выше, чем испытуемые с низкой надежностью и низкой тревожностью, а новизну – значимо выше, чем испытуемые с низкой надежностью. Можно предположить, что для испытуемых с низким уровнем агрессии характерно в целом весьма позитивное отношение к поступающей извне информации (и в частности к обратной связи по результатам тестирования), поэтому они демонстрируют к ТИ отношение, несколько менее выраженное, но в целом сходное с дисциплинированными респондентами.

Вообще в мировой психологической литературе существует сравнительно мало исследований, посвященных изучению восприятия ТИ. Ретроспективные литературные обзоры зарубежных авторов Р. Гуд'яна (Goodyear, 1990), Х. Тинсли и С. Чу (Tinsley, Chu, 1999), У. Хэнсона и Ч. Клэйборна (Hanson, Claiborn, 2006) насчитывают, начиная с 50-х годов XX века, соответственно по 44, 65 и 75 исследований, посвященных представлению результатов тестирования. К сожалению, за исключением собственных (Науменко, 2006), нам неизвестно ни одного исследования, проведенного по данной тематике российскими авторами. Это означает, что хотя данный вопрос требует дальнейшего изучения, однако уже полученные нами результаты могут иметь практическое значение и применение в психотерапии и психологической консультации. Зная об индивидуальных различиях в восприятии обратной связи, консультант может быть лучше подготовлен к тому, чтобы помочь клиенту понять и осознать обратную связь, которую он не готов воспринять.

Литература

1. Goodyear R.K. (1990). Research on the effects of test interpretation. // *The Counseling Psychologist*. 18. 240–257.
2. Hanson W.E., Claiborn C.D. (2006). Effects of Test Interpretation Style and Favorability in the Counseling Process // *Journal of Counseling and Development*. Vol. 84. 349–357.
3. Tinsley H.E.A., Chu S. (1999). Research on test and interest inventory interpretation outcomes // In Savickas M. L., Spokane R.A. (Eds.), *Vocational interests: Meaning, measurement, and counseling use*. Palo Alto, CA: Davies-Black. 257–276.
4. Науменко А.С. (2006). Влияние формы тестовых интерпретаций на принятие решений специалистами по подбору персонала. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. №3.

Взаимосвязь интеллектуальных способностей индивида и успешности группового взаимодействия у школьников и студентов

Нечаева Раиса Николаевна

аспирантка

Государственный университет - Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: netschaewa@gmail.com

Введение

Проблема предсказания поведения человека является краеугольным камнем прикладной психологии. Исследование вопроса о реальных источниках поведения человека в определенных ситуациях уходит корнями в 1929 год, когда Т.М. Ньюком и Е. Мэй проводили свои эксперименты, которые были посвящены определению детерминант поведения [3]. Результаты этих и многих других исследований, проводимых психологами на протяжении многих лет, показали, что диспозиционные характеристики личности лишь с вероятностью в 16% могут предсказать поведение человека в конкретно заданной ситуации.

В связи с этим, в последнее время психологами разрабатываются различные методики, позволяющие оценивать поведение индивида в конкретно заданной ситуации [1]. Наиболее часто используемой является ситуация группового взаимодействия, в которой можно оценить широкий спектр личностных характеристик и определить лидерский потенциал личности. Если данного типа методики использовались в основном работодателями для формирования кадрового резерва и отбора, то в ситуации недостатка специалистов, эти методики начинают применяться к студентам и школьникам. Но здесь уже решается вопрос не отбора, а возможности развития необходимых качеств.

Успешность выполнения ситуационных тестов, в которых ключевым является групповое взаимодействие и совместное решение проблемной ситуации, связана с такими личностными характеристиками как: доминантность, коммуникабельность, активность, уровень самоконтроля и т.д. В исследованиях, проводимых на взрослых респондентах, показатель интеллекта, как правило, не связан с другими поведенческими показателями, оцениваемыми в ситуационном тесте [2]. Совершенно другой может быть ситуация в выборке более молодого возраста.

Основная цель нашего исследования состоит в выявлении зависимости успешности группового взаимодействия с интеллектуальными способностями в таких возрастных категориях как студенты и школьники.

Испытуемые

В нашем исследовании мы сравнивали поведение индивидов двух возрастных категорий с разными интеллектуальными возможностями в условиях группового взаимодействия. Всего в исследовании приняло участие 104 человека из них: школьники старших классов (8,9,10 и 11 классы) Московских общеобразовательных школ – 55 человек, и студенты 2-го и 3-го курсов Московских ВУЗов – 49 человек.

Методики

Интеллектуальные способности оценивались с помощью Теста когнитивных способностей, который состоит из нескольких разделов: «понимание при чтении», «критическое мышление», «достаточность данных», «решение задач». [5;6]. Из названия каждого раздела видно, что они направлены на разные формы работы с информацией. Для моделирования ситуации группового взаимодействия использовались ситуационно-поведенческие тесты, в которых экспертами оценивались следующие показатели: «уровень притязания», «доминантность», «уровень решения задачи», «уровень влияния», «коммуникабельность», «стрессоустойчивость» [1;2]. Ситуационно-поведенческие тесты проводились в группах по 6 человек. Каждой группе последовательно давалось три задачи, которые каждый участник сначала решал самостоятельно, а затем разворачивалась групповая дискуссия, результатом которой являлось общее решение группы. Далее участниками группы выдвигался «спикер», который объявлял решение. Эксперты оценивали поведение по выделенным заранее показателям на протяжении всей дискуссии и по завершении составляли рейтинг успешности в группе.

Результаты

Для выявления взаимосвязи интеллекта и успешности групповой работы мы использовали метод полярных групп. В каждой возрастной категории мы выделили две полярные группы: 1 группа – 30 % испытуемых получивших минимальные значения по тесту когнитивных способностей; 2-группа – 30% испытуемых получивших максимальные значения по тесту когнитивных способностей. Достоверность различий полярных групп оценивалась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни.

Различия в группах с высоким и низким уровнем интеллекта по такому показателю как «рейтинг в группе» выявлены не были в обеих возрастных категориях. Этот факт позволяет нам сделать вывод, что успешность индивида в условиях группового взаимодействия не связан с интеллектуальными способностями. То есть человек может компенсировать недостаточный интеллект за счет других личностных характеристик.

Кроме того, нами были обнаружены некоторые различия по другим показателям в выборках студентов и школьников. В студенческой выборке, группы студентов с высокими и низкими показателями по тесту когнитивных способностей значительно отличаются (уровень ошибки $p < 0,1$) друг от друга по следующим показателям: «уровень решения задачи» и «стрессоустойчивость». Группа студентов с более высокими интеллектуальными способностями чаще решает задачи правильно. Наличие такого показателя как «стрессоустойчивость» изменяет ситуацию в несколько другом направлении. Достаточно высокие результаты по тесту когнитивных способностей показали более стрессоустойчивые студенты. Таким образом, из данной категории исключаются те студенты, которые обладают достаточными интеллектуальными способностями и низким уровнем стрессоустойчивости, которые справляются с задачами хуже в условиях конкуренции.

В школьной выборке, группы с разными интеллектуальными возможностями значительно отличаются (уровень ошибки $p < 0,1$) друг от друга по принципиально другим показателям ситуационного теста, чем в студенческой выборке: «уровень притязания» и «коммуникабельность». То есть школьники, обладающие более высоким интеллектом, стремятся решить задачу и выполнить все необходимые условия. Поскольку группе необходимо придти к общему решению, то тем школьникам, которые хотят справиться с заданием, необходимо больше взаимодействовать с остальными участниками группы. Такие школьники, как правило, в процессе дискуссии поддерживают разговор практически со всеми участниками, выслушивают их мнения, доказывают правильность выбранного решения. Отсутствие значимых различий между группами по такому показателю как «уровень решения задачи» связан с меньшими возможностями в решении задач в силу возрастных особенностей.

Данное исследование подтверждает гипотезу об отсутствии зависимости между интеллектуальными способностями индивида и его успешностью в групповой работе. Соответственно, при проведении комплексной оценки личности включая старшеклассников, ситуационные тесты должны всегда дополняться тестами, направленными на оценку когнитивных способностей.

Литература

1. Жуков Ю.М., Ерофеев А.К., Липатов С.А. и др. Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг: Учеб. пособие для вузов. Под ред. М.Ю. Жукова. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 256 с.
2. Нечаева Р.Н. «Ситуационно-поведенческие тесты в системе оценки персонала». Дипломная работа / МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004г. (рукопись).
3. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна – М.: Аспект Пресс, 2000. – 429 с.

4. Форверг М., Альберг Т. Характеристика социально-психологического тренинга поведения. // Психол. журнал, 1984, т. 5, N 4, с. 57-65.
5. Erofeev A. K. Technology LASPI. VII European Conference on Developmental Psychology, Abstracts. Bonn, 1993.
6. Erofeev A. K. Perspectives of applying of technology LASPI: personnel selection and assessment. Seventh European Congress of Work and Organizational Psychology, Programme & Abstracts. Budapest, 1995.

Структурный и содержательный анализ конструирования «эталонной маскулинности» в юношеском возрасте

Никитина Александра Александровна

магистрантка

Нижегородский государственный педагогический университет, Н.Новгород, Россия

E-mail: aleksa-nik08mail.ru

На сегодняшний день проблема конструирования в общественном сознании представлений о маскулинности является новой, практически неизученной областью гендерных исследований. Последние десятилетия социально-психологических исследований показали, что в процессе гендерной социализации мужчин существует много специфических проблем и трудностей, выражающихся прежде всего в тех ограничениях, которые общество традиционно накладывает на мужскую роль (Берн Ш., Бреннон Р., Коннел Р., Клецина И.С., Кон И.С., Радина Н.К., Семенов В.В, Семенова Л.Э., Фаррелл У. и др.).

Процесс гендерной социализации проходит, опираясь как на существующие в обществе гендерные стереотипы, которые дети усваивают с детства, так и на субъективный выбор личности. Процесс социализации продолжается на протяжении всей жизни человека, но базовые моменты закладываются до периода зрелости. Юность — завершающий этап первичной социализации, результатом которого являются построение Я-концепции личности и формирование первичной гендерной идентичности. Цель данной работы - изучение социальных представлений юношей и девушек о маскулинности. Мы предположили, что содержание представлений о маскулинности может различаться как у юношей, так и девушек, а также у юношей из различных социокультурных сред.

В исследовании приняли участие 184 человека от 15 до 22 лет. Согласно И.С.Кону, данные возраста соответствуют ранней и поздней юности. На этих стадиях возрастного развития общее образование дополняется специальным, профессиональным. В выборку вошли учащиеся 9 классов и студенты 3-4 курсов ВУЗов Н.Новгорода, из гуманитарных и технических классов и факультетов.

В ходе исследования использовался вариант методики «Техника рассказывания историй» и качественный метод анализа данных — «открытое кодирование». Респондентам предлагалось написать сочинение на тему «Моя встреча с настоящим мужчиной». В процессе исследования были реконструированы представления о мужественности юношей и девушек, в которых выделились 2 типа категорий: нормы мужественности, описанные Ш. Берн (норма успешности, норма антиженственности, нормы физической, умственной и эмоциональной твердости) и альтернативные категории, затрагивающие другие конструкты маскулинности (категории «стереотипно феминные черты» и др.).

В результате выяснилось, что женские социальные представления о маскулинности имеют выраженные различия по сравнению с мужскими конструктами: представители мужской гендерной группы демонстрируют более традиционную модель маскулинности

(их описания в большей степени основываются на нормах мужественности Ш.Берн). Девушки при конструировании образа эталонной маскулинности чаще используют альтернативные категории, характеризуя «настоящего мужчину» как «ласкового», «нежного», «понимающего» (категория «стереотипно феминные черты»), «хорошо воспитанного и галантного», «без вредных привычек» человека (категория «воспитанность»).

Наблюдаются также различия в конструировании образа настоящего мужчины у школьников и студентов с разным типом профессиональной направленности личности. Например, юноши – гуманитарии (как школьники, так и студенты), в 2 раза чаще описывают в сочинениях внешний вид персонажей, и эти описания очень объемные и детальные (включающие фасон брюк, «запах одеколona, явно содержащего древесные нотки» и «трех или четырехдневную щетину» персонажа). Эти данные позволяют предположить о влиянии «профессиональных компетенций» на реконструкцию образа, а также об укоренении в представлениях юношей нового образа настоящего мужчины – метросексуала, транслирующего альтернативный тип маскулинности.

Наибольшее число девушек-студенток гуманитарного факультета выбрали для описания в качестве «настоящих» мужчин своих настоящих или потенциальных мужей и друзей (в совокупности 54%), а наименьшее – отца, знакомого взрослого мужчину, начальника и преподавателя (в совокупности 20%), оставшиеся сочинения посвящены воображаемому человеку, либо наблюдается отсутствие персонажа (26%). Наибольшее число девушек-студенток технического факультета выбрали для описания в качестве «настоящих» мужчин воображаемых персонажей (55%), лишь 25 % сочинений посвящены партнерам и друзьям, оставшиеся 20% сочинений – без персонажа. Такие герои как отец, знакомый взрослый мужчина, начальник и преподаватель не представлены в сочинениях данной группы девушек. Возможно, социальное экспериментирование девушек, выбравших «неженские факультеты», опирается на поиск альтернативной мужественности, которая не представлена в поведении и личностных особенностях реальных окружающих их мужчин.

Кроме того, наблюдаются возрастные различия в представлениях о мужественности. Так, девушки-школьницы по сравнению со студентками в 2 раза чаще в сочинениях описывают своих отцов. Кроме того, в сочинениях школьниц появляется новый тип героя – «принц на белом коне», являющийся, «когда его совсем не ждешь», и уносящий их на своем коне или «на белом Мерседесе» в прекрасную страну любви. Таким образом, речь идет о поляризованных стратегиях в конструировании маскулинности, обусловленном недостаточным опытом реальных отношений с какими-либо мужчинами кроме отца.

Таким образом, в социуме циркулируют различные «маскулинности», что требует дальнейших исследований как относительно общего и различного в конструировании данного социального представления, а также исследований, направленных на изучение социальных последствий конструирования того или иного образа «маскулинности» у юношей и девушек.

Эмоциональный интеллект: модель и проблемы диагностики

Панкратова Алина Александровна

Младший научный сотрудник, кандидат психол. наук

E-mail: alina_pankratova@mail.ru

Каленова Наталья Владимировна

студентка

E-mail: kalenova_natalia@mail.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

На эмпирическом уровне эмоциональный интеллект (ЭИ) представляет собой умение управлять собственными эмоциями и эмоциями другого человека. Мы можем увидеть и зафиксировать, что одни люди лучше управляют эмоциями, чем другие. В чем причина данного явления? Какие особенности человека обеспечивают умение управлять эмоциями? В литературе существует два типа теорий ЭИ – смешанные модели и модели способностей. Смешанные модели объясняют данное умение комплексом когнитивных способностей и личностных черт (Д. Гоулмен, Р. Бар-Он), а модели способностей – совокупностью когнитивных способностей (Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо). При этом в каждом из теоретических подходов используется свой метод диагностики ЭИ. Авторы смешанных моделей разрабатывают опросники, основанные на самоотчете. А представители моделей способностей предлагают тесты, состоящие из заданий, которые имеют правильные и ошибочные ответы.

Д. Гоулмен [1] выделяет в ЭИ два измерения – «Я–Другие», «Опознавание–Регуляция», сочетание которых дает четыре сферы ЭИ: 1) *самосознание* «Я–Опознавание» (эмоциональное самосознание, точная самооценка, уверенность в себе); 2) *самоконтроль* «Я–Регуляция» (обуздание эмоций, открытость, адаптивность, воля к победе, инициативность, оптимизм); 3) *социальная чуткость* «Другие–Опознавание» (сопереживание, деловая осведомленность, предупредительность); 4) *управление отношениями* «Другие–Регуляция» (воодушевление, влияние, помощь в самосовершенствовании, содействие изменениям, урегулирование конфликтов, укрепление личных взаимоотношений, командная работа и сотрудничество).

Р. Бар-Он [4] рассматривает пять подтипов ЭИ: 1) *внутриличностный интеллект* (осведомленность о собственных эмоциях, уверенность в себе, самоуважение, самоактуализация и независимость); 2) *межличностный интеллект* (эмпатия, межличностные отношения, социальная ответственность); 3) *адаптация* (разрешение проблем, оценка реальности, гибкость); 4) *управление стрессом* (устойчивость к стрессу, контроль побуждений); 5) *общее настроение* (счастье, оптимизм). Если сравнить содержание моделей Бар-Она и Гоулмена, мы увидим, что внутриличностный интеллект по Бар-Ону совпадает с самосознанием по Гоулмену, такие подтипы ЭИ как адаптивность, управление стрессом, общее настроение по Бар-Ону входят в состав самоконтроля по Гоулмену, а межличностный интеллект по Бар-Ону соответствует социальной чуткости и управлению отношениями по Гоулмену.

Смешанные модели ЭИ сталкиваются с рядом трудностей [2]. Применение опросников на ЭИ основано на ошибочном предположении, что люди способны давать точный самоотчет о своих способностях. С другой стороны, многочисленные данные показывают, что опросники на ЭИ практически не коррелируют с баллами интеллектуальных тестов. Это позволяет поставить вопрос о том, измеряют ли они нечто, имеющее отношение к интеллекту. Вместе с тем опросники на ЭИ на высоком уровне коррелируют с личностными чертами. Это объясняется тем, что в эти опросники включены конструкты, которые измеряются уже существующими личностными методиками. Следовательно, опросники на ЭИ измеряют некоторую комбинацию личностных черт, и здесь видится единственный выход – отказ от смешанных моделей ЭИ и от опросников на ЭИ.

Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Карузо [5] предлагают модель способностей, которая включает в себя четыре ветви: 1) *идентификация эмоций* (способность точно выражать и распознавать эмоции); 2) *эмоциональное содействие мышлению* (способность вызывать эмоции, которые помогают решению проблем); 3) *понимание эмоций* (способность понимать сложные эмоции и переходы эмоции от одной стадии к другой, способность узнавать причины эмоций); 4) *управление эмоциями* (способность сохранять или

изменять свое эмоциональное состояние и эмоции другого человека). Если проанализировать содержание каждой из ветвей модели, станет очевидно, что способность вызывать эмоции для усиления мышления – это один из вариантов управления эмоциями, переход эмоции от одной стадии к другой также зависят от умения управлять эмоциями, а сложные эмоции представляют собой чувства в терминологии отечественной психологии. Данную модель можно усовершенствовать следующим образом: 1) распознавание эмоций; 2) понимание причин эмоций; 3) управление эмоциями. Управление включает в себя вызов и сохранение эмоции, а также перевод одного эмоционального состояния в другое, что требуется при налаживании межличностных отношений и в сфере убеждения.

Основная проблема тестов на ЭИ связана с определением метода подсчета баллов или, другими словами, какой вариант ответа считать правильным и на каком основании [2]. Первый способ подсчета основан на консенсусе выборки: каждому ответу приписывается балл, соответствующий доле испытуемых, выбравших этот ответ. Такой способ подсчета может просто выражать представления или даже предрассудки относительно эмоций. Второй способ обращается к экспертным оценкам, и балл приписывается по доле экспертов, которые отметили данный ответ. В этом случае не совсем понятно, по какому критерию отбирать экспертов. На мой взгляд, проблема заключается не в способе подсчета баллов, а в заданиях, которые предлагаются в тесте на ЭИ. Например, для диагностики способности идентифицировать эмоции испытуемым предлагаются пейзажи и абстрактные фигуры, для диагностики содействия мышлению просят сравнить эмоции с другими сенсорными стимулами и т.д. Подобные задания носят проективный характер и не могут иметь правильных ответов априори.

Усовершенствование теста на ЭИ видится в следующих направлениях. Во-первых, при диагностике распознавания эмоций должен быть определен круг эмоций, которые человек должен уметь идентифицировать. Межкультурные эксперименты показывают семь универсальных эмоциональных проявлений на лице человека – это гнев, страх, печаль, радость, удивление, отвращение, презрение. Данные эмоции были положены в основу методики для диагностики распознавания эмоций по лицевой экспрессии П. Экмана [3]. Во-вторых, при диагностике понимания причин акцент должен делаться не на событие, которое вызвало эмоциональную реакцию, а на то, как это событие было оценено и какой мотив лежит в основе поведения человека. И, в-третьих, при диагностике управления эмоциями должны предлагаться сценарии, в которых бы испытуемому давалось задание вызвать, сохранить, перевести из одного состояния в другое определенный круг эмоций.

Литература

1. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2007.
2. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике. // Психология: Журнал Высшей Школы Экономики, 2004, т. 1., № 4, с. 3-24.
3. Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. The facial action coding system. London, 2002.
4. Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Emotional Intelligence: Science and Myth. Cambridge. 2004.
5. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotion Intelligence: Theory, Findings, and Implication. // Psychological Inquiry, 2004, vol. 15, № 3, p. 197-215.

К вопросу о появлении политического лидерства. Феномен самомониторинга**Полежаева Екатерина Андреевна**

аспирантка

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: klyukva_06@mail.ru*

В разное время исследователи искали истоки стремлений к власти в разных психологических образованиях – ценностях, мотивах, способностях, даже задатках, разгоралась дискуссия между защитниками теории черт и кросс-ситуативных теорий лидерства и власти, однако к единому мнению так и не пришли. Теории самомониторинга Марка Снайдера с момента своего появления в 1974 г. является попыткой снять остроту противоречий в вопросе о зарождении власти на межличностном уровне. Несмотря на большое количество исследований взаимосвязи самомониторинга с феноменом лидерства, вопрос о роли самомониторинга в стремлении и достижении политической власти до сих пор остается не затронутым специалистами.

В нашем исследовании было задействовано две группы. Первая группа - студенты и аспиранты МГУ им. М.В. Ломоносова (70 человек). Вторая группа - лидеры и активные участники региональных молодежных политических движений демократического толка (79 человек). Мы предположили различный уровень самомониторинга в зависимости от присущего группе уровня политической активности и политического лидерства, а также различную связь с основными механизмами достижения и реализации лидерства, а именно – макиавеллизмом и авторитаризмом. Почти все гипотезы нашего исследования подтвердились, кроме того, были обнаружены дополнительные данные, касающиеся феноменологии самомониторинга.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, самомониторинг связан с явлением политического лидерства и людям, занимающим лидерские позиции в сфере политики, свойственен значимо более высокий уровень самомониторинга. Кроме того, две другие характеристики из области феноменологии власти (макиавеллизм и авторитаризм) также связаны с политическим лидерством.

Во-вторых, главный фактор самомониторинга «Активно-демонстративная адаптивность» является ключевым в реализации стратегии самопрезентации в группе лидеров политических движений, однако активная стратегия гармонично сочетается с использованием и второй грани самомониторинга – «Направленности на других», которая в данной группе является поддерживающей основной стратегия функцией. То есть последние осуществляют активные демонстративные техники выстраивания своего образа в публичных ситуациях, не упуская из вида особенности ситуации и окружения. В то время как в среднестатистической группе (студентов) активные техники не всегда сочетаются с пассивными (подстраивание под других), а иногда даже идут в разрез друг с другом (активность, например, может реализовываться способом, противоположным требованиям ситуации).

В-третьих, вне зависимости от параметра политической активности респондентов самомониторинг в большей степени связан с такой характеристикой из области феноменологии власти, как макиавеллизм, и в меньшей степени – с авторитаризмом, причем связь с авторитаризмом обратная. То есть манипулятивные техники занимают значительное место в реализации стратегии самопрезентации людей с высоким самомониторингом, авторитарные техники не свойственны, а анти-авторитарные используются, но в меньшей степени. Кроме того, по полученным результатам политическое лидерство связано с большей свободой выбора техник самопрезентации

при реализации той или иной стратегии самопрезентации (нет привязки к определенным техникам).

Образ пожилого человека у людей молодого и зрелого возраста

Попова Анастасия Анполиinarieвна

студентка

Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова

E-mail: Nastenka-5@mail.ru

Введение

«Пожилой» по словарю С.И.Ожегова – «начинающий стареть», «старость» - «достигший старости». Такие определения наводят на мысль, что где-то в нашем подсознании четко зафиксирована норма, мы примерно знаем, как должен выглядеть человек в пожилом и старческом возрасте. Тенденция увеличения продолжительности жизни в странах, а также роста численности пожилых людей в возрастном составе населения за последние два десятилетия. Актуальность курсовой работы заключается в том что образ пожилого человека, в современном обществе, ориентирован на молодежную культуру, представляет собой стереотип старости, который отрицательно отражается на пожилых и престарелых людях, но и на всей культуре общества в целом. Такие стереотипы приводят к дискриминантному отношению к старости, называемому эйджизмом. Эйджизм - дискриминация по возрастному признаку, чаще всего встречается негативное отношение к старшим поколениям. А поскольку пожилые люди это неизбежная часть общества, ведь впоследствии мы постареем и к нам будут относиться также, это только кажется что старость еще очень далеко, но на самом деле не успеешь оглянуться как у тебя появились дети, затем уже дети у детей, глядишь и на пенсию пора.

Степень разработанности проблемы. Значительное количество работ, посвящено теоретическим исследованиям проблем, связанных с физической немощностью. Это работы российских и зарубежных авторов: Томэ Х, Шахматов Н.Ф, Авербух Е. Однако, особенности пожилого человека, по мнению авторов, изучены недостаточно полно и, прежде всего, это касается выводов, имеющих практическое значение в современных условиях.

Методы

1. Модифицированная методика изучения социально- психологических характеристик личности Т. Лири.

2. Изучение образа пожилого человека с помощью методики «незаконченных предложений».

3. Выявление типичного образа (портрета) пожилого человека с помощью мини-сочинения.

Результаты

Проведенное исследование показало, что пожилой человек в массовом сознании у людей от 18-50 лет г.Якутска представляет собой совестливого, обязательного, исполнительного; дорожит мнением окружающих, в особенности референтной группы; эмпатийный, чувствителен к поведению других; умение сопереживать, альтруист; служение идеалу или идолу; опека над слабыми и беззащитными.

В восприятии образа пожилого человека рассогласованность идеального и типичного образа пожилого человека у женщин выше, чем у мужчин. Женщинам нравятся и хотели бы в пожилых людях было общительность, доверие, мудрость, опытность, уживчивость, понимание, обеспеченная жизнь, терпимость. Женщинам в большей степени не нравятся в пожилых людях ворчливость, а мужчинам злость,

агрессия, и когда пожилые люди не следят за собой, матерятся, курят, пьют, а ценят дружелюбность, искренность, внимательность, отзывчивость, бескорытность и юмор.

В восприятии образа пожилого человека рассогласованность идеального и типичного образа пожилого человека у молодежи выше, чем у зрелых лиц. Молодежи не нравятся нравоучения пожилых людей, а в зрелом возрасте эгоистичность, наглость, равнодушие и упрямство. Молодежи хотелось бы в пожилых людях чтоб были довольны жизнью, жизнерадостны, общительны и открыты, а зрелому возрасту уверенны в себе, здоровы, больше энергии.

Литература

1. Авербух Е.С. Неврозы и неврозоподобные состояния в позднем возрасте. Л. 1969-285с.
2. Краснова О.В. «Мы» и «Они»: Эйджизм и самосознание пожилых людей// Психология зрелости и старения.-2000.-№3.-С. 18-36.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка:80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова.-4-е изд., дополненное. –М.: Азбуковник, 1999. - 944стр.
4. Томэ Э. Формы изменения личности// Психология старости и старения: Хрестоматия. С.376
5. Шахматов Н.Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное. М.: медицина, 1996.

Психическое развитие детей и подростков, проживающих в условиях химического загрязнения окружающей среды

Потапенко Варвара Владимировна⁵

аспирант

Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: barbara-84@mail.ru

Психическое развитие и становление личности в онтогенезе, исходит из положения, что психическое развитие ребенка следует понимать как единый процесс (Д.И.Фельдштейн, 1999).

Подростковый возраст – период онтогенеза, являющийся переходным между детством и взрослостью. Был выделен в качестве особого периода развития в 19 веке. Подростковый возраст характеризуется резкими, качественными изменениями, затрагивающими все стороны развития. Биологически он относится к предпубертатному и пубертатному периодам (В.П. Зинченко, 1983).

В подростковом возрасте от 12 до 15 лет в качестве ведущей деятельности выступает интимно-личностное общение (Д.Б.Эльконин, 1989).

В среднем подростковом возрасте (14-16 лет) ускоряется умственное развитие, формируется мышление. Подросток начинает осознавать абстрактные понятия, оспаривать мнение взрослых. В среднем подростковом возрасте личность выходит из эгоцентрического мира в социотрический, обучается сдерживать свои желания (А.Н. Леонтьев, 2000).

Центральным фактором психологического развития подросткового возраста, его важнейшим новообразованием является становление нового уровня самосознания, изменение Я - концепции (Л.И. Божович, И.С. Кон, Э. Эриксон, 1967). С этим связаны

⁵ Автор выражает признательность профессору, д.б.н. Губаревой Л.И. за помощь в подготовке тезисов.

колебания в отношении к себе, неустойчивость самооценки. Новообразование определяет ведущие потребности подросткового возраста – в самоутверждении и общении со сверстниками (Д.Б. Эльконин, 1989).

Характер общения ребенка с взрослыми и сверстниками изменяется и усложняется на протяжении детства, приобретая форму то непосредственного, эмоционального контакта, то совместной деятельности. Развитие общения, усложнение и обогащение его форм открывают перед ребенком все новые возможности усвоения от окружающих различного рода знаний и умений, что имеет первостепенное значение для всего хода психического развития (И.Ю. Кулагина, 2001).

Среда не только внешнее условие, но и подлинный источник развития ребенка. Это обуславливает высокую актуальность исследований воздействия химически эконепригодной среды на психическое развитие детей и подростков.

С учетом выше изложенного были обследованы подростки 12 и 14 лет, проживающие в условиях химического загрязнения окружающей среды (концентрация вредных химических веществ в воздухе превышала ПДК в 3-8 раз). Контрольную группу составили подростки, проживающие в условиях экологического благополучия. Количество обследованных составило 140 человек, в том числе 68 мальчиков и 72 девочки. Обследование проводили, используя методы психологического тестирования: методика «Круг», индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик). Результаты обследования подвергались статистической обработке.

Результаты исследования самооценки по методике «Круг» показали, что в контрольной группе мальчики и в 12, и в 14 лет имеют низкую самооценку 5,0%, у 95,0% документирован эгоцентризм. У девочек контрольной группы низкая самооценка в 12 лет выявлена у 15,0%, эгоцентризм – у 85,0%, в 14 лет низкая самооценка документирована у 33,3%, эгоцентризм – у 66,6%. Таким образом, начиная с 12 лет, девочки контрольной группы выявляют более низкую самооценку по сравнению с мальчиками, и являются менее эгоцентричными.

Проживание в условиях химического загрязнения окружающей среды приводит к снижению самооценки у мальчиков 12, 14 лет и повышению у девочек 14 лет. Так, в экспериментальной группе у мальчиков 12 лет низкая самооценка выявлена у 7,2%, в 14 лет – у 15,0%, в то время как у девочек 14 лет – у 14,8% (в контрольной группе у 33,3%). При этом у 85,1% 14-летних девочек-подростков экспериментальной группы выявлен эгоцентризм (в контрольной группе у 66,6%).

Анализ гендерных различий по результатам индивидуально-типологического опросника показал, что в контрольной группе показатели по шкале тревожности выше у мальчиков 12 и 14 лет, по сравнению с девочками, что указывает на более высокую осторожность в принятии решений, ответственность по отношению к окружающим. В условиях химического загрязнения окружающей среды показатели тревожности выше только у 12-летних мальчиков по сравнению с девочками.

Шкала агрессивности в норме соответствует уверенной тенденции к самоутверждению, к активной самореализации. В контрольной группе с возрастом агрессивность растет, причем у мальчиков 12 и 14 лет агрессивность больше, чем у девочек ($P < 0,01-0,05$). Высокие показатели агрессивности у мальчиков 12 и 14 лет доказывают проявление раскованности поведения и стремление к лидированию в пубертатный период онтогенеза.

В экспериментальной группе в 12 лет показатели агрессивности у мальчиков достоверно не отличаются от таковых в контрольной группе, а у девочек достоверно выше ($P < 0,001$). С возрастом агрессивность существенно не изменяется, имеется тенденция к ее нарастанию у мальчиков 14 лет, однако достоверно выраженные отличия сохраняются только у девочек.

Шкала ригидности выявляет устойчивость к стрессу. Более устойчивы к стрессу и педантизму в контрольной группе мальчики 12 и 14 лет, имеющие более низкие показатели по шкале ригидности. В экспериментальной группе менее устойчивы к стрессу подростки 14 лет, имеющие более высокие показатели ригидности по сравнению с подростками контрольной группы. Достоверно выраженные различия выявлены у девочек ($P < 0,05$).

Таким образом, проведенные нами экспериментальные исследования подтверждают положение о том, что психическое развитие детей и подростков зависит от условий окружающей среды. В 14 лет среди девочек, проживающих в химически загрязненном районе, выявлено в 2 раза меньше девочек с низкой самооценкой, чем среди девочек контрольной группы, в то время как среди мальчиков, проживающих в химически загрязненном районе, выявлено в 3 раза больше подростков с низкой самооценкой. У большинства девочек экспериментальной группы преобладает эгоцентризм.

Химическое загрязнение окружающей среды приводит к достоверно выраженному повышению агрессивности у девочек. Девочки 14 лет обладают меньшей устойчивостью к стрессу.

Литература

1. Божович Л.И. (1967) Личность и ее формирование в детском возрасте. Спб.: «Питер Пресс».
2. Кулагина И.Ю. (2001) Возрастная психология. М.: Юрайт.
3. Леонтьев А.Н. (2000) Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.
4. Обухова Л.Ф. (1996) Детская (возрастная) психология, М.: Российское педагогическое агентство.
5. Фельдштейн Д.И. (1999) Психология развития личности в онтогенезе М.: Педагогика.
6. Эльконин Д.Б. (1989) Психическое развитие в детских возрастах, М.: Модэк.

Исследование представлений об идеальном родителе у женщин, имеющих и не имеющих детей

Редина Екатерина Александровна

ассистент

Олейник Анна Александровна

студент

Уральский государственный университет им. А.М.Горького, Екатеринбург, Россия

E-mail: ered@mail.ru redekat@E1.ru

Феномен родительства является сложным социально-психологическим явлением, который ученые рассматривают в различных контекстах. Анализ родительства может быть проведен в плане индивидуально-личностных особенностей и в плане семейных отношений, который раскрывает родительство в системе общественных отношений. Родительство является базовым жизненным предназначением, важным состоянием и значительной социально – психологической функцией каждого человека. К сожалению, на данный момент мы не имеем общепринятого определения понятия «родительство». Так, например, Р.В. Овчарова [1] описывает «родительство» как «социально-психологический феномен представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства». Анализ исследований в рамках темы родительства показывает, что

отсутствует разработанная психологическая концепция родительства, на основе которой психолог мог бы работать с родителями. Большинство исследователей ориентированы на рассмотрение собственно детско-родительских отношений, в то время как самосознание и Я-концепция родителя остаются вне поля исследовательского внимания. На сегодняшний день можно говорить только о наличии некоторых зачатков теоретической модели родительства в отечественной психологии.

Становление родительства характеризуется согласованием представлений относительно роли родителя, функций, распределении ответственности, обязанностей, то есть в целом о родительстве. До момента появления ребенка на свет согласование представлений происходит на «теоретическом» уровне, проявляется это в построении будущего, мечтах и планировании. С появлением ребенка согласование представлений получает «второе рождение», когда теория начинает реализовываться на практике. С увеличением опыта изменяются представления об идеальном родителе, значимость идеала родителя снижается; самооценка родителя повышается, а поведенческие установки выражают готовность к оптимальному эмоциональному контакту. Таким образом, общая картина семейного воспитания во многом детерминирована тем, как люди представляют себе родительство еще до того, как они реально стали родителями.

Таким образом, для анализа изменений, который возникают у женщин в представлениях о родительстве после рождения ребенка, было проведено экспериментальное исследование (в 2007 г.), в котором участвовало 40 женщин в возрасте от 25 до 35 лет. Из них 20 женщин имеют детей, 20 – на момент обследования детей не имели. Для проведения исследования представлений об идеальном родителе у женщин, использовались следующие методики: «Методика измерения родительских установок и реакций» (Е.С. Шеффер, Р.К. Белл [2]), «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой [1], «Самооценочные шкалы» (схема А.Ш.Тхостова и Д.А.Степанович).

По методике «Измерение родительских установок и реакций» достоверные различия по критерию Стьюдента (при первом уровне значимости) между группами наблюдаются по факторам «оберегание ребенка от трудностей» и «равенство родителей и ребенка», причем показатели достаточно высокие в обеих группах. Это говорит о том, что у женщин в равной степени присутствует как понимание того, что ребенка нужно оберегать от трудностей, так и то, что с ребенком нужно, по возможности, общаться как с равным. Тем не менее средние значения все-таки выше в группе женщин, имеющих детей, что может указывать на то, что последние в большей степени придают большую важность этим факторам при воспитании ребенка. Достоверные различия в представлениях о воспитании так же проявляются и по таким факторам, как «зависимость ребенка от матери» (у женщин без детей показатель ниже, при первом уровне значимости), «предоставление ребенку возможности высказаться» (у бездетных показатель выше), «навязчивость родителей» (у бездетных показатель ниже) и «ускорение развития ребенка» (у бездетных показатель выше). Все это говорит о том, что женщины, не имеющие детей более склонны идеализировать процесс воспитания в силу отсутствия реального опыта.

Проанализировав методику «Представления об идеальном родителе» можно сделать вывод о том, что различия в представлениях у женщин имеющих детей и у женщин, не имеющих детей, незначительны. И в той и в другой группе женщины приписывают «идеальному родителю» такие черты как: ответственность, достаточно высокие знания по воспитанию детей, практически все дают высокие оценки тому, что родитель должен быть готовым к родительству, должен быть морально сильным и во всем поддерживать ребенка. При этом все-таки, показатели по представлениям об «идеальном родителе» у женщин, не имеющих детей, немного выше по многим показателям. Это может говорить о большем идеализировании родительства в целом,

женщинами у которых детей нет, и может объясняться, в большей степени, отсутствием личного опыта.

По методике «Самооценочные шкалы» в группе женщин, имеющих детей, различия в представлениях «себя как родителя» в сравнении с представлениями об «идеальном родителе» значительней, чем в группе женщин, которые не имеют детей, что может свидетельствовать о том, что женщины, не имеющие детей больше склонны сопоставлять себя с образом идеального родителя, представлять себя родителями приближенными к идеалу. У женщин, имеющих детей, наибольшие расхождения в представлениях получились по таким качествам, как: желание быть образцом для ребенка, терпеливость, знание, как надо воспитывать ребенка и последовательность. Это значит, что, анализируя эти качества, женщины приписывали себе достаточно низкие оценки. А самые незначительные отличия получились по таким качествам, как: желание сделать ребенка счастливым, ответственность, доверие к ребенку, аккуратность, понимание ребенка. По результатам в группе женщин, не имеющих детей, можно сказать, что наибольшие различия между средними оценками получились по качествам: желание быть образцом для ребенка, контроль за действиями ребенка, аккуратность, строгость, знание, как надо воспитывать. Разница по всем остальным качествам меньше 5%, то есть это говорит о том, что у женщин, не имеющих детей, представления о себе, как родителе, и представления об «идеальном родителе» почти не различаются.

Таким образом, представления о родительстве и родительской роли у женщин, имеющих и не имеющих детей, действительно различаются в сторону большей идеализации образа себя «как родителя» у женщин, не имеющих детей.

Литература

1. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд. Института психологии, 2003.
2. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. – СПб., Речь, 2005.

Соотношение мотивации достижения, темперамента и когнитивных стилей в структуре личности

Семяшкин Андрей Андреевич

аспирант

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Москва, Россия

E-mail: Andrey_1@hotmail.com

Личность по праву считается ключевым понятием в психологии. Вместе с тем, изучение личности – одна из самых важных и сложных задач психологической науки.

Интерес к личности всегда сопровождал и стимулировал развитие психологии. Учёные стремились понять сущность личности, раскрыть её психологическую структуру. В связи с этим активно стали разрабатываться теории личности.

Ни одна теория личности не может обойтись без концепции её структуры. Наличие сформированной структурной концепции служит основным признаком разработанности любой теории личности. Вот почему, говоря о личности, акцент, прежде всего, делать следует на её структуре.

Экспериментальное изучение структуры личности как в отечественной, так и в зарубежной психологии началось сравнительно недавно. К настоящему времени число теорий несоизмеримо опережает количество систематических исследований структуры

личности. В связи с этим всё более и более актуальными становятся вопросы научной организации и проведения таких исследований.

На современном этапе развития психологических знаний недостаточно изученными остаются вопросы соотношения и возрастной динамики взаимосвязей мотивации достижения, темперамента и когнитивных стилей в структуре личности. Имеющиеся данные противоречивы, поэтому ни о какой единой согласованности мнений теоретиков и практиков говорить не приходится.

Выделение мотивации, темперамента и когнитивных стилей в структуре личности было обосновано многими известными психологами.

Так, мотивация в контексте структуры личности выступает актуальным предметом исследований в трудах А.Н. Леонтьева, А.Б. Орлова. Для Г.Ю. Айзенка и В.М. Русалова в этом отношении представляет интерес темперамент. Присутствие мотивации наряду с темпераментом в психологической структуре личности отмечают Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.Г. Ковалёв, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, Э.А. Голубева, Р. Кэттелл, Р. Мейли. Уверенность в необходимости включения в состав структуры личности когнитивных стилей высказывают М.А. Холодная, Г. Уиткин, Ф. Олтман, Р. Мейли, В.В. Селиванов.

Несмотря на огромное число отдельных исследований мотивации достижения, темперамента и когнитивных стилей, вопросы об их соотношении и его возрастной динамике в структуре личности до сих пор остаются недостаточно теоретически и эмпирически проработанными. Даже в тех немногих случаях, когда предпринимаются попытки теоретически обосновать и интерпретировать предполагаемые связи, эмпирические требования их проверки и доказательства нередко упускаются из вида. При сложившемся положении дел страдает и теория, и практика, и наука в целом.

Бесспорно, изучать непосредственно психические явления необходимо. Однако дальнейшее развитие науки требует ответить на следующие вопросы: как связаны эти явления между собой и каким образом их соотношение изменяется в онтогенезе. Поэтому неудивительно, что постановка и решение заданных вопросов в современных условиях приобретает особое значение. Определение основополагающих психических компонентов в структуре личности и подробное изучение их соотношения и его динамики даст ключ к построению более полной и точной научной картины о фундаментальных психических составляющих структуры личности, благодаря чему, в конечном счёте, становится возможным объяснить непосредственно саму личность человека и его поведение.

Весьма продуктивный подход к исследованию проблемы структуры личности предлагает Е.В. Шорохова. Перспективы дальнейшего исследования этой проблемы она видит в определении некоторого числа признаков, образующих структуру, и характера взаимосвязей между ними.

Поскольку мотивация достижения, темперамент и когнитивные стили являются фундаментальными, базовыми психическими образованиями в строении личности, изучение их соотношения открывает перспективы установления, возможно, ключевых взаимосвязей между основными психическими элементами в целостной структуре личности, а также предоставляет возможность более полно и глубоко описать и понять как саму личность, так и её структуру.

Находясь на стыке целого ряда научных дисциплин (психологии личности, общей и дифференциальной психологии, психологии способностей и мотивации, а также когнитивной психологии) обозначенная в теме проблема затрагивает множество совершенно различных аспектов, благодаря чему становится в известной степени универсальной и приобретает уникальное значение для каждой из перечисленных областей психологического знания.

Итак, актуальность темы исследования определяется, с одной стороны, необходимостью изучения соотношения и динамики мотивации достижения, темперамента и когнитивных стилей в структуре личности, а с другой стороны, - недостаточным вниманием к формулировке и постановке теоретических задач такого рода и проведению экспериментальных психологических исследований в русле заданной тематики.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение соотношения мотивации достижения, темперамента и когнитивных стилей в структуре личности.

Предварительно мы выдвинули следующие исследовательские гипотезы:

1). Мотивация достижения соотносится с параметром когнитивного стиля «полезависимость-полenezависимость». В частности, мотив достижения успеха будет положительно коррелировать с полenezависимостью, в то время как мотив избегания неудач обнаружит связь с полезависимостью.

2). Имеется связь между параметром когнитивного стиля «аналитичность-синтетичность» и некоторыми характеристиками темперамента. Аналитичность связана с интроверсией, тогда как синтетичность коррелирует с экстраверсией.

3). Положительная корреляция существует между полезависимостью и интроверсией, полenezависимостью и экстраверсией.

4). Существует связь между «полезависимостью-полenezависимостью» и нейротизмом.

Для реализации поставленных исследовательских задач нами были выбраны следующие методики: ТАТ в модификации Х. Хекхаузена; тест-опросник мотивации достижения А. Мехрабиана в модификации М.Ш. Магомед-Эминова; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса; тест-опросник Г.Ю. Айзенка (EPI) (форма А) в адаптации В.М. Русалова; ОФДСИ человека В.М. Русалова; опросник ОФДСИ подростка В.М. Русалова; методика «Свободная сортировка объектов» в модификации В. Колги; групповой тест включённых фигур Г. Уиткина.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
3. Мейли Р. Структура личности // Экспериментальная психология : [Сборник статей]. Пер. с франц. / Ред. - сост. Фресс П. и Пиаже Ж. Предисл. и общ. ред. А.Н. Леонтьева. Вып. V. - М.: изд. «Прогресс», 1975. – С. 196-278.

Особенности жизненной стратегии у студентов и старшеклассников

Сергеева Екатерина Викторовна

студентка

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: sergeeva_86@list.ru

Введение

Проблема человеческой жизни, ее смысл и ценности издавна привлекали мыслителей. Однако, именно сегодня, в условиях интенсивных социально-экономических и психологических изменений в нашей стране возрастает актуальность изучения проблемы выбора человеком определенной жизненной стратегии.

Формирование жизненных стратегий, их активное становление происходит в юношеском возрасте, когда закладывается «фундамент» будущей жизни. Юный человек

становится взрослым не только в биологическом, но и в социальном отношении. Он начинает в полной мере нести ответственность за свои поступки и свою жизнь, у него в основных чертах оформляется система ценностей и вместе с тем продолжается интенсивный процесс самоопределения, поиск себя, смысла собственного существования.

Многие авторы в своих работах, так или иначе, касаются проблемы становления жизненных стратегий в юношеском возрасте. Однако эмпирические исследования данного вопроса малочисленны и практически не освещены в литературных источниках.

Таким образом, актуальность данного исследования продиктована необходимостью дополнения теоретических построений, относящихся к особенностям жизненной стратегии у студентов и старшеклассников, и потребностью в новых фактах, которые позволят расширить теорию и сферу ее применения.

В данной работе мы использовали следующее определение понятия жизненная стратегия. Жизненная стратегия – это некоторый (более или менее сознательный) способ конструирования человеком собственной жизни в соответствии с присущей ему системой ценностей, смыслов и целей. Жизненная стратегия является одним из основных регуляторов социального поведения. Она организует целостность жизнедеятельности, определяет способ бытия человека, выступая важнейшим критерием зрелости и психического благополучия.

Методы

В исследовании использовались метод стандартизированного самоотчета и проективный метод сбора эмпирической информации, которые реализовались в следующих конкретных методиках. Методика Ш. Шварца в адаптации О.А. Тихомандрицкой, Е.М. Дубовской, направленная на выявление приоритетных ценностей человека, соответствующих определенным жизненным стратегиям. Методика «Незаконченные предложения», которая ориентирована на выявление особенностей представлений о смысле жизни, как одной из составляющих жизненной стратегии. Методика М.О. Мдивани, П.Б. Кодесс, направленная на выявление субъективно важных целей. Обработка полученных данных с помощью описанного диагностического комплекса проводилась методами качественного и количественного, в том числе статистического, анализа.

Результаты

В ходе исследования были получены следующие результаты. При соотнесении выделенных приоритетных ценностей, смыслов и целей у студентов и старшеклассников с типами жизненных стратегий по А.Е. Созонтову (данная классификация была взята нами за основу) было обнаружено следующее.

У 22% студентов и 26% старшеклассников выражен тип жизненной стратегии «Быть». Приоритетными здесь являются ценности «самостоятельность», «стимуляция», «достижения». Для данных испытуемых характерно творческое восприятие реальности, стремление к насыщенной жизни, творческая самореализация через увлеченность любимым делом.

У 22% студентов и 37% старшеклассников выражен тип жизненной стратегии «Иметь». Приоритетными здесь являются ценности «гедонизм», «достижения», «власть». Характерным для данных испытуемых является достижение личного успеха, превосходства удовлетворение всех желаний. Но способность сопереживать, чувствовать внутренний мир другого остается у такого человека сравнительно неразвито, как и ориентация в собственной внутренней реальности. Его отличает отмеченная Э. Фроммом тенденция воспринимать окружающих и самого себя как лишённые индивидуальных качеств «вещи».

У 16% студентов и 11% старшеклассников выражен тип жизненной стратегии «Не иметь и не быть». Приоритетными здесь являются ценности «самостоятельность»,

«доброта», «безопасность». Для данных испытуемых характерно достижение социальной адаптации, желание социальной стабильности, забота о близких людях. Представителя данного типа стратегии отличает сложность социальной адаптации в современном рыночном обществе, опасения в связи с присущей ему неопределенностью. Стремление к безопасности собственного «Я» и близких людей, стабильности общества находит свою реализацию в следовании авторитетам, приверженности системе принятых норм и ценностей.

У 40% студентов и 26% старшеклассников выражен тип жизненной стратегии «Иметь для того, чтобы быть». Приоритетными здесь являются ценности «самостоятельность», «стимуляция», «достижение». Для данных испытуемых характерен творческий синтез развития собственной индивидуальности и соответствия запросам рыночного общества, они отличаются более глубоким пониманием, чувствованием себя и других.

Таким образом, в ходе исследования мы обнаружили некоторые различия между жизненными стратегиями студентов и старшеклассников. В частности, у большинства старшеклассников преобладает жизненная стратегия «Иметь», они ориентируются на достижение личного успеха, превосходства, удовлетворение всех желаний; а у большинства студентов стратегия «Иметь для того, чтобы быть», для них характерно творческое восприятие реальности, творческая самореализация через увлеченность любимым делом.

Изучение жизненной стратегии, ее структуры, характеристик может помочь практическому психологу ближе подойти к пониманию причин внутриличностных конфликтов человека и на этой основе наметить практические шаги в работе по повышению уровня психического здоровья человека. Формирование представлений об ответственности, общечеловеческих ценностях в раннем возрасте может способствовать гармоничному развитию молодого человека и его эффективной адаптации в условиях кризисного общества.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 301 с.
2. Белинская Е.П. Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 301 с.
3. Варламова Е.П. Психология творческой уникальности человека : рефлексив.-гуманист. подход / Е.П. Варламова, С.Ю. Степанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Ин-т психологии РАН, 2002. – 253 с.
4. Жизненный путь личности / [под ред. Л.В. Сохань]. – Киев : Наукова Думка, 1987. – 278 с.
5. Резник Т.Е. Жизненные стратегии личности / Т.Е. Резник, Ю.М. Резник // Социол. исслед. – 1995. – № 12. – С. 78-85.
6. Созонтов А.Е. Основные жизненные стратегии российских студентов / А.Е. Созонтов // Вестн. моск. ун-та. – 2003. – №3. – С. 15-23.

Психологические особенности типов исследовательской позиции

Скотникова Анна Михайловна

аспирантка

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: skyann@list.ru

В современных условиях все большее значение приобретает стремление и способность человека активно исследовать новизну и сложность меняющегося мира (А.Н. Поддьяков, 2000, 2001; А.И. Савенков, 2005; А.С. Обухов, 2007), а поиск перестает быть узкоспециализированной деятельностью и становится неотъемлемой характеристикой, стилем жизни личности (А.И. Савенков, 2005). Исследовательская активность находит выражение в форме исследовательских реакций, поискового поведения, исследовательской деятельности, которые, однако, рассматриваются преимущественно как детерминированные психофизиологическими и средовыми факторами. Роль «внутренних условий», которые лежат в основе реализации исследовательского способа изучения действительности, активность самого субъекта остается не раскрытой.

Решить данную задачу возможно посредством обращения к понятию «исследовательская позиция». В отечественной психологии появились отдельные работы, посвященные изучению исследовательской позиции (А.С. Обухов, 2006; Н.Б. Шумакова, 2007). В нашей работе, выполненной в рамках субъектного подхода, исследовательская позиция рассматривается как психическое образование, которое обуславливает ценностное отношение человека к процессу активного, заинтересованного взаимодействия с действительностью, его готовность к новому опыту и умение выходить за пределы наличного уровня знаний о себе и мире. На наш взгляд, исследовательская позиция представляет собой целостное, сложное психическое образование, систему как единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи элементов. На основе системологического описания (В.А. Богданов, 1997) с помощью метода построения семантических пространств (В.П. Зинченко, 1996) были определены компоненты исследовательской позиции. На следующем этапе данные компоненты были операционализированы посредством определения их индикаторов, которые можно выявить с помощью психодиагностических методик. Таким образом, было определено, что в состав исследовательской позиции входят интенциональный, когнитивный, эмоциональный, регуляторный, мировоззренческий и поведенческий компоненты. *Интенциональный* компонент исследовательской позиции включает мотивы исследовательской деятельности, познавательные потребности и стремление к творчеству. *Когнитивный* компонент представлен понятийными структурами как образованиями, обеспечивающими переработку информации. Он включает также открытую познавательную позицию как «особый тип познавательного отношения к миру, при котором индивидуальное умозрение отличается вариативностью и разнообразием субъективных способов осмысления одного и того же события, а также адекватной восприимчивостью по отношению к необычным аспектам происходящего» (М.А. Холодная, 2002). *Эмоциональный* компонент включает три группы переживаний, испытываемых человеком в исследовательском процессе: побуждающие переживания (желание осуществлять исследовательский процесс, вовлеченность в него), оценочные переживания (переживания успеха-неуспеха как оценки результата исследовательской деятельности и настроение как обобщенная оценка этапов деятельности), активационные переживания (изменение состояния в континууме «сонливость – возбуждение»). *Регуляторный* компонент представлен способностью к саморегуляции произвольной активности, а также ценностной системой «Открытость изменениям», отражающей стремление человека к выходу за пределы существующих рамок, к открытости новому опыту и изменениям, творческому преобразованию и познанию. *Мировоззренческий* компонент отражает убеждения человека относительно того, где находятся силы, влияющие на его судьбу, готовность к преодолению трудностей. *Поведенческий* компонент представлен толерантностью к неопределенности.

В результате эмпирического исследования, выполненного на выборке старшеклассников, участвующих в конкурсах научно-исследовательских работ и

научно-практических конференций (общая численность 150 человек), нами было выявлено качественное своеобразие двух типов исследовательской позиции - «переживающего» и «созидающего». Данные обозначения были даны исходя из выявленных психологических особенностей структуры исследовательской позиции каждого их типов и отражают наиболее существенные характеристики последних.

Исследовательская позиция «*переживающего*» типа представляет собой синтетичное психическое образование. Наибольший вес в структуре данного образования имеет эмоциональный компонент, в то время как когнитивный и регуляторный играют значительно меньшую роль в его функционировании. Особенности структуры исследовательской позиции «*переживающего*» типа обуславливают направленность человека на новизну, тенденцию к свободному изобретательству, высокую вовлеченность в исследовательский процесс. Вместе с тем выявленные особенности определяют значительную фиксацию на актуальных переживаниях, возникающих в исследовательском процессе, вследствие чего обладатели исследовательской позиции данного типа «застревают» на эмоциональном, оценочном отношении к процессу и промежуточным результатам своей деятельности и оказываются менее результативными в достижении поставленных целей. Выявленные психологические особенности исследовательской позиции данного типа обуславливают характер ее функционирования и объясняют специфику реализации процесса исследовательской деятельности. На наш взгляд, данный тип исследовательской позиции может рассматриваться как способ самовыражения человека в исследовательском процессе.

Исследовательская позиция «*созидающего*» типа является целостным, интегрированным и иерархически упорядоченным психическим образованием. Упорядоченность данного образования обеспечивает наличие трех доминант - побуждающих переживаний, творческой направленности и готовности познавать действительность в ее существенных свойствах и отношениях. Когнитивный и эмоциональный компоненты имеют примерно равный вес в структуре исследовательской позиции данного типа. Составляющие данного психического образования интегрированы способом, обеспечивающим их эффективное совместное функционирование. Структурные особенности исследовательской позиции «*созидающего*» типа позволяют ее обладателям выступать в качестве инициаторов и успешных организаторов своей исследовательской активности. Об этом свидетельствует взаимосвязь элементов, отражающих субъектные свойства личности (ценность самостоятельности и интернальность) и их первостепенный вклад в структуру исследовательской позиции данного типа, а также независимость такого элемента как система саморегуляции от актуальных переживаний. Взаимосвязь и значительный вес когнитивных элементов (понятийных структур и открытой познавательной позиции) обеспечивают готовность и умение анализировать, осмыслять окружающую действительность во всех ее противоречивых, сложных связях и отношениях. Взаимосвязь таких элементов исследовательской позиции, как ценность стимуляции, творческая направленность и толерантность к неопределенности позволяет человеку быть открытым новизне и готовым справляться с неопределенными ситуациями, воспринимать их потенциальные источники новых идей и впечатлений. Выявленные особенности данного типа исследовательской позиции позволяют ее обладателям быть субъектами исследовательской деятельности, эффективно организуя исследовательский процесс и превращая его в пространство для самоопределения, саморазвития.

Исследование различных аспектов переживания времени

Смирнов Николай Викторович

студент

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: caje_psy@list.ru

В настоящее время в психологии интенсивно разрабатывается личностно-психологический аспект изучения проблемы времени, связанный с тем, как переживает и осмысливает человек свой индивидуальный жизненный путь. Жизненный путь как психологическая категория отражает специфику временной организации личности, как развивающегося и динамического образования.

В психологическом исследовании жизненный путь личности мыслится нами как система значимых для неё событий, которые будут условно располагаться в прошлом или будущем. Условность эта связана с тем фактом, что прошлое и будущее не существуют независимо друг от друга и от настоящего.

На настоящий момент наиболее распространенным методом исследования временной организации личности является метод каузометрии «Life Line», предложенный Е.И.Головахой и А.А.Кроником, основанный на причинно-целевой концепции психологического времени.

Помимо методики «Life Line» существует ряд методик исследования психологических и личностных аспектов переживания времени: шкала временных установок Ж.Нюттена, опросник временной перспективы Ф.Зимбардо, а также ряд проективных методик, например «Линия жизни». Суть процедуры «Линия жизни» заключается в том, что испытуемому предлагается на бланке со шкалой от +5 вверх и до -5 вниз, изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события своей жизни, прошлого и будущего, при этом оценивая их относительно предлагаемой шкалы как положительные или отрицательные.

Поскольку каждый метод отражает исследуемую реальность под определенным углом зрения и результаты в определенном смысле зависимы от метода, нами была предпринята попытка изучить, каким образом различные методы исследуют временную реальность личности.

Мы сопоставили результаты по «Life Line», «Линии жизни», шкале временных установок Ж.Нюттена и опроснику временной перспективы Ф.Зимбардо.

В исследовании приняли участие 50 испытуемых, студенты Курского государственного медицинского университета в возрасте 18-25 лет. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0 метода ранговой корреляции R Спирмена, посредством применения которого были получены значимые корреляции, отражающие связь различных аспектов психологического времени изучаемых различными методами.

1. Обнаружена значимая отрицательная связь между показателем конфликтное настоящее по методу «Life Line», и установкой на настоящее по шкале временных установок Ж.Нюттена $R = -0,44$, $p = 0,001$.

2. Обнаружена значимая отрицательная связь между показателем конфликтное настоящее по методу «Life Line» и установкой на будущее по шкале временных установок $R = -0,34$, $p = 0,019$.

3. Обнаружена значимая положительная связь между показателем рациональное настоящее по методу «Life Line», и установкой на настоящее по шкале временных установок $R = 0,41$, $p = 0,003$

4. Обнаружена значимая отрицательная связь между показателем рациональное настоящее по методу «Life Line», и показателем негативное прошлое по опроснику временной перспективы Ф.Зимбардо $R = -0,35$, $p = 0,015$

5. Обнаружена значимая положительная связь между показателем настоящее по «Линии жизни» и установками на прошлое $R = 0,36$, $p = 0,01$; настоящее $R = 0,34$, $p = 0,01$; будущее $R = 0,42$, $p = 0,002$.

6. Обнаружена значимая отрицательная связь между показателем настоящее по «Линии жизни» и показателем негативное прошлое по опроснику временной перспективы Ф.Зимбардо $R = -0,28$, $p = 0,04$.

В результате проведенного исследования и рассмотрения описанных выше взаимосвязей различных аспектов психологического времени, мы отмечаем закономерное соотношение изучаемых параметров. Сходные по психологическому содержанию аспекты психологического времени взаимосвязаны положительно, а противоположные отрицательно. Между рядом аспектов психологического времени не было обнаружено взаимосвязей, что можно объяснить спецификой конкретного метода.

В итоге можно сделать вывод, что различные аспекты переживания времени, изучаемые различными методами, выступают как система сложно взаимосвязанных аспектов единой психической реальности.

Особенности формирование личности в многодетной семье на примере казахской семьи

*Струкова Татьяна Владимировна*⁶

молодой ученый

Институт исследования и развития человека, Астана, Казахстан

E-mail: institute_irch@mail.ru

Введение

Проблема формирования личности ребенка в семье является одной из центральных тем в психологии. Именно в родительской семье закладываются основные базисные, психологические качества личности. К сожалению, долгое время внимание психологов было больше сосредоточено на формировании личности ребенка в общественных учреждениях, а семья, если и рассматривалась, то чаще вне контекста ее этнического своеобразия.

Тем не менее, проблема формирования личности ребенка все больше и больше приобретает значимость, которая связана, во-первых, с обострением межэтнических взаимодействий, корни которой уходят в своеобразие развития личности в той или иной этнической культуре. Во-вторых, в постсоветском пространстве в значительной мере возрос интерес изучения своеобразия личности в целом и стремление сделать личность центром общественных интересов.

Особую остроту и актуальность этнопсихологические проблемы приобретают в отношении этносов, претерпевающих резкие исторические изменения.. Одним из них является казахский этнос, с одной стороны, еще сохраняющий традиционную структуру семьи, в значительной мере составляющую основу организации этноса, а с другой - переживающий исторический перелом, связанный с изменением, как базисной структуры семьи, так и психологии личности. Социально-экономическая перестройка последних десятилетий, породила ряд глубоких противоречий в традиционной

⁶ Автор выражает признательность к.психол.н., доценту Глебову В.В. за помощь в подготовке тезисов

структуре казахского этноса, что находит отражение в изменении психологического пространства казахской семьи.

Исходя из этого, целью нашего исследования стало выявление особенностей формирования и ориентировки личности в психологическом пространстве казахской родительской семьи, определяемых положением человека среди братьев и сестер (старший, средний, младший).

В эксперименте приняли участие 263 испытуемых, возраста от 4 до 23 лет, занимающих различное положение в многодетной семье (старшие дети в семье (n=84), средние дети в семье (n= 86), младшие дети в семье (n=93)). Исследование проводилось на протяжении 2001-2003 гг. в г. Астана, Республика Казахстан. Испытуемыми были субъекты, занимающие различное положение в многодетной семье (старшие дети, средние и младшие дети). Исследование проводилось в казахских семьях, имевших не менее двух детей. Изучались особенности восприятия индивидом членом его родительской семьи и своего собственного положения в структуре этой семьи.

Гипотеза исследования – положение детей в структуре семьи (старший, средний, младший ребенок) влияет на формирование и восприятие ими психологического пространства родительской семьи.

Методы

Методологическую базу исследования составили положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, представления о деятельности и личности, разработанные в отечественной и зарубежной психологии. Методы были отобраны на основании предварительных психологических исследований испытуемых, различающихся порядком рождения.

Для выявления личностных характеристик детей в зависимости от положения в семье (старший, средний, младший) и их влияния на ориентировку личности нами были использованы следующие варианты методик:

1. Методика исследования личности, сконструированная на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда - В. Петренко (1997).
2. Методика выявления субъектных позиций испытуемых в ситуации конфликтного взаимодействия.
3. Модифицированный проективный метод «Символические задания на выявление социального «Я» (B.Long, R.Henderson, 1968).

Результаты

На основе полученных результатов и проведенной аналитической работы был получен следующий результат. Восприятие психологического пространства семьи старшими детьми, имеет специфические отличия, по сравнению с восприятием такового другими детьми, поскольку воспитание старшего ребенка, обусловлено функцией руководителя по отношению к младшим братьям и сестрам.

Формирование и восприятие психологического пространства семьи средним ребенком определяется его промежуточным положением между старшим и младшим ребенком.

Формирование и восприятие психологического пространства семьи младшим ребенком, определяется ролью ближайшего наследника и опекуна родителей. В развитии младшего ребенка, предполагается относительная идеализация им своей роли в семье.

Таким образом, восприятие казахами членом родительской семьи зависит от положения субъекта в структуре этой семьи. Это выражается в склонности восприятия своих позиций: старшими детьми - близко к позиции родителей, средними детьми - близко к позиции старших братьев (сестер), младшими детьми - близко к идеальным образам.

При этом все дети в казахской семье, независимо от положения, чаще принимают во взаимодействии позицию субъекта-исполнителя. Склонность занимать субъектные позиции не зависит от положения личности в казахской родительской семье.

И, наконец, самооценка личности зависит от положения ребенка в казахской семье. Старшие дети имеют более высокую самооценку, по сравнению со средними и младшими детьми. Младшие дети - более низкую самооценку, по сравнению со старшими и средними детьми

Литература

1. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. С. 153-165.
2. Давлетова А. Д. «Ориентировка личности в психологическом пространстве родительской семьи (на материале исследования казахской семьи)». Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Москва, 2003 год.
3. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1987. 207 с.

Особенности развития Я-концепции подростков, воспитывающихся в интернате

Суворова Елизавета Николаевна

студентка

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия

E-mail: suvorovaliza_85@mail.ru

Введение

Одной из острейших социально-экономических и психолого-педагогических проблем в Белоруссии, как и на всем постсоветском пространстве, является проблема социального сиротства – явления, при котором дети остаются без родительской опеки при живых родителях. В последние годы общество и государство уделяет этой проблеме самое пристальное внимание, так как ежегодно выявляется около 5 тысяч детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В интернатных учреждениях 90 % детей – социальные сироты, значительный процент из них – дети подросткового возраста.

Подростковый возраст – это самый трудный и самый сложный из всех детских возрастов, представляющий собой период становления личности. Наиболее важным отличительным признаком этого периода являются фундаментальные изменения, происходящие в сфере Я-концепции подростка, которые имеют кардинальное значение для всего последующего развития и становления подростка как личности.

Развитие личности ребенка в условиях детского дома или интерната оставляет сильный отпечаток на его эмоциональном, интеллектуальном развитии. Я-концепция подростков, воспитывающихся в интернате, также имеет отличия от Я-концепции подростков, воспитывающихся в семье. Все вышеперечисленное обуславливает актуальность и практическую значимость исследования.

Методы

В зарубежных и отечественных научных работах, посвященных проблеме Я-концепции, чаще всего используются следующие категории методик: стандартизированные и нестандартные самоотчеты в форме описаний и самоописаний, идеографические методики типа репертуарных решеток, проективные техники, тестовые методики

С целью изучения особенностей развития Я-концепции подростков нами были использованы: методика «Шкала «Я-концепции» для детей» Е. Пирса, д. Харриса и методика «Q-сортировка В. Стефенсона

Выборка испытуемых составляет 64 подростка, воспитывающихся в школе-интернате и воспитывающихся в семье. Экспериментальную группу составили 32 подростка, воспитывающихся в школе – интернате. Контрольную группу составили 32 подростка, воспитывающиеся в семье. Исследование проводилось в период с 12 по 23 апреля 2007 года на базе школы-интерната № 3 г. Гомеля и СШ № 55 г. Гомеля. Для математической обработки использовалось угловое преобразование ϕ^* (Фишера)

Результаты

Таким образом, в ходе нашего исследования установлено, что Я-концепция воспитанников интерната не просто отстает, а имеет качественно иную форму:

- у подростков из интерната, в частности, складывается устойчивая заниженная самооценка, отсутствует чувство уверенности в себе, они в большей степени негативно оценивают ситуацию в школе, свою внешность, интеллектуальные способности, умение общаться;

- подростки из интерната чаще испытывают и переживают неуверенность в себе, в своей ценности для других, отчужденность, у них развиты многочисленные комплексы;

- наиболее яркие различия между подростками из школы и из интерната состоят в том, что если первые в целом оценивают себя положительно и считают, что окружающие тоже оценивают их достаточно высоко, то вторые в большинстве своем дают себе отрицательную оценку;

- у воспитанников интерната самоотношение носит более негативный характер. А у подростков из массовой школы отношение к себе, как правило, положительное;

- для подростков, воспитывающихся в интернате для поведенческого компонента Я-концепции характерна в большей степени зависимость, избегание борьбы и общительность, а для подростков, воспитывающихся в семье для поведенческого компонента Я-концепции характерна в большей степени независимость, принятие борьбы и общительность;

- в целом большинству подростков, воспитывающихся в интернате, в отличие от подростков, воспитывающихся в семье, характерны внутренние противоречия и конфликт между подструктурами Я-концепции.

Литература

1. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание [Текст] / Р. Бернс – М.: «Прогресс», 1986. - 420с.
2. Бурлачук, Л. Ф. Словарь – справочник по психодиагностике [Текст] / Л. Ф. Бурлачук. – СПб. : Питер, 2004. – 519с.
3. Весці БДПУ Серыя 1 [Текст] : научный и производ.- практ. Журн. – 2006, март. – Минск: Изд-во БДПУ, 2006
4. Коптева, С. И. Развитие самосознания личности посредством художественной перцепции [Текст] / С. И. Коптева. – Мн. : НЕССИ, 2002. – 187с.
5. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг. - СПб. : Питер, 2000. - 992 с. : ил. - (Серия "Мастера психологии")
6. Прихожан, А. М. Психология сиротства [Текст] / А. М. Прихожан, Н.Н. Толстых. - 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 400 с. : ил – (серия «Детскому психологу»).
7. Столин, В. В. Самосознание личности [Текст] / В. В. Столин. - М, 1983. – 273с.
8. Фельдштейн, Д. И. Психология развития личности в онтогенезе [Текст] / Д. И. Фельдштейн. – М. : Педагогика, 1989. – 208с.
9. Фурманов, И. А. Психологические особенности детей, лишенных родительского попечительства [Текст] / И. А. Фурманов, А. А. Аладьин, Н. В. Фурманова. – Мн, 1998. – 197с.

10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344с.

Возрастная динамика временных ориентаций личности

Сырцова Анна

молодой ученый

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: anna.sircova@gmail.com

Психологическое время личности меняется с течением времени жизни. Мы предприняли попытку изучить это с точки зрения возрастной динамики временной перспективы личности. Целью исследования было изучить половозрастную специфику временной перспективы личности, а также изучение конструкта сбалансированной временной перспективы личности.

Выборка составила 388 человек в возрасте от 14 лет до 88 лет ($M_{\text{возраст}}=35,86$; $SD=18,41$), 116 мужчин ($M_{\text{возраст}}=38,75$; $SD=19,13$) и 272 женщины ($M_{\text{возраст}}=34,63$; $SD=19,99$), т.е. 69,8% женщин и 29,9% мужчин. Для дальнейшего анализа выборка была поделена на следующие группы: до 20 лет ($n=102$), 21-29 лет ($n=92$), 30-39 лет ($n=48$), 40-49 лет ($n=53$), 50-59 лет ($n=35$), 60-69 лет ($n=25$), от 70 лет и старше ($n=32$).

В исследовании приняли участие испытуемые из городов: Москва ($n=187$), Московская область: ($n=29$), Санкт-Петербург ($n=64$), Тверь ($n=13$), Калуга и Калужская область: ($n=41$), Саратов ($n=35$), Владимир ($n=15$), другие региональные центры России ($n=4$). Данное исследование проводилось участниками семинара по вопросам временной перспективы и качества жизни в рамках исследовательского проекта Молодежной секции РПО "Российская ассоциация студентов-психологов".

Испытуемым предлагалось заполнить следующие адаптированные русскоязычные версии методик (перечислены в порядке их предъявления): 1) Методика Ф.Зимбардо по временной перспективе, 2) Шкалы психологического благополучия К.Рифф, 3) Тест жизнестойкости С.Мадди, 4) Опросник толерантности к неопределенности Д.Маклейна, 5) Шкала субъективного благополучия Э.Ройсамб, 6) Шкала удовлетворенности жизнью Э.Динера, 7) Методика экспресс-диагностики ситуативной самоактуализации личности Т.Д.Дубовицкой.

В нашем исследовании было показано, что подростковый возраст и юность – это периоды, когда настоящее в своем гедонистическом аспекте гораздо более значимо, чем в других возрастах. У подростка доминирует ориентация на получение удовольствия в текущем моменте, его не сильно заботят последствия своих действий и поступков. Они импульсивны, живут сегодняшним днем, порой не способны отложить получение удовольствия и удержаться от соблазнов, поэтому входят в группу риска (употребление психоактивных веществ, алкоголя, курение, опасное сексуальное поведение и др.). Типичной чертой юности является «ролевой мораторий»: диапазон выполняемых ролей расширяется, но эти роли не усваиваются всерьез и окончательно, их как бы пробуют, примеряют к себе, стремясь попробовать как можно больше.

К концу периода ранней взрослости ведущая роль гедонистического настоящего сменяется высоким уровнем представленности в сознании мыслей о своем будущем, о предстоящем выборе профессии и т.д. Приобретаются навыки организации своего времени и постановки целей, а также возрастает значимость достижения поставленных целей. Двадцатилетние обычно имеют дело с выбором супруга и карьеры, намечают жизненные цели и начинают их осуществление.

Средний возраст – это время начала физического спада, осознания этого спада, а также время «напоминаний» из социального окружения индивида о том, что он стареет. Это и время увеличения уверенности, доминантности, ответственности, устойчивости идентичности и генеративности. Это период многочисленных ролей, их смены и координации, а также способности балансировать и координировать конкурирующие потребности. В этот период многие переоценивают свои прежние выборы: супруга, карьеры, жизненных целей; иногда дело доходит до развода и смены профессии. Во временной перспективе индивида мы наблюдаем высокую представленность ориентации на будущее и позитивное прошлое, умеренно высокую выраженность гедонистического настоящего, продолжающую снижаться. У женщин в этот период наблюдается рост представленности ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Это период соотношения возможностей и ограничений. С одной стороны происходит упрочение карьеры: индивид сосредотачивается на учебе, укреплении своего профессионального статуса и обеспечении своей семьи. С другой – приходит осознание того, что время уходит, что оно ограничено и конечно. Люди, достигшие среднего возраста, имеют тенденцию реструктурировать свою жизнь «в терминах, сколько времени осталось еще жить».

В период от 40 до 60 лет при снижении физической активности индивида, опыт и знания своих возможностей позволяют преуспеть в жизни. Люди в этот период способны принимать решения с легкостью и уверенностью в своих силах, поэтому их часто называют «поколением руководителей». Мы полагаем, что сильная выраженность ориентации на будущее в этот период (особенно в возрастной группе от 50 до 59 лет) связана с выходом на пенсию и ожиданиями, что «сейчас-то как раз жизнь и начнется». Рост ориентации на будущее у женщин в этот период также сопровождается спадом представленности ориентации на фаталистическое настоящее. Мы предполагаем, что ориентация на будущее выступает в роли защитного механизма – в заботах о своем будущем, о будущем своих детей и, возможно, внуков, тревоги о том, что времени осталось мало и ничего изменить в своей жизни нельзя, отступают на второй план. Появляется активное желание простроить свою жизнь заново и все силы направляются в это русло.

После 50-ти проблемы здоровья становятся более насущными, нарастает ощущение и осознание того, что «время уходит», что многие планы уже никогда не будут реализованы, а возможности кажутся упущенными навсегда, страх смерти – отчаяние по Э.Эриксону. Выход на пенсию, снижение доходов, смерть супруга – все эти и другие события этого возраста отражаются в повышении фаталистической оценке своего настоящего (для женщин немаловажный фактор – это убывание привлекательности), вера в свои силы уступает место безнадежности и бессилию перед «безрадостным настоящим».

Семейная жизнь и семейные традиции, успехи детей, частое общение с ними и внуками, установление прочных связей со своей возрастной группой – являются источником постоянного удовлетворения. Это отражается в высокой представленности в сознании пожилых людей (от 70 и старше) позитивных мыслей о своем прошлом, что способствует развитию чувства личностной целостности (по Эриксону) и непрерывности во времени. На этом основывается и более богатая ВП будущего – будущее представлено в контексте своих достижений в профессиональной сфере, мыслями о детях и внуках, в которых пожилые видят продолжение себя, а также теми делами, которые необходимо успеть сделать или завершить.

Конструкт сбалансированной временной перспективы (СВП) в наибольшей степени связан (по результатам корреляционного анализа) со шкалами цель в жизни (К.Рифф), жизнестойкость (С.Мадии), удовлетворенность жизнью (Э.Динер). СВП характеризуется наличием жизненных целей, чувством осмысленности существования,

ощущением ценности того, что было в прошлом, происходит в настоящем, и будет происходить в будущем. Такие люди считают, что наилучший способ найти интересное и ценное для себя – это активное участие во всем, что происходит. Путем борьбы они обычно могут влиять на последствия происходящих вокруг них событий. Считают, что наибольшее удовлетворение достигают, становясь мудрее, учаь на собственном опыте, как позитивном, так и негативном. Для таких людей характерны позитивные эмоциональные состояния: счастье, удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие, переживание потока, надежда, оптимизм и др.

Личностные характеристики родителей и особенности их отношения к сиблингам

Уфимцева Елена Александровна

студентка

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: wamp-uf@yandex.ru

Введение

В формировании личности ребенка на протяжении длительного времени одну из определяющих ролей играет семья, однако на каждом возрастном этапе ее роль и значение меняются и имеют свои характерные особенности. Специфика взаимоотношений в системе «семья - ребенок» обусловлена задачами и актуальными потребностями каждого возраста. Семья является разновозрастной группой, в которой приобретает опыт общения и взаимодействия с людьми разных поколений и разного пола. Влияние семьи на ребенка охватывает все стороны его личности, продолжается практически непрерывно и ощущается даже тогда, когда ребенок находится за пределами дома.

Характер складывающихся отношений и степень их воздействия на ребенка зависит от множества факторов. Это, во-первых, сложившиеся индивидуальные личностные особенности самого ребенка, представляющее собой результат сложного взаимодействия генетических и средовых факторов (Егорова М.С. 2004). Во-вторых, семейные факторы, в частности, психологическая атмосфера в семье в целом, включающая эмоциональные, ролевые, коммуникативные аспекты взаимоотношений, а также психосоциальные качества родителей, стиль семейного воспитания, характер взаимоотношений с сиблингами и многое другое (Смирнова Е.О., Быкова М.В., 2000). В-третьих, нельзя не учитывать и собственную активность ребенка. Ребенок сам способен осмысливать свою семью и себе в ней, определять свое поведение, отношение к семье и самому себе. Социальный опыт, получаемый в семье, активно перерабатывается, становясь источником индивидуализации личности ребенка (Реан А.А., Коломинский Я.Л., 1999).

Личностные особенности матери связаны с особенностями их отношения к детям в значительно большей степени, чем личностные особенности отцов. Э.Фромм выделил качественное различие между материнским и отцовским отношением к ребенку по признакам условность – безусловность и контролируемость – неконтролируемость. Материнская любовь безусловна, дана от рождения и неподвластна со стороны ребенка, ее невозможно завоевать. Отцовская любовь обусловлена тем, оправдывает ли ребенок ожидания отца; эта любовь управляема, ее можно заслужить, добиться собственной активностью (Фромм Э., 1998).

Для того, чтобы успешно справиться с воспитательными заботами, родитель должен обладать определенными личностными качествами (умение регулировать свое эмоциональное состояние, иметь терпение, уметь преодолевать состояние фрустрации)

(Захаров, 1988). Патологическая заостренность черт характера родителей порождает специфические особенности родительского отношения к ребенку.

Данная работа поднимает вопрос о роли средового фактора, а именно семейной среды в формировании индивидуальности ребенка, и в частности, расширяет представления о том, какую среду формируют родители для сиблингов.

Методы

В исследовании приняло участие 30 семей. Участвовали полные семьи с двумя детьми, проживающими совместно. Возрастные границы для детей: младший от 8 до 12, старший от 13 до 17 лет. Используемые методики: Личностный опросник ЕРІ (Айзенк Г., вариант Русалова В.М.), опросник уровня субъективного контроля (Эткин, Бажин, Голынкина), опросник детско-родительских отношений (Марковская И.М.), позволяющий выявить 10 особенностей родительского отношения: нетребовательность-требовательность, мягкость-строгость, степень автономности или контроля по отношению к ребенку, эмоциональная дистанция близость родителя с ребенком, отвержение-принятие ребенка, отсутствие или наличие сотрудничества, несогласие-согласие между ребенком и родителем, непоследовательность-последовательность родителей в воспитательной политике и удовлетворенность отношениями ребенка с родителями.

Результаты

Существуют различия в родительских отношениях как по отношению к старшему, так и к младшему ребенку, которые проявляются в том, что старший ребенок получает больше самостоятельности и испытывает меньше родительского контроля, особенно в отношениях с матерью. Для него родители в большей степени являются авторитетом. Последнее более характерно для отношений старший ребенок-отец. Возможно, это объясняется тем, что старший ребенок в большей степени способен к осознанию и оценке личностных качеств родителей, поэтому для него родители являются референтными лицами.

Специфика материнского и отцовского отношения проявляется в том, что матери более эмоционально близки и направлены на сотрудничество по сравнению с отцами, что характеризует большую включенность матери во взаимодействие с детьми.

Взаимосвязь родительских личностных черт и отношения к детям проявляется в следующем. Экстравертированность матери в большей степени связана с эмоционально близкими отношениями как к старшему, так и к младшему ребенку, в отличие от отца. Значимым личностным свойством для обоих родителей является нейротизм, связанный с разными параметрами отношений к сиблингам. Однако, тенденция такова, что чем более эмоционально неустойчивы родители, тем больше проявляется негативный полюс отношений: непоследовательность, отвержение, эмоциональная дистанция. Особенности интернальности родителей также связаны с их отношением к детям и особый интерес представляет интернальность в семейных отношениях. В целом, как матери, так и отцы, принимающие на себя ответственность за события в семье, проявляют более позитивное отношение к обоим детям: последовательны в воспитании, более мягки и являются авторитетом для детей.

Литература

1. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д., (2004) Генотип. Среда. Развитие: Монография – М.: ОГИ.
2. Жугина Т.Н. (1996) Восприятие детьми 6-7 лет стиля материнского отношения: дипломная работа. Орел
3. Какан В.И. (1992) Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание//Вопросы психологии, №1,2.
4. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. (1990) Дети без семьи. М.

5. Реан А.А., Коломинский Я.Л. (2000) Социально педагогическая психология. СПб.
6. Смирнова Е.О., Быкова М.В. (2000) Опыт исследования структуры и динамики родительских отношений//Вопросы психологии №3.
7. Эйдемиллер Э.Г. (2000) Психология и психотерапия семьи. СПб.

Разработка методики диагностики отношения личности к собственному выбору⁷

Фам Анна Хунговна⁸

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anna.fam@gmail.com

Введение

Исследование динамики разворачивания, видов и механизмов выбора, а также изучение его личностных предпосылок имеет важное научное и прикладное значение и на сегодняшний день далеко выходит за пределы собственно психологического рассмотрения, становясь предметом междисциплинарных исследований (напр., Наумова, 1983, 2006). Задачей всесторонней разработки этой проблемы является улучшение качества и повышение осознанности выбора человеком. Тем не менее, несмотря на востребованность теоретических и эмпирических разработок в данной области, на сегодняшний день можно констатировать как отсутствие единой терминологии и несформированность общего проблемного поля психологических исследований выбора (Мандрикова, 2006, с. 3), так и недостаточную систематизированность методов и методик исследования и улучшения качества выбора личности, что делает углубленное изучение этого многопланового и сложного феномена насущным и своевременным.

Цели и схема исследования

Целью нашей работы стало создание универсального методического инструмента, предназначенного для диагностики процесса выбора и субъективной оценки разноплановых и разноуровневых выборов, совершаемых человеком, а также выделение инвариантной факторной структуры отношения личности к процессу взвешивания альтернатив и принятому решению, не зависящей от самой ситуации выбора.

При разработке методики мы исходили из представления о выборе как о процессе, внутренней деятельности, обладающей индивидуальными различиями и поддающейся структурному анализу, обучению и коррекции.

Исследовательская методика «Субъективное качество выбора» (СКВ) построена по образцу классического семантического дифференциала Ч. Осгуда (7-балльная шкала оценки) и состоит из двух частей: определенного набора пар словосочетаний – дихотомий, описывающих процесс выбора («Я сделал этот выбор...» - I часть опросника) и его результат («Принятое мной решение...» - II часть опросника, соответственно).

В целях выделения инвариантных параметров СКВ исследование проводилось на разнородных выборках в течение нескольких лет.

1. Исходная версия опросника (Леонтьев, Мандрикова, 2004-2005) состояла из 30 пар словосочетаний (I часть - 20 п., II часть - 10 п.), она использовалась для оценки выбора темы курсовой работы студентами физического и психологического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (159 человек).

⁷ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 06-06-00449а.

⁸ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Леонтьеву Д.А. за помощь в подготовке тезисов.

2. Далее СКВ был дополнен до 97 шкал (37+60) и предложен для заполнения выборке из 100 человек (разного пола, возраста, социального положения и уровня образования) с инструкцией: «Подумайте о выборе, сделанном Вами недавно» (Фам, Мандрикова, 2006).

3. Сокращенный вариант опросника (22+28) – после факторизации полученных результатов (метод главных компонент, вращение Varimax) с целью исключения неработающих шкал – был использован в следующих 3 сериях исследований:

а) исследование отношения к своему выбору на материале выборов в Московскую Городскую Думу (Леонтьев, Фам, 2005); выборка: 124 студента 2 курса Московского института экономики, менеджмента и права;

б) исследование субъективного качества выбора брачного партнера (Удальцова, Леонтьев, 2007); выборка: 56 человек (в день подачи заявления о регистрации брака в ЗАГС);

в) оценка выбора ВУЗа для поступления (в рамках комплексного исследования личностного потенциала, проведенного на 112 абитуриентах факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова) (Гордеева, Леонтьев, Осин, 2007).

В результате обработки полученных данных были выявлены различные факторные структуры, размерность которых варьировала от 3 до 7 факторов для I части опросника и от 1 до 5 факторов для II части).

Результаты

Качественный анализ полученных факторных структур позволил выделить 3 инвариантных параметра описания субъективного качества процесса выбора (доля объясняемой фактором дисперсии находится в пределах 45-55%) и 1 параметр описания субъективного качества его результата (объяснение 37-40% дисперсии). Каждый из факторов краткой четырехмерной версии СКВ содержит 4 шкалы. Содержательно факторы интерпретируются следующим образом:

1) Основательность выбора (обдуманый, добросовестный, ответственный выбор, выбор как деятельность – спонтанный выбор, выбор как реакция);

2) Эмоциональный знак выбора (эмоционально положительное отношение к выбору – амбивалентное отношение к выбору);

3) Самостоятельность выбора (автономный выбор – вынужденный выбор);

4) Удовлетворенность выбором (принятие сделанного выбора – сомнение в выборе).

Анализ корреляций факторов, проведенный для всех проанализированных выборок (корреляция Пирсона, двусторонний тест значимости), показал тесную связь процессуальных характеристик выбора с удовлетворенностью принятым решением.

Выводы

Исследование надежности, валидности и универсальной репрезентативности получившейся краткой 16-шкальной версии СКВ является задачей дальнейшей работы.

Но, на наш взгляд, уже сейчас можно утверждать, что ее использование в сочетании с другими методическими средствами открывает возможности для более дифференцированного исследования индивидуальных стратегий совершения выбора, личностных детерминант, влияющих на определенное отношение к выбору, а также позволяет проследить отношение личности к собственному выбору в динамике.

Литература

1. Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник МГУ. – Сер. 14. – Психология. – 2005. - №4. – С. 37 - 42

2. Мандрикова Е. Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Под рук. Леонтьева Д. А. М.: МГУ. – 2006. – 24 с.
3. Наумова Н. Ф. Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. – 1983. – М.: – Наука. – С. 197.
4. Наумова Н. Ф. Философия и социология личности. – М.: Канон +, РООИ Реабилитация, 2006. – 576 с.

Изменение взаимосвязей полоролевых и психологических особенностей личности в процессе половой социализации

Филатова-Сафронова Маргарита Александровна

молодой ученый

Институт экономики, управления и права, Казань, Россия

E-mail: fsm07@mail.ru

Половая социализация рассматривается как процесс формирования сознания половой идентичности, благодаря которому человек включается в существующую в данном обществе систему половой дифференциации. Это активное усвоение личностью стандартов психосексуальной культуры по мере вхождения в социальные отношения.

Одной из составляющих половой социализации является развитие либидо, проходящее три стадии: платоническую, эротическую и сексуальную. На платонической стадии развития либидо (как правило, у детей 7—10 лет) формируется стереотип полоролевого поведения. Прохождение через эротическую стадию подростками 14—16 лет способствует формированию у них психосексуальных ориентаций. И к моменту, когда молодой человек в течение как минимум одного года живет стабильной половой жизнью, можно констатировать его переход на сексуальную стадию развития либидо.

Традиционно для патриархальных сообществ половая социализация исходила из типа соответствия полоролевых образцов половой принадлежности ребенка, т.е. мальчикам соответствовала маскулинная модель, девочкам - фемининная. Типично мужскими чертами считались такие, как независимость, напористость, доминантность, агрессивность, склонность к риску, самостоятельность, уверенность в себе. Типично женскими - уступчивость, мягкость, чувствительность, застенчивость, нежность, сердечность, способность к сочувствию, сопереживанию. Полоролевое развитие в современной России, как отмечают многие исследователи, имеет тенденцию к инверсионному типу. В качестве причин называются последствия сексуальной революции, амбивалентность информационной среды, кризис традиционной семьи и, в том числе, кризис о представлении гендерной роли.

Игнорирование специфических психологических особенностей личности как представителя определенного пола во взаимосвязи с его полоролевыми установками неправомерно - сформированные на основе определенного уровня развития личности половые особенности в свою очередь оказывают существенное влияние на ее дальнейшее развитие, во многом определяя содержание и структуру мотивационно-потребностной сферы, нравственных установок, самосознания. Исходя из этого, дальнейшее изучение изменений взаимосвязей полоролевых и психологических особенностей личности в процессе половой социализации актуально и своевременно.

В исследовании (Филатова – Сафронова М.А., Хаматханова Г.Р., 2007) приняли участие 120 человек: 40 мальчиков и девочек (находящихся на платонической стадии), 40 человек подросткового возраста (эротическая стадия), и 40 человек юношеского возраста (сексуальная стадия). В качестве основного эмпирического инструментария

были выбраны методики С. Бем «Маскулинность – Фемининность», 16 – факторный опросник Р. Кеттелла (сокращенный вариант, 105 вопросов), многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (детский вариант). Всего проанализировано 18 показателей. Кроме общего сравнительного анализа, которому подвергались шесть групп, выяснялась структурная организация исследуемых показателей в зависимости от половой принадлежности и стадии развития либидо испытуемых. Достоверность полученных в сравнении различий оценивалась с помощью t – критерия Studenta; характер взаимосвязи показателей определялся путем использования рангового коэффициента корреляции Спирмена.

Анализ и интерпретация эмпирического материала осуществлялась в три этапа.

В первую очередь анализу подвергались средние значения и процентное соотношение результатов диагностики во всех группах. Оказалось, что установка на полоролевое поведение девочек, девочек - подростков и девушек в большинстве случаев соответствует их половой принадлежности, причем отмечена тенденция к возрастанию показателя «фемининность» к сексуальной стадии развития либидо (60%, 80% и 90% соответственно). Это может свидетельствовать о развитии женского самосознания, формировании позитивного образа «женского» у современных девушек. У респондентов мужского пола распределение показателя «маскулинность» по стадиям развития либидо несколько иное – 60%, 70%, 60% (для мальчиков, подростков, юношей соответственно). В данном случае можно предполагать, что образ «мужского» несколько размыт и «разбавлен» характеристиками андрогинности.

На втором этапе проводился сравнительный анализ количественных данных полоролевых и психологических свойств личности в группах девочек, девочек – подростков, девушек и мальчиков, подростков, юношей. Достоверные различия полоролевых и психологических особенностей личности в процессе половой социализации обнаружены не были. Подобный факт свидетельствует об устойчивости психологической составляющей психической индивидуальности испытуемых, ее способности быть стабильной.

Третий этап был посвящен выяснению взаимосвязей полоролевых и психологических свойств личности и их изменений на разных этапах развития либидо.

Корреляционные структуры исследуемых выборок заметно не различались количеством взаимосвязей исследуемых показателей. Однако характер взаимосвязей в каждой группе в зависимости от стадии развития либидо менялся. Неизменным для всех выборок оставался только один из системообразующих элементов – показатель «фемининность – маскулинность».

Рассмотрение отдельных взаимосвязей показателей в каждой выборке позволило обнаружить их изменения и соответствие традиционным представлениям о «мужском» и «женском». Например, мальчиков на платонической стадии можно охарактеризовать, как открытых, общительных, естественных, готовых к сотрудничеству, легко приспособляемых, эмоционально устойчивых, застенчивых, неуверенных в своих силах. Это несколько противоречит стереотипу мужских качеств личности. Подростки на эротической стадии сдержаны, доминантны, способны руководить; их качества более подходят традиционному пониманию «мужского» образа. Для юношей, находящихся на сексуальной стадии развития либидо, наряду с такими качествами, как общительность, готовность к сотрудничеству, раздражительность, характерны также открытость, подверженность чувствам, эмоциональная неустойчивость, что не свойственно стереотипному пониманию качеств личности мужчины.

В группах респондентов женского пола выявленные взаимосвязи свидетельствуют о том, что девочки на платонической стадии подчиняемы, робкие, мягкие, что свойственно женскому полоролевому стереотипу. Но в то же время они эмоционально устойчивы, сдержанны, способны реально оценить обстановку. На эротической стадии к

перечисленным нехарактерным свойствам добавляются критичность, склонность к экспериментам, недоверие к авторитетам. На сексуальной стадии соответствие качеств девушек идеальному женскому образу корректируется за счет проявления доверчивости, дипломатичности и ориентированности на социальное одобрение.

Полученные результаты говорят о том, что современные девушки в большей степени, чем юноши соответствуют полоролевым образцам своей половой принадлежности. При этом девушки используют как истинно женские, так и скорректированные мужские качества, что может свидетельствовать о формировании своеобразной «женской маскулинности» (Шарай Т.П., 2005). У представителей мужской выборки изменения взаимосвязей полоролевых и психологических особенностей личности в процессе половой социализации носят инверсионный характер, обеспечивающий им меньший полоролевой потенциал.

Специфика полоролевых отношений в юношеском возрасте

Филиппова Светлана Анатольевна

молодой ученый

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: wega-04@mail.ru

Юность является периодом завершения физического созревания и формирования первичной социализации личности. В юности расширяются временные представления, включая будущее, личные и социальные перспективы. Мировоззренческий поиск в юношеском возрасте обуславливает социальную ориентацию личности, способствует осознанию себя частицей, элементом социальной общности, выбору своего будущего социального положения и способов его достижения. Становление социальной зрелости предполагает формирование полоролевых отношений, как основы взаимодействия между мужчиной и женщиной в общественных и семейных отношениях.

В рамках нашего исследования, имевшего целью изучение особенностей гендерной идентичности современных юношей и девушек на разных возрастных этапах юности, нами было проведено обследование 296-ти студентов средних специальных и высших учебных заведений Тулы и Тульской области в возрасте 16-19-ти и 20-22-х лет. Критерий полоролевых отношений оценивался по следующим показателям:

- «Гендерная установка», характеризующая видение характера отношений между мужчиной и женщиной как: эмоционально-позитивные (сотрудничество, опора, притяжение), нейтральные (независимость, индифферентность), негативные (изоляция, агрессия);

- «Гендерный аттитюд», определяющий специфику отношения личности к противоположному полу: эмоционально-позитивное (Сверхценный объект, Романтический объект, Сексуальный объект), нейтральное (Функциональный объект, Непонятный объект, Малоценный объект), негативное (Осуждаемый объект, Отвергаемый объект, Угрожающий объект) [1];

- «Гендерная схема» – представление о способах ролевого взаимодействия между мужчинами и женщинами в общественных, семейных отношениях посредством определения схемы мироотношения: патриархатной, эгалитарной или неустойчивой [2].

Результаты исследования показали, что в сфере гендерных установок как юноши, так и девушки проявляют высокий уровень независимости от партнера. В целом, в первой возрастной группе большая часть юношей и девушек ориентированы на «независимость», значительная часть ориентирована на «индифферентность» и «опору» по отношению к партнеру. Незначительная часть юношей и девушек ориентированы на установки «изоляция», «притяжение» и «агрессия». Установка на «сотрудничество» с

партнером в обследованной выборке не представлена. Следует заметить, что девушки по сравнению с юношами достоверно более ориентированы на «независимость» и в меньшей степени на «индифферентность» по отношению к противоположному полу.

Выявленные тенденции, в целом, характерны для юношей и девушек второй возрастной группы. Однако, у более старших студентов снижается стремление к независимости (в большей мере у девушек). У юношей усиливается индифферентное отношение, а у девушек – стремление найти в партнере опору.

Высокая выраженность в выборке показателей независимости и индифферентности по отношению к противоположному полу скорее всего связано с характерным для юношеского возраста стремлением к самостоятельности и независимости.

Преобладающими гендерными аттитюдами юношей и девушек первой возрастной группы являются: «непонятный объект», «романтический объект» и «малоценный объект». Значительно меньшими показателями представлен аттитюд «сексуальный объект». В группе юношей единичными показателями представлены аттитюды: «осуждаемый объект», «функциональный объект», «сверхценный объект» и «отвергаемый объект»; в группе девушек эти аттитюды отсутствуют. Аттитюд «угрожающий объект» в группах юношей и девушек не представлен. По данному показателю у юношей по сравнению с девушками достоверно менее выражен аттитюд «романтический объект» и более выражен – «малоценный объект». Юноши и девушки более старшего возраста демонстрируют практически идентичные показатели гендерных аттитюдов. В целом, гендерные аттитюды юношей по отношению к лицам противоположного пола, в целом, могут быть охарактеризованы как нейтральные. При этом, большинство юношей недостаточно понимают девушек, или снижают их ценность для себя. Для меньшего числа юношей характерно эмоционально-положительное отношение к девушкам. Негативные гендерные аттитюды выявлены у незначительной части юношей. В свою очередь, значительная часть девушек демонстрирует по отношению к лицам противоположного пола эмоционально-положительное и нейтральное отношение. Эмоционально-негативные аттитюды по отношению к юношам у девушек не выявлены.

Представления о способах ролевого взаимодействия между мужчинами и женщинами в общественных и семейных отношениях практически идентичны в обеих возрастных группах. Результаты исследования показывают, что юношам и девушкам свойственна неустойчивость гендерной схемы: у большинства студентов выявлено отсутствие гендерных схем, характеризующих наличие традиционного, патриархального сознания, при этом выраженность эгалитарных установок, ориентированных на свободу и личное мнение, также очень низкая.

Несформированность представлений о способах ролевого поведения в межличностном общении может быть связана с отсутствием у юношей и девушек устойчивого опыта ролевого взаимодействия, характерного для более старшего возраста. В ряде случаев (в неполных семьях) причиной несформированности ролевых представлений ребенка может являться выполнение одним из родителей функций и отца, и матери.

Полученные нами экспериментальные данные свидетельствуют о гендерных различиях и возрастной динамике по ряду показателей гендерной идентичности на разных этапах юношеского возраста.

В рамках нашего исследования было обнаружено, что сфера полоролевых отношений обследованных нами юношей и девушек характеризуется в большей степени нейтральностью гендерных установок и аттитюдов, несформированностью гендерных схем. Студенты демонстрируют стремление к независимости от партнера, несколько снижающееся с возрастом, проявляют нейтральность отношения к противоположному полу.

Выявленные тенденции показывают, что возрастной этап юности, состоящий из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификаций и самоопределений, сопровождается (по Э.Эриксону) уходом от психологической интимности, избеганием тесных межличностных отношений. В ходе становления личностной идентичности, протекающей в юношеском возрасте, юношеское «Я» еще не определено, расплывчато, диффузно, оно нередко переживается как смутное беспокойство или ощущение внутренней пустоты, которую чем-то необходимо заполнить. Отсюда растет потребность в общении и одновременно повышается избирательность общения, потребность в уединении.

Литература

1. Романова Н.М. Тест «Рисунок мужчины и женщины»// Журнал прикладной психологии. – 2004. №3. – С. 38-44.
2. Сикевич З.В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб: Питер, 2005. – 320 с.

Межполовые различия проявления внутриличностного ролевого конфликта

Харисова Гульшат Фиразовна

Студентка

*Татарский государственный гуманитарно – педагогический университет, Казань,
Россия*

E-mail: gulshatik@inbox.ru

Внутриличностный ролевой конфликт проявляется во всех сферах жизнедеятельности личности, и способность разрешать такого рода конфликты являются необходимым условием гармоничного развития личности.

Исследование внутриличностного ролевого конфликта в зарубежной психологии имеет длительную историю и берет свое начало с 60–х годов XX века, когда появились исследования «ролевого конфликта работающей женщины» (A. Symonds, G. K. Varuch, R. C. Barnett, D. Nevill, S. Damico ets.). Впоследствии R.Kopelman, J. Greenhaus and T. Connolly (1983) и A. Christopher, Higgins, Linda E. Duxbery (1992) включили в исследования внутриличностного ролевого конфликта мужчину, показав, что муж работающей женщины, который и сам тоже работает (бикарьерные семьи), также испытывает внутриличностные проблемы. В отечественной психологии собственной теоретической базы по данной проблематике не существует, хотя можно ожидать, что специфика социально-экономических, политических условий может привести к иным вариантам проявления гендерного внутриличностного ролевого конфликта у мужчин и женщин. Для изучения данной проблемы также необходим соответствующий инструментарий, позволяющий выявлять особенности, механизмы и факторы протекания гендерного внутриличностного ролевого конфликта.

В связи с этим, нами была поставлена цель адаптировать американскую модель внутриличностного ролевого конфликта, предложенную R.Kopelman, J. Greenhaus and T. Connolly (1983) и модифицированную A. Christopher, Higgins & Linda E. Duxbery (1992), включая тест диагностики выраженности гендерного внутриличностного конфликта с позиций данной модели. Согласно исходной концепции, внутриличностный ролевой конфликт выявляется в нескольких аспектах: "в связи с работой", "в связи с семьей" "в связи со столкновением работы и семьи", и в аспектах удовлетворенности работой, семьей, жизнью в целом). Методика была переведена и проведено исследование по ее адаптации в соответствии с общими требованиями (Л.Ф. Бурлачук). С применением данной методики было проведено исследование с целью выявления особенностей

проявления внутриличностного конфликта у мужчин и женщин в связи с особенностями ценностных установок и гендерных характеристик личности.

Всего в исследовании принимало участие 100 респондентов, из них женатых мужчин - 74% (20 – 55 лет), замужних женщин - 27% (18 – 55 лет), относящихся к разным профессиям и принадлежащих к разным национальностям.

Гендерные характеристики определялись с помощью методики «Определение психологического пола (гендерного типа) личности» представляющей собой адаптированный и модифицированный вариант известной методики S.Vem – BSRI (1974) (О.Г. Лопухова, 2001). Ценностные установки определялись на основании списка жизненных целей и ценностей, относящиеся к маскулинному и феминному типу установок личности (Мдивани М.О., Лопухова О.Г.). К маскулинным относятся: «зарабатывать много денег», «иметь высокий социальный статус», «обеспечивать материальное благополучие семьи» и т.д., а к феминным – «сохранять крепкую, дружную семью», «чувствовать по отношению к себе любовь и заботу», «психологически участвовать в жизни своих детей, проводить с ними много времени» и т.д.

Результаты показали, что уровень проявления внутриличностного ролевого конфликта (противоречия семейных и профессиональных ролей), внутриличностного конфликта в связи с работой и конфликтность в сфере семьи имеет одинаковую степень выраженности как у мужчин, так и у женщин.

В выборке женщин установлена связь между уровнем выраженности внутриличностного ролевого конфликта (противоречия семейных и профессиональных ролей) и внутриличностного конфликта в связи с работой ($r = 0,5$; $p = 0,01$). Причем, уровень выраженности внутриличностного конфликта в связи с работой имеет прямую связь с установкой на цель «стать профессионалом (мастером своего дела)» ($r = 0,3$; $p = 0,05$) и обратную связь с важностью цели «выйти замуж» ($r = - 0,3$; $p = 0,05$), что легко объяснимо. Связи с гендерными характеристиками личности не обнаружено.

У мужчин, как и у женщин, установлена связь между уровнем выраженности внутриличностного ролевого конфликта (противоречия семейных и профессиональных ролей) и внутриличностного конфликта в связи с работой, но более сильная ($r = 0,76$; $p = 0,01$). В отличие от женщин, проявление внутриличностного ролевого конфликта у мужчин, имеет более разнообразные взаимосвязи с ценностными установками. Внутриличностный конфликт в связи с работой выражен меньше при преобладании установок на ценности: «быть полезным близким» ($r = - 0,67$; $p = 0,01$), «иметь высокий социальный статус» и «обеспечивать материальное благополучие семьи» ($r = -0,5$; $p = 0,05$). Установка «иметь высокий социальный статус» связана с большей конфликтностью в семье ($r = 0,44$; $p = 0,05$), но конфликтность в семье меньше при преобладании установки «дать детям хорошее образование и воспитание» ($r = -0,51$; $p = 0,05$). Конфликтность в связи с работой выше при преобладании установки на «психологически участвовать в жизни своих детей, проводить с ними много времени» ($r = 0,5$; $p = 0,05$), и важностью ценности «иметь детей» ($r = 0,44$; $p = 0,05$). Ценность «иметь детей» также связана с большей выраженностью внутриличностного ролевого конфликта (противоречия семейных и профессиональных ролей) ($r = 0,55$; $p = 0,05$).

Можно сделать выводы, что, у если по зарубежным данным. Внутриличностный ролевой конфликт характерен для работающей женщины [2], то по результатам нашего исследования ролевой внутриличностный конфликт наблюдается и у современных мужчин с бикарьерными семьями. Данный конфликт сопровождается как у женщин, так и у мужчин конфликтным отношением к работе. У женщин конфликтность по отношению к работе связывается с маскулинными целями в жизни, а у мужчин ролевой внутриличностный конфликт (в связи со столкновением семейных и профессиональных

ролей) проявляется при фемининном типе ценностных ориентаций (на семью, детей и взаимоотношения).

Литература

1. Christopher A. Higgins, Linda E. Duxbury. Work-Family Conflict: A Comparison of Dual-Career and Traditional-Career Men. *Journal of Organizational Behavior*, Vol. 13, No. 4. (Jul., 1992), pp. 389-411.
2. Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // *Вопросы психологии* № 4, 1998. С. 65- 70.
3. Лопухова О.Г. Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // *Прикладная психология* № 3, 2001. С.57-67.

Личностное переживание одиночества подростками

Худякова Инна Сергеевна

аспирантка

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

E-mail: lkhud@binm.bscnet.ru

Одиночество – одна из серьезнейших проблем человечества, которую по праву называют болезнью XXI века. Одиночество знакомо как женщинам, так и мужчинам и возникает независимо от возраста, образования и социального положения. Одиночество не зависит ни от чего и от всего одновременно. Кто-то очень сильно переживает отсутствие рядом по-настоящему близкого человека, кто-то не позволяет себе расслабляться и загружает свою жизнь делами, чтобы не допустить в сознание мысль о том, что он на самом деле одинок. Многие в веренице будней просто не замечают своего одиночества и не стремятся избавиться от него. Хотя есть еще одна категория людей: те, кто доволен своим одиночеством и не хочет от него избавляться. Но чаще всего эти люди просто-напросто бравировуют своим одиночеством, скрывая за этой бравадой элементарное неумение найти общий язык с окружающими людьми и способ сосуществования с близким человеком.

Одиночество – тяжелое психическое состояние, обычно сопровождающееся плохим настроением и тягостными эмоциональными переживаниями. Вся жизнь представляется бесконечной чередой пустых серых дней и одиноких бесцветных ночей. Одиночество связано с переживаем ситуаций, субъективно воспринимаемых как нежелательный, личностно неприемлемый для человека дефицит общения и положительных интимных отношений с окружающими людьми. Глубоко одинокие люди, как правило, очень несчастны. У них мало социальных контактов, их личные связи с другими людьми или ограничены, или вовсе разорваны [1].

Человек, испытывающий состояние одиночества, зачастую задает себе вопросы: почему я одинок, почему рядом нет близкого человека, что я делаю не так? Но не всегда находит основную причину своего состояния. Итак, что же есть в нас такого, что отталкивает других людей, делая нас одиноким. Это может быть: низкая самооценка; отсутствие умений правильно вести себя с людьми; недоверие к людям; неумение быть терпимым и терпеливым к другим людям; озлобление против всех на свете; не соответствие своего поведения установленным в данной группе правилам и нормам; боязнь быть неинтересным для других людей; страх быть отвергнутым; конфликтность; повышенная агрессивность; сосредоточенность на себе и своих ощущениях. И это далеко не весь перечень возможных личностных качеств, влияющих на формирование данного состояния у человека.

Цель работы состоит в теоретическом и экспериментальном изучении особенностей одиночества в структуре личности подростка.

Выборку составили подростки 10 класса средней общеобразовательной школы г. Улан-Удэ в количестве 30 человек.

Гипотеза: особенности одиночества могут выражаться как в качественной специфике отдельных переменных данного состояния, так и в их доминировании в структуре личности подростков.

Методики исследования: Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона; Личностный опросник А.Т. Джерсайлда, направленный на выявление стойких внутренних состояний личности, влияющих на отношение человека к миру и к себе.

В результате исследования было выявлено, что состояние одиночества в жизни подростка играет значительную роль. Так, по результатам методики Д. Рассела и М. Фергюсона, было выявлено, что высокая степень субъективного ощущения одиночества присутствует в структуре личности у 10% испытуемых, средняя – у 30% и низкая – у 60%. Состояние одиночества в разной степени присуще мальчикам и девочкам (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика проявления субъективного ощущения одиночества у мальчиков и девочек

	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Девочки	6,67%	16,67%	26,67%
Мальчики	3,35%	13,33%	33,33%

Как видно из данной таблицы, низкий уровень одиночества преимущественно диагностируется у мальчиков (33,3%), в то время как у девочек он составляет 26,7%. Высокий уровень одиночества характерен для девочек, в то время как у мальчиков он значительно меньше. Эти данные говорят о том, что девочки чаще оценивают свое эмоциональное состояние как состояние одиночества, чем мальчики.

Для того чтобы выяснить, какое же место занимает одиночество среди других проблемных зон подростков, был использован Личностный опросник Джерсайлда. По результатам исследования выявлено, что степень выраженности внутренних состояний личности не одинакова у мальчиков и девочек. Так, у мальчиков выше, чем у девочек, враждебный настрой; расхождение между реальным и идеальным Я; безнадежность; одиночество; чувство неприкаянности. У девочек же выше свобода выбора и ощущение бессмысленности своего существования. Свобода воли выражена в равной степени (44,6%) как у мальчиков, так и девочек.

Одиночество не занимает лидирующее положение относительно других проблемных зон подростка, но, так или иначе, присутствует в личности подростка. Одиночество не является наиболее острой проблемной зоной для большинства подростков, но для тех, кто испытывает одиночество (22,5%), это состояние переживается очень болезненно.

Степень выраженности одиночества у девочек составляет 19,64%, в то время как у мальчиков – 22,66%. Это свидетельствует о том, что у мальчиков одиночество более выражено, чем у девочек. Результаты данной методики несколько противоречат результатам, полученным с помощью методики диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона. Однако данный факт можно объяснить тем, что мальчикам свойственно скрывать свое эмоциональное состояние и, следовательно, оценивать его как более благоприятное. В результате уровень субъективного ощущения одиночества у них меньше, чем у девочек. Но, как показали

результаты методики Джерсайлда, одиночество в структуре личности мальчиков занимает большее место, чем в структуре личности девочек.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что состояние одиночества занимает значительное место в структуре личности подростков. Для многих из них одиночество является жизненной проблемой, которая оказывает негативное влияние на развитие личности, на отношение подростка к миру и самому себе.

Литература

Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Кн.1. 688 с.

Исследование социально-психологической адаптации как продуктивного проявления индивидуальности

*Чернышкова Елена Юрьевна*⁹

студентка

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: chudo74@yandex.ru; elena86@kursknet.ru

Жизнь человека невозможна без общения с людьми, без влияния социума. Формирование человеческой личности, становление «я-концепции» происходит при обязательном участии окружающих, как непосредственном (воздействие при воспитании, обучении), так и дистантном (свободное высказывание точек зрения, мнений в литературе). Это и выдвигает на первый план необходимость исследования социально-психологической адаптации (СПА) - процесса, приводящего к социально-психологической адаптированности – состоянию взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней эталонная группа, переживает состояния самоутверждения и свободного выражения своих творческих способностей (Налчаджян, 1988).

Социально-психологическую адаптацию можно назвать продуктивным проявлением индивидуальности, опираясь на взгляды А.Г. Асмолова (Асмолов, 1990). Подобный вывод основывается на ряде общих характеристик, лежащих в основе этих двух понятий. Речь идет об идеях активности личности в процессе СПА, наличии необходимости осуществлять выбор при адаптации между разными мотивами, отыскивать приемы и средства для овладения своим поведением, использовать различные средства для перестройки отклоняющихся от нормативно заданных эталонной группой линий поведения. В конечном счете, продуктом проявления социально-психологической адаптации является адаптированность как преобразование субъектом себя.

Придерживаясь концепции А.Г. Асмолова, рассмотрим внутренне ориентированную религиозность в рамках мотивационно-смысловых отношений индивидуальности. Г. Оллпортом предложены понятия «extrinsic» - внешне ориентированная - и «intrinsic» - внутренне ориентированная - религиозность. Ценности внешне ориентированной, Е-религиозности, инструментальны и выполняют какие-либо функции, то есть используемы. Внутренне ориентированная, I-религиозность, находит мотивацию в религии как таковой. Другие личностные потребности рассматриваются как подчинённые основной мотивации, приводятся с ней в гармонию или отвергаются.

⁹ Автор выражает признательность доценту, к.п.н. Сурьяниновой Т.И. за помощь в подготовке тезисов.

Можно сказать, что, если индивид первого типа использует свою религиозность, то личность второго типа живёт ей (Оллпорт, 1998).

На наш взгляд, внутренне ориентированная религиозность способствует изменению не только мировоззрения человека, но и системы его взаимоотношения с другими людьми. Если внутреннюю религиозность рассматривать как основное мотивационно-смысловое отношение личности, выражающее личностные смыслы в поведении, регулирующие поступки и деяния, то можно говорить о влиянии данного явления на социально-психологическую адаптацию как продуктивное проявление индивидуальности. Таким образом, проблема нашего исследования: оказывает ли влияние и в какой степени внутренне ориентированная религиозность на уровень социально-психологической адаптации.

За концептуальное основание исследования мы берем предположение о том, что внутренне ориентированная религиозность, через формирование интегрированной и устойчивой «я-концепции» (Налчаджян, 1988), диспозиционной терпимости (Реан, 2006), переживаний, адекватных ситуации (Андрюенко, 2000), способствует успешному протеканию социально-психологической адаптации и, как следствие, большему уровню адаптированности. Под диспозиционной терпимостью подразумевается предрасположенность, готовность к терпимой реакции личности на среду.

Таким образом, гипотеза нашего исследования: если у человека внутренне ориентированная религиозность, то у него высокий уровень социально-психологической адаптации. Цель исследования: показать, влияет ли внутренне ориентированная религиозность на уровень социально-психологической адаптации.

Способ регистрации переменных – опросные методики Г. Оллпорта, Д. Росса [4, С. 211], К. Роджерса, Р. Даймонда [5, С. 457-465], Д. Райгородского [5, С. 30-33]. В качестве дополнительных переменных выступает пол, возраст, наличие навыков общения, социальный статус, темперамент.

Исследование проводилось с 30.11.06. по 16.12.06. В нем приняли участие 52 человека. В экспериментальную группу вошло 18 студентов Духовной семинарии с внутренней религиозностью, в контрольную – 19 нерелигиозных студентов КГМУ.

Для обработки полученных данных использовался U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования показывают, что внутренне ориентированная религиозность не влияет на уровень адаптации, а также такие компоненты социально-психологической адаптации, как самоприятие, принятие других, эмоциональная комфортность, но формирует более высокий уровень интернальности, более низкий – стремления к доминированию, эскапизма (ухода от проблем).

Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась, что можно объяснить необходимостью соответствия при адаптации ожиданиям и требованиям эталонной группы, которые зачастую противоречат религиозным нормам. Личность с внутренней религиозностью в подобных ситуациях, имея возможности для достижения соответствия, сознательно от него отказывается. Требования эталонной группы для таких людей не приобретают личностный смысл, «значение-для-меня» (Асмолов, 1990). Опровержение гипотезы можно объяснить и тем, что уровень СПА во многом зависит от развития эмпатии, коммуникативных навыков, приобретаемых в ходе специального обучения, доступного и нерелигиозным лицам (контрольная группа неоднородна по показателям адаптации: самые высокие результаты по всей выборке у студентов факультета клинической психологии, самые низкие – у лечебного факультета).

Важной для понимания причин формирования высокого уровня социально-психологической адаптации, на наш взгляд, является полученная корреляционная связь с отрицательным направлением между адаптацией и такими темпераментальными характеристиками, как ригидность и эмоциональная возбудимость. Обращают на себя

внимание отмеченные тенденции, связанные с влиянием внутренней религиозности на компоненты СПА (интернальность, доминирование, эскапизм).

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.
2. Андриенко Е.В. Социальная психология. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Слостенина. М.: Издательский центр «Академия», 2000.
3. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988.
4. Оллпорт Гордон В. Личность в психологии. М.: КСП+; СПб.: ЮВЕНТА, 1998.
5. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006.
6. Реан А.А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

Изучение креативности и стереотипности мышления школьников¹⁰

Чечик Надежда Евгеньевна

студент

Казанский государственный университет им. В. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: little13hope@rambler.ru

Введение

Творчество (англ. Creativiti). В узком смысле - человеческая деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее, и имеющее общественно-историческую ценность. Комментируя подобную точку зрения, Л.С. Выготский писал, что в таком случае «Творчество есть удел немногих избранных людей, гениев, талантов, которые создали великие художественные произведения, сделали большое научное открытие или изобретение какого-нибудь усовершенствования в области технологии». Творчество неразрывно связано с таким понятием, как креативность.[7, с. 536]

Креативность (англ. Creativiti) - творческие способности человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, характеризовать личность в целом или ее отдельные стороны. Изучением креативности занимались Гилфорд, Торренс, Богоявленский. [7. с. 247] Креативность, с точки зрения Дж. Гилфорда - это способность удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартной ситуации, нацеленность на открытие нового.

Методы

В данном исследовании мы использовали 4 методики по изучению креативности:

1. *Тест Дэвиса.*
2. *Методика оценки стереотипности*
3. *Круги (методика направлена на изучение креативности мышления)*
4. *Тест Гилфорда.* (см. Приложение 1)

При описании результатов нами были использованы следующие сокращения: ВС – выше среднего, СР – средние значения, НС – ниже среднего.

Характеристики выборки: В данном исследовании приняло участие 131 человек (из них 45 мальчиков и 86 девочек). Ученики 7 (30 человек), 8 (24 человека), 9 (28 человек),

¹⁰ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант №...).

10 (24 человека), 11 (25 человек) классов школы №146 города Казани и Малого университета при КГУ. Тестирование проводилось на специально подготовленных бланках, инструкция зачитывалась опрашиваемым ученикам вслух.

Математическая обработка: сравнение производилось при помощи сопоставления средних значений, а также корреляционного анализа Пирсона.

Результаты

Проанализировав полученные в ходе исследования данные, мы пришли к нескольким выводам:

1. Чтобы успешно решать творческие задачи, нужно обладать определенными навыками. То есть творческий процесс связан с усвоением старого материала, и без этого невозможно создание чего-то нового.

2. В процессе творчества развиваются не только творческие, но и вербальные способности.

3. Мы увидели, что креативность – это качество, проявляющееся в различных областях, при чем в каждом возрасте эта область своя: у одиннадцатиклассников, например, наибольшая оригинальность связана с выражением своих идей, составлением новых предложений, то есть с коммуникацией. У девятиклассников наибольшая оригинальность в области лексики и речи, в 7 классе оригинальность связана с воображением и фантазированием, в 8 классе оригинальность проявляется в нестандартном использовании предметов.

4. В ходе исследования мы пришли к выводу, что стереотипность не увеличивается в процессе обучения, но ориентирование на ЕГЭ предопределяет развитие стереотипности мышления.

5. Так же мы выяснили, что динамика креативности и динамика стереотипности – это различные процессы, проходящие относительно независимо друг от друга, поскольку нами практически не было выявлено корреляционных зависимостей между этими параметрами. Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась, можно утверждать, что креативность развивается нелинейно, а скачкообразно.

Литература

1. Блонский П. П. Память и мышление – Изд. Питер, Санкт-Петербург, 2001 - с. 288.
2. Бирюков С. Д. К вопросу о взаимосвязи интеллекта, креативности и личностных черт у детей / Интеллект и креативность в ситуациях межличностного взаимодействия (сборник научных статей) / под ред. Воронина А. Н., Габриелян Н. А. – М: Российская Академия наук, институт психологии, 2000.
3. Кирнос Д. И. Индивидуальности и творческое мышление – Изд. Питер, Санкт-Петербург, 2001 – с. 171
4. Кон И. С. Психология ранней юности – М: Просвещение, 1989. - 254с.
5. Лук А.Н. Психология творчества. – М.: Наука, 1978 - с. 126.
6. Лютова Е. К. Некоторые психологические основания технологии научного творчества / Интеллект и креативность в ситуациях межличностного взаимодействия (сборник научных статей) / под ред. Воронина А. Н., Габриелян Н. А. – М: Российская Академия наук, институт психологии, 2000.
7. Психологическая энциклопедия. Большой психологический словарь / под редакцией Зинченко В. П., Мещерякова Б. Г. - с. 672
8. Ротенберг В. Парадоксы творчества - <http://www.flogiston.ru>, 1999
9. Туник Е. Опросник креативности Рензулли // Школьный психолог. – 2004. №4.
10. Фрольцова Типология индивидуальности в аудиовизуальной коммуникации - Минск, БГУ, 2003 – с. 217
11. Хьелл Л, Зиглер Д. Теории личности основные положения, исследования и применения – Изд. Питер, Санкт-Петербург, 2006 – с. 606

12. Шакирова Д., Сибгатуллина И., Сулеманов Дж. Мышление, интеллект, одаренность: Вопросы теории и технологии / под редакцией действительного члена РАО и АНТ, доктора психологических наук, профессора М. И. Махмудова; Академия наук Республики Татарстан, отделение социально – экономических наук - Казань, Центр инновационных технологий, 2005 с. 304
13. Шикун А.Ф., Лебович Х.И. Методы, методология и психология научного исследования – Тверской государственной университет, кафедра психологии, Госкомитет РФ и ВО, Тверь, 1995 с. 39
14. <http://vocabulary.ru/?rub=8> Национальная психологическая энциклопедия >> интериоризация
15. <http://azps.ru/articles/creat/creat18.html> - Структурная схема творческой деятельности
16. <http://azps.ru/articles/creat/creat16.html> - Фазы творческого процесса
17. <http://azps.ru/tests/pozn/creativ.html> - тест Гилфорда

Социально-возрастной аспект принятия решения

Шмаков Алексей Витальевич

аспирант

Уральский Государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург, Россия

E-mail: alex-tanatos@mail.ru

Проблема и цель исследования. В процессе жизнедеятельности человек не пребывает в информационном вакууме, поэтому, принимая какое-либо решение должен определить для себя основания выбора. На языке формальной логики это звучит следующим образом: прежде чем вынести суждение (словесное отображение принятого решения) индивид должен рассмотреть какие-то посылы, силлогизм подразумевает наличие только двух (малая и большая). В реальной жизни посылок может быть бесконечное количество: требования закона, религиозные каноны, а также национальные и семейные традиции, корпоративная культура и многое другое. Однако, перечисленные выше регулянты поведения приобретают для индивида значимость параллельно с процессом взросления, по мере интеграции человека в систему общественных отношений. Неслучайно, ряд гражданских прав и обязанностей личности может быть реализован только при достижении определенного возраста, и при соблюдении некоторых условий, например, наличия гражданства страны пребывания. В данном контексте следует подчеркнуть значимость интерпретации получаемой индивидом информации, поскольку путем ее усвоения и анализа происходит формирование поведенческих норм и выбор критериев принятия решения. Этот процесс, в свою очередь, зависит от множества факторов, таких как уровень образования индивида, актуальные потребности, эмоциональное состояние и т.п. Характерный пример неоднозначности оценок это многоженство, наркоторговля и эвтаназия.

Основываясь на вышесказанном можно сформулировать цель исследования: определить зависимость параметров принятия решения от социально-возрастных особенностей личности.

В качестве параметров принятия решения использовались следующие психологические переменные: ценностные ориентации, как один из основных субъективных критериев принятия решения; упорство, как элемент волевого контроля и способность индивида следовать своим убеждениям; интеллект, как способность к анализу и интерпретации поступающей информации в ситуации принятия решения.

Процедура и методы исследования. Выборка исследования состояла из 270 испытуемых мужского пола и подразделялась на девять подгрупп, ее структура представлена в таблице.

Структура выборки исследования

Социальные группы	Возрастные группы		
	14-17 лет ▼	18-25 лет ▼	26-32 года ▼
отчужденные ►	вечерняя школа	осужденные	осужденные и безработные
средние ►	типовая МОУ СОШ	студенты техникума	средний класс
успешные ►	элитная школа	студенты ВУЗа	топ-менеджеры

Для изучения содержательной части указанных параметров принятия решения использовался следующий инструментарий: культурно свободный тест интеллекта Р.Кеттелла, методика «Ценностные ориентации» М.Рокича и методика экспериментальной оценки упорства посредством предъявления испытуемым неразрешимой задачи с использованием кубиков Коса, предложенной Е.П.Ильиным. Для анализа полученных данных применялись контент-анализ, ф-критерий Фишера в сочетании с λ -критерием Колмагорова-Смирнова и Q-критерий Розенбаума.

Выводы по результатам исследования. Интеллект, как параметр принятия решения, зависит от возраста субъекта деятельности. Отмечается превосходство группы «18-25 лет» над двумя другими группами, а также превосходство группы «26-32 года» над группой «14-17 лет». Прослеживается прямая зависимость от социального статуса.

Упорство, как параметр принятия решения, зависит от возраста и социального статуса индивида, с возрастом уровень упорства повышается. Полярные по своей природе социальные группы испытуемых «отчужденные» и «успешные» отличаются более развитым упорством по сравнению с группой «средние», а «успешные» в свою очередь превосходят «отчужденных».

Сравнительный анализ ценностных ориентаций показал, что, по данному параметру, между возрастными и социальными группами присутствуют как сходства, так и отличия. Независимо от деления испытуемых на возрастные или социальные группы среди приоритетных терминальных ценностей присутствуют категории «здоровье» и «материальная обеспеченность». Во всех социальных группах присутствуют общие приоритетные инструментальные ценности: «аккуратность», «воспитанность» и «независимость».

Разделение терминальных ценностей на смысловые подгруппы (досуговые, прогрессивные, фундаментальные, микросоциальные и социально-профессиональные) позволило сделать ряд заключений о динамике приоритета ценностей в зависимости от возраста и социального статуса. С возрастом намечается тенденция приобретения значимости фундаментальных ценностей, так как основная часть приоритетных ценностей в группе «26-32 года» относится к данной подгруппе, но присутствуют и «микросоциальные», и «социально-профессиональные» категории. В более раннем возрасте, в период с 14 до 25 лет индивид ориентирован на социум, в 14-17 лет акцент делается на микросоциум, а в 18-25 лет человек ориентируется уже на социально-профессиональную среду. Группа «отчужденные», то есть люди с признаками социальной дезадаптации, тяготеет к подгруппе «фундаментальных» ценностей, а в

группах «средние» и «успешные» предпочтительными являются «микросоциальные» ценности.

Обретение индивидом самостоятельности и как следствие ответственности за свои поступки проявляется в наличии общей инструментальной ценности «честность» в возрастных группах «18-25 лет» и «26-32 года». Среди приоритетных инструментальных ценностей, в группах «успешные» и «отчужденные» существует общность в виде ценности «честность» и «самоконтроль», которые с повышением социального статуса респондентов повышаются в иерархическом порядке.

Приведенные результаты могут применяться в процедуре профотбора, в педагогике для планирования и мониторинга педпроцесса, а также в юридической практике для решения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденных.

Литература

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Академический Проект, 2003. - 704с.
2. Денисов А.Ф. Культурно свободный тест интеллекта Р.Кеттелла: руководство по использованию / А.Ф. Денисов, Е.Д. Дорофеев. - СПб.: «ИМАТОН», 1994. – 30с.
3. Ильин Е.П. Психология воли. – СПб.: Питер, 2000. – 280с.
4. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб.: «Питер», 2002. – 592 с.
5. Шапарь В.Б. Рабочая книга практического психолога / В. Шапарь, А. Тимченко, В. Швыдченко. – М.: АСТ, 2005. – 672с.